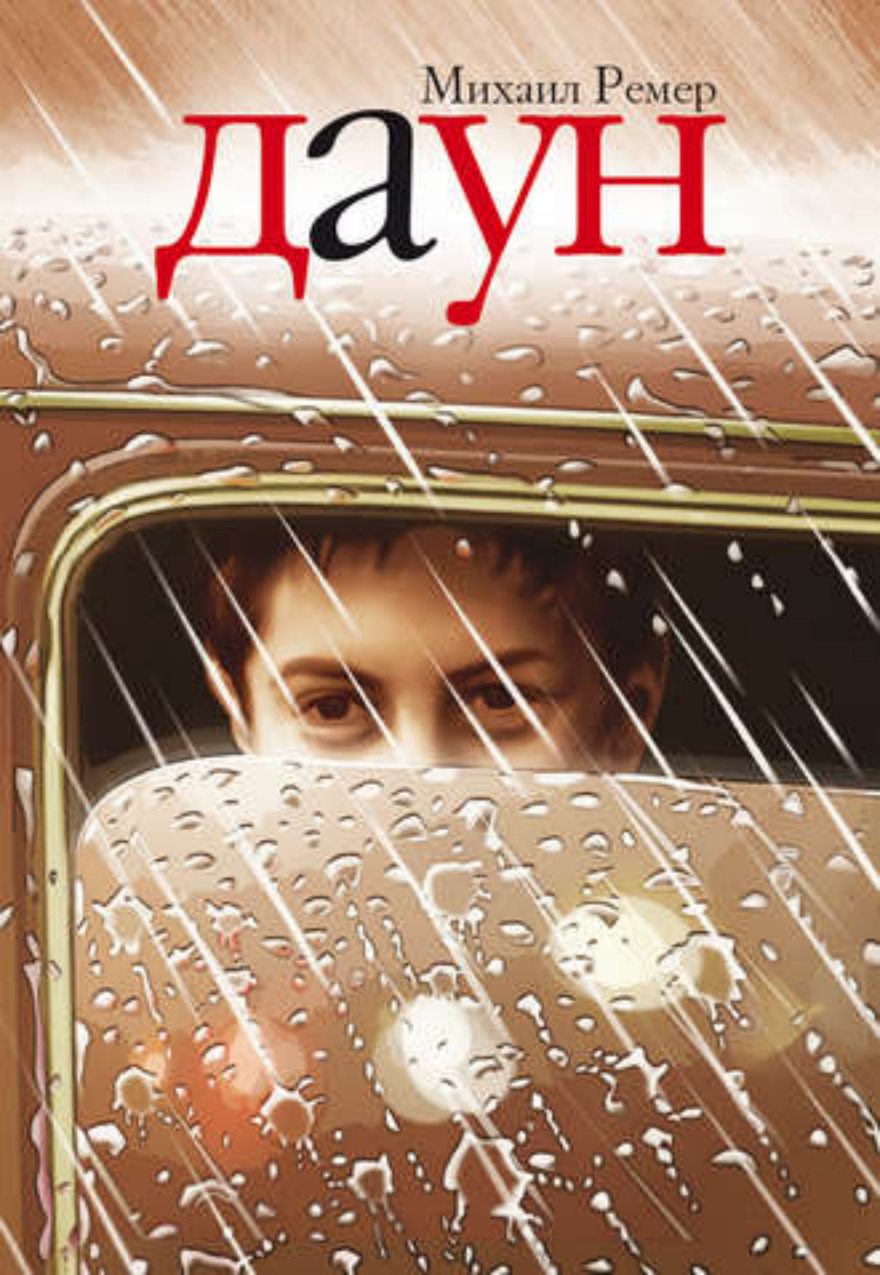
Михаил Ремер

даун



Михаил Ремер

Даун

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Толчок – и все исчезло. Мы приехали, лифт остановился. Мой друг исчезает.

Я не люблю лифты. Они душные. Они хранят чувства людей. Хорошие и плохие. Всякие. И я это чувствую.

Вот кто-то нацарапал что-то на стенке. Мне не понять смысла. Мне это и не нужно. Я просто чувствую: тому, кто это сделал, было плохо. Смотрите, как глубоко процарапана стенка! Вот жевательная резинка. Ее приклеили просто так, для забавы. След от плевка. Кто-то злой оставил его здесь. Он пугает. Яркая наклейка. Кому-то было нечем себя занять. Кому-то было скучно.

– Смотри, Костя, какой хороший сегодня день, – слышу я голос мамы. – Солнышко вышло! Лучиками все отогрело. Почему у солнышка колючие лучики? – смеется она.

А день, и правда, хорош. Первый теплый и солнечный. Первый весенний. Это значит, что прохожие будут улыбаться.

Я люблю видеть улыбки! Это значит, что человеку хорошо. Зимой – плохо. Все куда-то бегут. Все смотрят под ноги. Раздраженные, хмурые, злые. И хорошо, что они прячут глаза. От взглядов тех, кто не смотрит себе под ноги, – не по себе. Иногда – страшно. В такие дни я смотрю только на

снег. Или провожу время со своим другом. Лишь бы не смотреть на прохожих. Зачем мне знать, что всем вокруг нехорошо?

Когда же все улыбаются – и погода солнечная.

Солнечный день! Хороший день! В такие дни мне вспоминается игра. Соседские ребятишки выстроились в круг. Они кидают друг другу мячик. Тот, что в центре, пытается поймать его. Остальные – не дать ему это сделать. Мне жаль этого рыжего мальчика. Совсем чуть-чуть. Я чувствую, что игра нравится всем. Даже тому мальчишке, что бегает за мячом. Просто он в кругу, а остальные нет. Но вот кто-то из ребят ошибся. Мячик оказался в руках рыжего. Теперь худенькая девочка весело гоняется за мячиком ярко-оранжевого цвета.

Всем было весело, я чувствовал это! Все смеялись. Мне тоже стало хорошо! Правда! Я радовался вместе с ребятами. Тогда я открыл для себя тайну: самую большую радость дарят эти мячи! А еще – поймаешь мяч, и все переменится.

А еще я понял, что тоже хочу играть. Я хотел, чтобы они меня приняли в свою игру! Я тоже хочу ловить этот мячик! Я бросился к ребятам. Я попытался схватить мячик. Почему-то они все испугались меня. Правда, ненадолго. Они поняли, что я просто хочу играть. Они поняли, что теперь никому из них не придется ловить мячик – только кидать. Ловить его буду я.

Ребята начали перебрасывать мяч друг другу. Кто-то один ловил его и показывал мне. Я бежал к нему. Но он уже перебрасывал его дальше. Это было самой большой радостью в моей жизни. Правда! Я задыхался от смеха! Я бежал от одного игрока к другому. Я старался поймать мяч, но у меня ничего не выходило. Ребятам эта игра тоже понравилась. Они что-то кричали и громко-громко смеялись.

Кончилась игра плохо: меня попытались обмануть. Тот рыжий мальчишка просто притворился, что бросил мяч. Но это было не так! На самом деле он спрятал его за спину. Я понял это не сразу.

Я стоял в центре круга. Я глядел на ребят. Им было весело, но я почувствовал, что здесь что-то не так. Это уже было не то, что раньше. Тогда ребятам было хорошо. Они просто радовались игре. Но сейчас – нет! Это было что-то нехорошее. Это было что-то злое.

– Где же твой мячик, даун? – смеялись они.

– Поиграй с нами, даун!

– Даун, ищи мяч!

– Даун-собачка. Найди мячик!

Так кричали они мне. Мне стало страшно.

– Ну же, даун, ты что, заснул?

– Даун, даун, где твоя улыбка?

– Даун – Маша-Растеряша!

Мне было непонятно, почему я – Маша. Я – Костя! Костя! А еще почему ребята так изменились? Почему вдруг стали нехорошими? Наверное, это потому, что я потерял мяч. Я глядел на ребят. Я

искал его. Да, я увидел мячик! Он был за спиной у рыжего. Здорово! Сейчас я верну его ребятам, и мы снова будем играть! Мне снова стало весело. Сейчас рыжий мальчишка даст мяч!

Я побежал к нему и попытался выхватить мячик. Но это не развеселило ребят. Наоборот, они испугались. Особенно рыжий. Он почему-то отбросил мяч в сторону. Он отбежал на несколько шагов и громко расплакался.

Мячик несколько раз подпрыгнул и покатился по земле. Мне не составило труда поймать его. Мне снова стало весело. Я побежал назад к плачущему мальчику.

– Я хочу играть дальше! Было так здорово! Я хочу еще! – кричал я ему, но он не понял.

– Даун отобрал мой мячик! – ревел рыжий.

– Неправда! – пытался объяснить я. – Мы играли, и мячик укатился. А я его поймал. Вот он! Давайте играть дальше!

Но ничего не помогало.

– Нельзя оставлять такого ребенка без присмотра! – крикнула одна из мам моей маме, когда та подбежала. – Видите, он напугал наших детей!

– За таким ребенком нужен особый уход, особенно в его возрасте, – подбежала другая.

– Он такой большой, а лезет к маленьким!

– Скоро уже детей на улицу будет страшно отпускать! Ходят здесь всякие!

Эти женщины окружили маму. Каждой надо было что-то сказать. Я часто видел такое во дворе. Много собак собирались в стаи. Им было скучно. Наверное, оттого они и начинали лаять на кого-то. Часто на другую собаку. Мне всегда становилось жаль ту, одну. Она поджимала хвост и начинала убегать. Все остальные гнались за ней. Тогда я подумал, что мама тоже будет убегать. Что-то говорить в ответ. Но она просто взяла меня за руку и молча отвела на соседнюю скамейку. Остальные молча разошлись. Наверное, им стало стыдно.

Игра закончилась. Мама отвела меня подальше от ребят.

– Я хочу играть! Мне было весело! – пытался объяснить я ей. – Почему ты уводишь меня отсюда?

Но мама не слушала. Она отряхнула меня и увела в другой двор. Но почему? Было же так здорово! Даже те ребята потом еще долго бегали за мной. Эта игра им тоже понравилась.

Скоро мне подарили такой же мячик. Точь-в-точь! Но это было не то. Я понял: тот приносил радость. Мой – нет. Только мама по-настоящему играет со мной. Она кидает его мне, а я ловлю. Иногда она прячет его за спину, а я угадываю, в какой он руке. Она придумывает все новые и новые игры. Она радуется со мной. Папа – нет. Ему не интересно. Он садится на скамейку и бросает его мне. Он ждет, когда я принесу ему мяч. Он берет его и снова бросает на землю. Ему не нравится играться в мячик. Ему нравится рассказывать про работу.

Иногда со мной играет Сережа. Он кидает мячик на землю и пинает его. Я пытаюсь поймать его, но Сережа не дает. Он обыгрывает меня. Он убирает мячик у меня из-под самого носа. Мне

весело, но не так, как с мамой. С ней я готов играть всегда. С Сережей – нет. Мне быстро надоедает гоняться за мячом. Все равно Сережа меня обыграет.

Тогда я и придумал свой собственный Мячик. Мой. Только мой. Он появляется, когда мне скучно. Когда одиноко. Он появляется и куда-то скачет. А я пытаюсь его поймать. Это наша с ним единственная игра. А больше и не надо. Нам хорошо с ним и так: мне – догонять, ему – скакать куда-то далеко-далеко. Я знаю: когда-нибудь у меня получится его поймать. Тогда изменится все. Но пока – нет. Наверное, у моего Мячика есть еще свой невидимый хозяин. Хозяин, который решает, когда наступило время. Хозяин Оранжевого Мячика.

Да, я забыл представиться. Меня зовут Костя. У меня есть мама и папа. Еще брат Сережа. Я такой же, как и вы. Точь-в-точь! Только все, кроме родителей, зовут меня дауном. Но почему? Мое имя – Костя. Константин. А еще – никто не берет меня в свои игры… Когда людям одиноко, они начинают играть в игры. Но почему, когда одиноко мне, меня никто к себе не берет? Ни один человек, кроме мамы! Наверное, со всеми творится что-то неправильное.

Мы с мамой вышли во двор. Обожаю прогулки! Мне нравится смотреть на прохожих. Они мне кажутся любопытными, хотя и немного странными. А еще они мне кажутся одинаковыми. Почему? Да потому, что они все делают одно и то же.

Я знаю, как поступит любой прохожий, когда заметит меня. Сначала он будет смотреть на меня. Повернет голову и чуть сбавит ход. Потом посмотрит на маму. Затем резко отвернется и побежит дальше. Он сделает вид, что не заметил меня. Или что заметил случайно. Но я-то чувствую, что это не так! Наверное, всех смущает то, что я не похож на них. Но это не так!

– Я здесь! Я хочу играть! Поиграйте со мной. Почему вы делаете вид, что меня нет? Я есть! И вы это видели! – пытаюсь я окликнуть прохожих. – Я такой же, как и вы. Смотрите, у меня две руки и две ноги. Что еще надо, чтобы играть с вами?

Все зря! Они не отвечают. Они почему-то продолжают притворяться. Наверное, это какой-то обряд. Обряд взрослых.

Когда-то давно по телевизору показывали странных людей. Они ходили в соломенных юбках. Они жили в джунглях. Они подчинялись обрядам – обязательным действиям, смысл которых непонятен. С тех пор все странности взрослых я называю обрядами. Не замечать меня – обряд. Не отвечать – обряд. Не брать в игры – обряд. Обряд, смысл которого мне непонятен.

Единственные, кто не прочь порезвиться со мной, – это дети. У них со мной гораздо больше общего, чем у взрослых. Они умеют радоваться и быть добрыми. Взрослые – нет. Взрослые смеются, улыбаются. Они похлопывают друг друга по плечам. Но им нет дела друг до друга. Когда мама прикасается ко мне, я знаю, что она желает добра. Когда Сережа хлопает меня по плечам, теребит за щеки, он делает это по-доброму. Когда папа жмет руку и улыбается другому дяде… Так принято. Я вижу, что это – обряд.

Это такой же обряд, как телевизор у папы по вечерам. Я обожаю смотреть телевизор. Особенно мультики! Я готов весь день смотреть их. Весь день, пока нет дома папы. Вечером он возвращается и приступает к своему обряду. Сначала он ужинает и рассказывает маме про работу. Потом смотрит новости. Или злые фильмы. Фильмы про нехороших людей. Ему нравятся такие

картинки. Если что-то горит, рушится, ломается, значит, папа заснет. Если мультики – он будет искать свои картинки. До тех пор, пока не найдет. А я их не смотрю. Они плохие. И еще после них бывает трудно заснуть.

Мама

Костик славный мальчик. Он такой добрый и ласковый. А еще он умеет чувствовать то, чего не можем мы – нормальные люди. Хотя, что такое нормальный человек? Часто, очень часто я задаю себе этот вопрос. Ответ кажется простым, но, когда я гляжу на сына, я почему-то начинаю сомневаться. Костик – единственный человек, который никогда и не в чем не притворяется. Он – единственный, кто не делает зла. Костик, в конце концов, единственный, кто по-настоящему радуется жизни! Он делает все, чего мы, нормальные, не можем себе позволить. Но мы – нормальные, а он – нет. По крайней мере, так считают все вокруг.

Я помню, как он появился на свет. Через три с половиной года после Сережи. Почему-то мы даже ни на секунду не сомневались в том, что это будет мальчик. Даже имя ему придумали задолго до рождения. Константин – стойкий, постоянный, твердый.

Мы спали, и нам снился крепкий, розовощекий, улыбчивый карапуз. А еще гурьба внуков и внучек, которых подарят нам двое сыновей. Почему-то Борис мечтал именно о двух мальчишках. Он даже и не думал о том, что может родиться девочка.

В общем, все готовилось к появлению на свет второго ребенка: проверялись пеленки, коляски и старые погремушки. Мы долго спорили: подойдет или нет та или иная Сережина рубашка Константину, какие сказки ему читать на ночь, в какой сад определять. Еще до рождения Костя стал любимчиком всех членов семьи, включая бабушек и Сережу, ждавшего, когда же наконец у него появится братик.

Я не помню, как прошли роды. Почему-то этот момент в памяти не задержался. Помню только, как пожилая сестра мне радостно сообщила:

– Мальчик у тебя, красавица! Крепыш!

А еще я помню, как ждала появления мужа. Вес – 2900, рост 48. Почему-то хотелось прямо с порога ошарашить его именно этим.

Я помню это ощущение легкости и гордости: за себя, за Костю, за мужа и Сережу. Мы сделали это! У нас все получилось!

Удивительно, как быстро разносятся новости! Это тогда, когда ни про какие мобильные телефоны никто и знать не знал! Уже на следующий день нас атаковала армия бабушек, дедушек и прочих родственников.

Почему-то в память навсегда впечатались эти бесконечные полусонные дни до выписки. Эти бесконечные и бессмысленные разговоры с соседками по палате. Эти кормления – каждые три часа. Это были несколько дней, наполненных счастьем. Счастьем ожидания.

А потом начался кошмар. Столько раз я пыталась стереть из памяти следующие несколько дней. Напрасный труд! Лишь только острее прочертились они в памяти. Две недели страха, туманных намеков врачей, бесконечных разговоров с мужем, трусости окружающих и полной растерянности. Мы остались одни на белом свете: я, Костя и моя мама.

Это потом в справке напишут про искривленные мизинцы, монголоидный разрез глаз. Еще много чего напишут. В справке это все назовут обезличенно формально – отклонениями. В жизни же это зовется коротким и страшным словом – даунизм.

Казалось, весь мир ополчился тогда против нас! Все близкие вокруг стали такими чужими! Почему-то им казалось, что оставить мальчика в семье – самое большое зло из всех, что можно придумать! Все, даже муж были против этого! Нет, в открытую никто ничего такого не говорил. Просто как-то невзначай намекали на такой вариант, и это было самое страшное. Все разговоры начинались одинаково:

– Как считаешь, может, было бы лучше для нас всех?..

С тех пор я ненавижу эти слова: «Мы все». «Мы все» – значит «никто». «Мы все решили, мы все советуем, мы все переживаем». Ни у одного из них тогда не хватило мужества сказать: я решил, я советую, мой совет. Каждый говорил за всех. Каждый бросал мне камень в спину из толпы.

– Мы очень переживаем за тебя.

– Ты выглядишь уставшей.

– Тебе надо…

Да что вы знаете про то, что пришлось пережить мне? Трусы! Земной поклон врачам и маме – единственным людям, кто поддержал меня. Без их помощи я бы сломалась.

А еще поразила решительность мамы: в первые же дни она где-то достала кучу томов медицинских энциклопедий, справочников и прочего. Она проводила дни напролет в бесконечных консультациях с врачами. Она добывала где-то фрукты и овощи! Подумать только, сколько мужества и решительности нашлось у нее. И это в то время, как все остальные трусливо предлагали отдать Костика в приют! Страшно вспомнить!

А сейчас я смотрю на него, как он возится с детворой в песочнице, и радуюсь. Я дала жизнь еще одному человеку. Доброму, чуткому и отзывчивому. А еще немного завидую Костику. Сколько бы лет ни прошло, он всегда будет ребенком с чистой, незапятнанной душой.

Костик

Сегодня на площадке много детей. Под присмотром пап и мам они строят свои крепости и замки. Хлопают по дну пластмассовых ведерок, делают пирамидки. Мне с ними уютно. Для них я свой.

Я присоединяюсь к ребятам. Мама садится на одну из пустых скамеек. Но почему она садится отдельно ото всех? Мне всегда казалось, что быть одному – тяжело. Гораздо приятней играть с такими же, как ты. Но мама во время прогулок одна. Всегда. Она словно специально выбирает одну из пустующих скамеек. Для меня это странно. Зачем, если можно поиграть с такими же, как она сама, мамами? Наверное, так ей спокойней. Я чувствую это. Думаю, в это время она играет с собственным Мячиком.

Играть в песочнице с детьми гораздо интереснее, чем смотреть на окружающих. Я забываю про все. Я присоединяюсь к общей забаве.

Мы уже почти достроили замок – я и совсем крохотная девочка. Мы уже делали стену, когда сзади меня кто-то ударил. Я развернулся. Прямо за мной стоял маленький мальчик. В руках у него было небольшое металлическое ведерко.

– Мой! – выкрикнул он, снова больно ударяя меня своим ведерком.

– Нет, мой! – в ответ ему крикнул я.

– Дай! – снова стукнул меня ведерком он.

– Не дам! – выкрикнул в ответ я.

– Нет, дай! – снова замахнулся он на меня своим ведерком.

В ответ я оттолкнул его от себя. Мальчик сделал два шага назад и плюхнулся в песок. Едва приземлившись, он громко разревелся. Мамы подбежали почти сразу же: моя и того мальчика. Они живо растащили нас в разные стороны.

– Такой большой, а дерешься с маленькими! – покачала головой моя мама.

– Но он первый начал! – попытался объяснить я.

– И что вы не поделили? Вот скажи, чего вам не хватало? – тяжело вздохнула она.

– Он первый начал. Он ударил меня ведерком! А я дал сдачи! – От обиды у меня даже перехватило дыхание. – Я хочу в песочницу! Мама, там было так весело! – пытаюсь объяснить ей я.

– Ты уже взрослый мальчик. Тебе скоро будет восемнадцать лет, а ты дерешься с малышами! – не желала слушать мама. – Как тебя после этого пускать в песочницу?

– Я больше не буду! – разревелся в ответ я. – Я хочу играть вместе с детьми! Мне было весело!

– Ну, хорошо, хорошо, – соглашается мама. – Но это в последний раз.

Меня снова пустили в песочницу! Я снова возвращаюсь к строительству замка. Мальчику тоже хочется играть. Вот он делает несколько шагов по направлению к нам. Я еще не решил, пускать его или нет. А вдруг он снова стукнет меня? Он не отрываясь глядит на нас. Затем он просто подходит

и присоединяется к игре. Наш замок становится все больше и больше. Теперь у него появляется настоящая крепостная стена с воротами! Нам весело втроем! Мы дружно смеемся! Одна из башен обваливается. Ну и что? Мы сделаем новую, в тысячу раз красивее и крепче!

Прогулка закончилась. Мы возвращаемся домой. Как заведено, мама меня искупает и уложит спать.

Сама будет заниматься своими делами. Впрочем, сегодня все будет иначе. Я еще не знаю, но чувствую это.

Когда меня вывели из ванны, Сережа уже был дома. Странно. Обычно он появляется, когда темнеет. Ужинает и куда-то убегает. Иногда, совсем редко, ложится спать. Когда я просыпаюсь утром, его уже нет. Но сегодня все иначе. Сережа дома, значит, мама собирается куда-то уйти. Странно, обычно она берет меня с собой. Она почти всегда веселая, но не в этот раз. Я чувствую, что ее что-то тревожит. Что-то не дает ей покоя. Ей надо идти одной, и она уходит.

Сережа

Ненавижу сидеть дома, да еще и с братом! Нуднее занятия не придумать – ни телевизор посмотреть, ни в игры поиграть. Костян не даст. Ну почему он не может понять, что люди не могут заниматься им одним, у них свои дела есть, поважнее. Зря мама с ним столько возится. Нет, я понимаю: сын там и все такое. Наняла бы няньку! Но нет, меня надо сорвать из института. Вот мне делать нефиг, как с ним нянчиться! Но ведь Константин – любимчик, хоть и даун. Значит, Сереже кровь из носу надо все бросить и лететь домой, чтобы понянчиться с Костяном. Бред!

Я решил включить компьютер и поиграть, лишь бы не возиться с ним. Все равно заниматься чем-то серьезным типа диплома он не даст. Ему же играть хочется! Видите ли, мячик побросать надо туда-сюда. Вот мать придет, она с тобой и поиграет в твой любимый мячик. А я с тобой возиться не буду! Не хочу!

Спасибо, хоть Ольга придет. Мы знакомы давно, с первого курса. Но по-настоящему начали встречаться месяца два назад. Странная она немного: удивляется, почему я не приглашаю ее домой. Так поди, пригласи, когда тут брат-даун! Но сегодня она настояла на своем. Ну и хорошо. Вдвоем веселее будет. А Костян… Будет надоедать, запру в комнате. Блин, вечно всю тему портит!

Впрочем, мое раздражение уходит также быстро, как и появляется. Стоило лишь чуть понаблюдать за Костяном. Не знаю почему, но не получается у меня долго злиться на него. Хоть ты тресни! Забавный он, хоть и даун. А еще странный. Черт с тобой, тащи сюда свой любимый оранжевый мячик.

Костик

Мама ушла. Перед этим она долго рассматривала какую-то толстую-толстую тетрадь. Из нее то и дело вываливаются разные штуки: листики, какие-то серо-белые картинки. Мне интересно, что это. Я пытаюсь схватить их с пола и как следует рассмотреть. Однако в этот момент Сережа оттаскивает меня в сторону. В другой раз я бы начал кричать, но не сейчас. Я просто чувствую, что это очень важно. А еще я вижу, как мама поспешно собирает все с пола и кладет на место.

У меня есть точно такая же тетрадка. Она всегда с нами, когда мы с мамой ходим в больницу. Мама всегда отдает ее какому-то дядьке в белом халате. Он каждый раз бегло перелистывает страницы.

– Ну и как наши дела? – исполняет свой обряд он.

Дядька хочет обмануть маму. Хочет, чтобы она думала, что ему и правда интересно, как у нас дела. Он улыбается. Он смотрит то на меня, то на маму. Важно кивает головой. Что-то записывает в мою книжку. Но что он пишет? Я видел ее. Смотрел каждую страничку. Там ничего не понять. Даже картинки и те какие-то странные.

Обряд закончится как обычно. Дядька потреплет меня по голове и улыбнется маме. Но не по-настоящему, а как всегда. Как всегда, мама улыбнется в ответ и посмотрит на меня. Дядька добивается своего – мама ему верит. А я – нет. Я боюсь его. Я боюсь этого дядьку и его обряда.

Мама ему что-то рассказывает, а он кивает головой. Мне он не нравится. Он только притворяется добрым. На самом деле он не такой. Он – уставший бородач, которому все равно, что скажет мама. Он лишь накалякает что-то на бумажке и отпустит нас домой. Но это еще хорошо! Иногда он отправляет нас в другие комнаты. Мне там больно колют пальцы или втыкают в попу иглы. Иногда это не больно, но чаще очень больно! А еще меня как-то закрыли в какой-то крохотной кабинке. Меня оставили одного и вышли. Кабинка начала двигаться, и мне стало страшно. Я расплакался. Маме вместе с пожилой тетенькой пришлось меня долго успокаивать.

– Разве можно так бояться флюорографии? – качала головой тетя. – Ведь это совсем не страшно. Ни капельки! Даже я не боюсь. А ты такой большой и боишься! – успокаивала меня она. Ей было жаль меня. Я это чувствовал. А еще я чувствовал, что ей еще больше жаль маму.

С тех пор я не люблю это место. Здесь все не по-настоящему: тетеньки и дяденьки лишь делают вид, что им жаль меня и маму. На самом деле им любопытно. Они поглядывают на нас с мамой с опаской. Я чувствую: им делается неуютно, когда мы с мамой заходим в их кабинеты.

Папа

Я всегда говорю: заниматься какими-то делами должны настоящие профессионалы. Только они и никто другой. Так почему мы вызываем Сергея из университета, чтобы посидеть с Костей, пока Юля в больнице. Зачем? Ведь можно, как обычно, отдать его в детскую комнату при больнице? Там за ним проследят, дадут игрушки, что там еще ему надо. Пусть себе возится на здоровье. В конце концов, они за это деньги получают. Но нет, срываем Сергея.

Сейчас для Сергея самое важное – учеба. Все остальное – хлам. Сергей – будущий профессионал. Он должен учиться. Ничто так не раздражает, как сын, в учебное время сидящий дома. Да сейчас самое время пахать! Пахать, пахать и еще раз пахать! Всегда говорю: «Сын, зарабатывай диплом, получай опыт работы. Паши. Сейчас – тяжело. Потом будет еще тяжелее. А потом прорвешься в топы, станет проще. Сейчас – низкий старт. Успеешь подняться – молодец. Не успеешь – рискуешь остаток жизни толкаться где-то там, внизу, среди неудачников низшего звена».

И что? Извольте, сына отзывают из университета, с работы, чтобы посидеть с братом-дауном. Может, ему еще и академический отпуск взять? Сегодня обязательно поговорю на эту тему с Юлей.

Костик

Я чувствую, что что-то происходит. Но что? Я не могу понять. Раньше я почти весь день проводил рядом с мамой. На улице, на кухне, в зале, в больнице. Она никогда не оставляла меня одного на столько времени. Но теперь что-то изменилось, и виноват в этом тот самый дядька в белом халате.

Именно он протянул маме какую-то бумажку в тот день.

– Я настоятельно рекомендую вам пройти полный курс обследования. Настоятельно. Не откладывайте. – Мама печально улыбнулась в ответ. А он словно не заметил. Он хотел показать, какой он важный. Он продолжал: – Это может быть очень серьезно. Я повторяю, очень! Сына можете оставить в детской комнате. Там сейчас как раз ожидают родителей несколько ребят. Ему будет хорошо с ними. Поверьте.

Меня ввели в какую-то комнату. Хорошая комната! В ней полно игрушек и всякой всячины. Лесенки, мячики, корзинки и еще много-много интересных вещей! Была даже небольшая железная дорога с составом! Точь-в-точь как настоящая, только очень маленькая! В комнате было несколько ребят моего возраста.

– Как нас зовут? – ласково обратилась ко мне седая бабушка.

– Костя, – отвечает мама.

– Знакомьтесь, Юлия Дмитриевна, наша нянечка. Софья Николаевна. Она присмотрит за Костей, пока вы будете проходить процедуры, – рассказал бородатый дядька.

– Не беспокойтесь, Косте здесь будет хорошо, – по-доброму улыбнулась нянечка маме. – Пойдем, Костя, я познакомлю тебя с остальными ребятами, – за руку повела она меня к игравшимся на полу детям. А маму в это время повели куда-то в комнаты, где делают больно. Мне стало жалко маму. Ее тоже будут колоть этими противными иголками! Но она не сопротивлялась. Она пошла за этим дядькой. Значит, все будет хорошо. Значит, можно спокойно играть.

С тех пор у меня появились новые друзья. Слава – мальчик, которого всюду возят на коляске. Сам он не может двигаться. Все, что он может, – это время от времени улыбаться. Катя, рыжая девочка. Она, как Пеппи Длинныйчулок. Совсем недавно мама читала мне эту сказку. Пеппи мне понравилась – веселая и шумная. Катя на нее так похожа! Правда она не умеет разговаривать на понятном взрослым языке. Так же как и я. Но нам это и не нужно. Втроем нам хорошо. Мы понимаем друг друга без слов.

Иногда мне непонятно – зачем людям слова. Достаточно почувствовать хорошее настроение того, кто рядом с тобой. Тогда и тебе станет хорошо. Словами можно сказать неправду. Чувствами – нет. Но взрослые почему-то предпочитают говорить словами. Наверное, им очень важно, чтобы никто не узнал, что они чувствуют на самом деле.

В играх мы проводим все время, пока наши мамы ходят по кабинетам. Так здорово! Наконец одна за другой появляются мамы Славы и Кати. Они забирают моих друзей, и я остаюсь один. Я сажусь на пол и закрываю глаза. В тот же самый момент возникает та страшная темная комната. Но я знаю, что это – ненадолго. Скоро появится мой Ярко-оранжевый Мячик. Мой друг. Он все будет скакать куда-то, а я постараюсь угнаться за ним.

– Он у вас такой смирный ребенок. Просто чудо, какой тихий, – будит меня голос нянечки.

– Ну что вы, Софья Николаевна. Он у меня очень подвижный и шумный. Наверное, его просто напугала смена обстановки, – беседовала мама с нянечкой.

– Ну, ничего, бывает. К следующему разу, думаю, он пообвыкнется, – ласково улыбается няня и гладит меня по голове. – Просто чудо, какой мальчуган!

Я чувствую, что она говорит правду. Она не жалеет меня. Она не жалеет маму. Она хоть и взрослая, но говорит то, что чувствует. Меня тянет к этой хорошей бабушке.

– Когда придете в следующий раз? – интересуется она у мамы.

– Завтра, – как-то напряженно улыбается мама.

Няня чувствует, что мама чем-то обеспокоена.

– Ты не волнуйся, милая, – улыбается она. – Все хорошо будет.

– Спасибо, – в первый раз по-настоящему улыбается мама в ответ.

После этого маму словно подменили. Она стала реже улыбаться. Чаще как-то устало вздыхать. Она начала надолго уходить и оставлять меня одного. Иногда к нам приходила Оля. Она – Сережина

девушка. Он так и сказал: «Оля – моя девушка». Но как такое может быть? Разве может один человек быть чьим-то? Как портфель? Мне этого не понять.

Оля хорошая. Она всегда готова поиграть со мной. Не то что Сережа. Сереже это не нравится. Очень. Но Оля очень бойкая. Она каждый раз уговаривает Сережу, и мы играем втроем.

Иногда мама берет меня с собой в больницу. Сначала я боялся. Вдруг она снова поведет меня к тому бородатому дядьке? Но нет. Мама куда-то уходила, и я оставался в комнате с игрушками. Иногда встречался со своими друзьями. Только играть почему-то не хотелось.

Во время прогулок мы стали часто заходить в аптеку. Там мама покупает какие-то цветные коробочки и пузырьки. А по вечерам папа стал о чем-то подолгу выспрашивать маму. А потом она решила оставить нас на неделю. Наверное, она устала и хочет отдохнуть. Наверное, ее утомил этот бородатый дядька.

Папа

Вот тебе и приехали! Юле надо срочно ложиться в больницу, а она на море решила ехать. Отдохнуть, видите ли, надо. Это ты с дауном сидеть устала? Ну что за женщина! Ладно, о других не думаешь! О себе-то хоть побеспокойся!

Я тогда домой пришел, на разговор серьезный настроился. А тут вот тебе, как ледяной водой окатили! Я и думать-то про разговор забыл. Пусть пока Сергей с Константином посидит какое-то время. С учебой сам разберется, на работе – я прикрою. Сейчас устаканится все немножко, разберемся и с этим. Вовремя с Ольгой познакомился. Смышленая, поможет. Но как же так, как же так?

Костик

– Мама улетит на семь дней. Она устала, и ей надо отдохнуть, – объявил за столом папа. Я вижу, что он не хочет, чтобы мама уезжала. Совсем не хочет. Но почему? Я не понимаю.

Папа всегда говорит, что надо отдыхать. Отдыхать надо хорошо. Иначе не будет сил работать.

Сам он отдыхает часто. Гораздо чаще мамы. Он берет с собой Сережу и куда-то уезжает. Возвращаются они оба загоревшие и довольные. Они привозят разные вкусности, подарки для мамы, фотографии. Я люблю смотреть на фотографии! Особенно те, где нет ни Сережи, ни папы. С

ними – не люблю. Их я и так вижу каждый день. Море, песок, горы – только на фотографиях и по телевизору.

Мне нравится, когда мне рассказывают про горы. Я закрываю глаза и представляю их себе! Горы для меня – это что-то такое. Такое, что я не могу объяснить. Мне всегда представляется, что они прячут в себе что-то удивительное. Стоит только подняться наверх. Стоит только как следует захотеть! Приглядеться, и горы откроют свои тайны. А может, надо всего лишь знать место и волшебные слова. Если знаешь, пещеры откроют тебе все свои тайны.

Мама читает мне много сказок. Про пещеры с сокровищами. Про гномов, троллей и разбойников. Они все живут в горах. Они прячут от людей свои сокровища. А еще тех, кто им не нравится, превращают в игрушки. Игрушки, которые стоят в сокровищнице Главного Гнома. Но мне не страшно. Мама читает мне много сказок. Я знаю, что гномы боятся куриных яиц.

Я каждый раз жду, что расскажут Сережа с папой. Они ведь живут рядом с горами. Но они почему-то не любят говорить о горах. Они говорят про гостиницу, рестораны и цены. Иногда про море.

И почему-то никогда про горы. Они даже не поднимаются наверх. Наверное, просто боятся. Боятся гномов. Боятся, что их превратят в игрушки. Если бы они читали мне сказки, они бы знали, чего боятся гномы. Тогда бы они обязательно забрались на одну из гор.

Мама не ездит никуда. Совсем. Только с нами на Новый год и только на чуть-чуть. Это не справедливо! Почему мама должна всегда сидеть дома? Она тоже хочет отдыхать. Все должны отдыхать. Это же говорил сам папа! Почему же он так недоволен?

Мама тоже грустная. Мне не понять почему. Папа и Сережа перед поездкой всегда радостные. И мама тоже. В этот раз нет.

– Смотри, Костя, я поеду в этот отель. Он совсем рядом с морем. Я буду купаться в море и загорать. А еще там рядом горы. Высокие-высокие. Я знаю, ты любишь горы. Я обязательно поднимусь на самую высокую и сделаю фотографию, – рассказывает мне мама.

Теперь мне все понятно! Папа просто боится, боится за нее. Вдруг гномы утащат ее к себе в подземелье? Но этого не случится. Мама читает сказки. Она знает про троллей и гномов все. Мама знает, чего они боятся. Она не даст утащить себя. А еще она обязательно привезет мне фотографию гор!

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда пора придет.

Мама уезжает. Она устала, и ей требуется отдых. Она будет отдыхать где-то далеко от нас. Очень. Мы будем жить втроем: папа, Сережа и я. Никому это не нравится. Я чувствую это. Маме – потому что она будет чувствовать себя там одиноко. А еще она будет переживать за меня. Сереже – потому что ему придется возиться со мной. Папе – потому что он боится. Вот только я никак не могу понять чего.

Наверное, только я один радуюсь. Я рад за маму. Еще бы! Она побывает далеко-далеко отсюда. Так далеко, что даже не увидеть с балкона нашего дома! А еще радуется Оля. Она знает, что мама почти никуда не ездит. Она рада, что мама наконец-то решилась.

Оля

Странные они, конечно. Говорят одно, делают совсем другое. Сережа раза три в год летает с отцом на курорты. Он взахлеб рассказывает о том, что надо отдыхать. Юлия Дмитриевна раз в кои-то веки собралась в отпуск, так все ходят раздраженные дальше некуда.

Да, болезнь тяжелая. Да, надо лечиться. Но семь дней ничего не решат. Совсем ничего. А она хоть сил наберется. Отдохнет. Глядишь, и лучше станет. Все это я пытаюсь объяснить Сереже. Ощущение, что головой о стенку бьюсь. Эффект, по крайней мере, тот же самый.

Брат у Сережи чудной. Костик. Даун. Шумный такой, веселый. Сначала меня боялся, потом ничего, привык. Бежит, встречает меня, как только я появляюсь. Я-то знаю, чего они такие озлобленные. Не хотят с Костиком возиться. Привыкли, что Юлия Дмитриевна этим занимается, а она на курорт собралась. Вот и не знают, что с ним делать. Тоже мне, проблема!

Езжайте, Юлия Дмитриевна, я прослежу за всеми. Мне не сложно. Совсем. Тем более что Костик – живой, не то что его старший братец. Мне иногда сложнее с Сережей, чем с Костей. Летите, Юлия Дмитриевна, не переживайте ни о чем. Все будет в порядке.

Костик

Я всегда думал, что весь мир можно увидеть с нашего балкона. Правда! Детскую площадку, где мы с мамой гуляем каждый день. Магазин, где делаем покупки. Поликлинику, куда ходим к тому бородатому дядьке. Не видно только дома бабушки. Но это просто потому, что он низкий. Ниже, чем деревья в парке.

Я видел ее дом всего несколько раз. Давно, когда еще папа возвращался с работы не поздно ночью, как сейчас, а днем. Мы садились в поезд и ехали в деревню к бабушке. Тогда я понял: я обожаю поезда. В них так здорово! Маленькие кабинки-купе, диваны, чай. В соседних купе всегда найдется два-три ребенка, с которыми можно так здорово провести время! Мы играем в игрушки, смотрим в окно, а то и просто бегаем по коридору. А еще мне нравится заглядывать в соседние купе. Мне интересно, что там, за дверью. Это как волшебный мир. В каждом купе – другие люди. В каждом купе – свой собственный секрет. Только почему-то этого не любят все остальные.

Если детей в вагоне нет – ничего страшного. У мамы для меня всегда находилась раскраска или другая удивительная штука. Она всегда готова поиграть со мной. Ей, наверное, тоже грустно, когда не с кем играть.

А еще в поезде так здорово играть в прятки! Стоит лишь совсем на чуть-чуть закрыть глаза, как дерево или озеро, которое было видно из окошка, куда-то прячется. Вместо него уже что-нибудь другое. Что? Это надо угадать. Угадал – ты выиграл. Нет – проиграл. А можно просто сидеть и смотреть в окно. Это тоже здорово!

Тогда мы ездили часто. Очень. Теперь не ездим совсем. Никуда.

Поездка в аэропорт для меня – первое путешествие в другой мир. Тот, который не видно с балкона. Но она мне не понравилась. Совсем.

Сначала мы долго-долго собирались. Мама паковала чемодан. Папа сердился и ходил из комнаты в комнату. Сережа помогал маме. А я мешал им всем. Но я же просто хотел помочь маме! Я думал, что ей будет скучно без лото. Мы же так часто играли с ней в эту игру! Я просто высыпал в ее чемодан все бочонки с цифрами. Я хотел как лучше! Честно! Но почему-то маме это не понравилось. Совсем. Наверное, потому, что без меня ей будет не с кем играть. Она вытряхнула из чемодана наши бочонки.

Потом я увидел на столе вазу с малиновым вареньем. Моим любимым! В вазе не было ложки. Но это не страшно. Малиновое варенье вкусно и без нее. Но я не мог не угостить маму. Она с утра была чем-то страшно озабочена. Я зачерпнул его в ладонь и понес маме. Она была занята и не увидела мой подарок. Тогда я постучал ее по плечу.

После этого папа запер меня в моей комнате. Но я же не виноват, что варенье такое липкое и красное! Почему папа решил, что я виноват?

Потом мы долго-долго выезжали на дорогу. Ту самую, которая начинается от магазина. Пешком мы с мамой доходим до него быстро. Очень. Не успеешь досчитать три раза до двадцати! На машине это получилось так долго! Я сосчитал до двадцати, затем еще раз. И еще. И так много-много раз. А магазин все никак не хотел приближаться! Потом мы долго-долго ехали по проспекту. Пешеходы на тротуаре шли быстрее нас. Они словно смеялись над нами. Правда! Одного из них мы догоняли несколько раз. Казалось: еще чуть-чуть – и мы перегоним его. Но нет!

Каждый раз он ухитрялся обогнать нас. И так снова и снова. Мне это надоело. Я прислонился к стеклу и начал ждать. Как только мы снова догнали его, я закричал:

– Эй, ты! Почему ты от нас убегаешь?

Вместо ответа он лишь нахально посмотрел на меня и пошел еще быстрее.

– Стой! Я хочу, чтобы ты мне ответил! – но все напрасно. Этот дядька в клетчатом пальто даже не посмотрел на меня.

– Почему ты похож на циркуль? Ты такой же длинный и худой, как и он! – прокричал я снова. Я хотел добавить, что мы все равно его обгоним, но меня остановил папа. Он так посмотрел на нас с мамой, что я испугался. Мне стало страшно. Правда! Папа еще никогда не смотрел на меня так. Я испугался. И перестал смотреть в окно.

Всю дорогу я смотрел себе под ноги. Потом мне стало скучно, и я позвал своего друга.

Мама

Мы ехали долго и нудно. Почему я все-таки согласилась ехать на машине? Метро – рядом, могли бы добраться и на нем, благо, до Домодедово экспресс ходит. Я так и не смогла привыкнуть к этим вечным пробкам, хотя, казалось бы, должна уже.

Все отговаривали меня от этой поездки. Борис, доктор, медсестра. Все настаивали на интенсивном лечении. Я, конечно, сначала решила, что так и надо сделать. А потом. Я поняла, что уже лет семь не была нигде! Даже за город толком не выезжала. Так, на базы отдыха и только в Новый год. Семь лет! С тех самых пор как Борис получил эту должность! Мне даже раздумывать на эту тему не хотелось. Я просто поняла: надо ехать. В конце концов, неделя ничего не решит. А я отдохну, наберусь сил. Кто знает, может, врачи ошиблись?

Сейчас, находясь посреди пробки в машине, я начала сомневаться в том, что это было верным решением. Кто будет все это время следить за Костиком? Борис, Сережа? Вряд ли. Им вечно не до окружающих. Они всегда в делах. Глупые! Разве они не понимают, что дел всегда будет много, а времени вечно не хватать. Это жизнь. Хорошо еще Сережа познакомился с Олей. Славная девушка. Живая, заводная. Сережка, вон, пыхтит от сессии к сессии, что-то зубрит, пересдает. А она. Она сессии просто не замечает. Они пролетают, как облака на небе. Раз, и все. Снова светит солнце. Какие же они разные!

Мне нравится Оля. Ей хватает времени на все: учиться, работать, развлекаться, проводить время с Сережей, возиться с Костей. Она вызвалась помочь моим мужчинам, пока меня не будет. Славная девушка! Наверное, оттого, что я думала о хорошем, на меня снова вдруг нахлынули воспоминания.

В своей детской кроватке Костик казался таким крошечным! Укутанный в пеленки так, что были видны только глазки, он смотрел в этот мир. Я навсегда запомнила эти широко раскрытые карие глаза. Впервые улыбнулся он через шесть месяцев. Я пела ему какую-то старую колыбельную и заснула. Совсем ненадолго. Первое, что увидела, когда проснулась, – Костину улыбку. Он все понимал. Смотрел на меня и улыбался: «Мама, а я все видел». Жаль, что этого не видел муж. Впрочем, вряд ли бы это его тронуло. С тех пор как мы забрали Костю из роддома, он был сам не свой. Борис недоволен моим решением. Он не хочет со мной общаться. Если бы он знал, как мне сейчас нужна поддержка!

Мама же наоборот: собрала все силы. Подтянулась, даже помолодела. Единственный человек, который был готов помогать мне во всем. Поддерживать, подбодрять. Именно ее усилиями удалось растопить лед наших с Борисом отношений. Он снова стал человеком. Осознал, что Костик – его сын. Часть его самого. Впрочем, иногда мне кажется, что Борис так никогда и не свыкнется с мыслью, что один из его сыновей – даун.

Маму мы не видели уже семь лет. Только открытки, телефонные разговоры. Мне тяжело без ее поддержки. Теперь появилась Оля. Она и помогла мне решиться на это путешествие. Пообещала, что будет следить за моими ребятами все это время. Славная девушка. А еще – очень храбрая. Как моя мама.

– Ну и путешествие! До Домодедово четыре часа добираться. С ума сойти! – первое, что я услышал, когда мой друг ушел.

Я открыл глаза. Оказывается, мы выехали куда-то за город. Куда-то далеко. Я никогда раньше не видел таких мест. Здесь много-много машин. И нет высоких домов. Здесь летают самолеты! Я видел их на картинках и раньше, но тогда они мне не понравились. Такие маленькие! Разве можно путешествовать у них внутри? Теперь я увидел их настоящими. Летящими куда-то далеко-далеко. Они шумно поднимаются в воздух. Затем они важно поворачиваются на бок и уходят куда-то в облака. Один. Другой. Еще один. Каждый из них я провожал взглядом. Мне было страшно любопытно, как они удерживаются там, наверху. Когда мы едем на машине, под нами – дорога. Когда мы идем по улице – тротуар. Но что внизу у самолета? Почему он висит в воздухе? Почему не падает вниз? Для меня это загадка.

Когда-то давно мама мне рассказывала про то, как летают птицы. Они просто машут крыльями. Но самолеты крыльями не машут. Так почему же они удерживаются в воздухе? Я готов снова и снова смотреть на них. Но тут меня за руку берет папа, и мы идем внутрь стеклянного здания.

Я люблю, когда меня ведут за руку. Очень. Можно смотреть по сторонам и не бояться, что потеряешься. Мне всегда интересно, что происходит вокруг. Особенно в новых местах.

Здесь много-много людей. Шумно. Все ходят с огромными тележками. Почти как в магазине. Только вместо пакетов у них чемоданы. И почему-то они их отдают тетенькам на кассах, а сами куда-то уходят. Наверное, здесь так принято. Может, это очередной обряд. Видимо, он очень серьезный; даже мама проходит через него. Но сначала она долго-долго смотрит на большой синий экран. Потом молча смотрит то на меня, то на папу, то на Сережу. Она хочет что-то сказать. Я чувствую это! Но мама просто молчит. Потом она обнимает папу, целует нас с Сережей. Она улыбается, но как-то не по-настоящему.

– Я скоро вернусь! Не скучайте без меня. – Мне кажется, что она вот-вот расплачется.

– Мы ждем тебя, Юля, – как-то смущенно говорит папа.

– Возвращайся, – машет Сережа.

Мама разворачивается и идет к кассам. Она отдает чемодан, получает какую-то бумажку и идет по лестнице куда-то наверх. Мы еще долго стоим перед зданием. Теперь уже трое: я, папа, Сережа – мы провожаем взглядами каждый самолет, который поднимается в воздух. Только теперь я понимаю, почему все так растеряны. Они знают, что маме придется лететь внутри самолета. Того самого, который неизвестно как будет висеть в воздухе. Мне тоже становится страшно. Не за себя. Нет. За себя мне не страшно. Ничуть. Я поеду домой в машине, которую держит дорога. За маму. Вдруг там, наверху, что-то испортится? Вдруг порвется эта невидимая ниточка, которая не дает самолету упасть вниз?

Мы живем втроем. Папа, Сережа и я. Сережа ходит радостный. Он сдал сессию. Наверное, это что-то очень серьезное, раз он так доволен. Теперь у него каникулы, и он может уделить внимание мне. Здорово. Я тоже когда-нибудь сдам сессию. Я тоже буду довольным и обязательно буду играть с Сережей. А еще у меня будут каникулы! Я не знаю, что это такое, но мне нравится слово. А еще нравится то, что у Сережи теперь больше свободного времени. Он чаще встречается с Олей. Они будут больше играть со мной. Наверное, сессия это здорово. Только как понять, что пришла пора? И как узнать, что ты ее сдал? Вдруг я пропущу это время? Меня мучат эти вопросы. Я боюсь, что про меня забудут и не предупредят. А сам я ни за что не увижу.

– Сережа, а когда я буду сдавать сессию? – спрашиваю я у брата.

– Костя, не мешай, я занят! – Сережа не хочет открывать мне эту тайну. Он занят. Он ведет по экрану компьютера машину. Нет, не такую, как у папы. Не настоящую. Но все равно ему страшно интересно.

Эта машина на экране – очередная загадка для меня. Я все никак не пойму, где же она сама. Монитор узкий. Не толще книжки. Куда там спрятаться машине?

Когда-то такой же загадкой для меня было все, что происходит в телевизоре. Как в него помещаются дяди и тети, дома, машины, целые города? Он же такой крохотный! Я помню, как меня съедало любопытство. Я помню, как мама однажды рассказала мне, что все, что я вижу, – ненастоящее. Это просто много-много картинок, которые быстро-быстро сменяют друг друга. Как фотографии. Можно много-много раз просмотреть один и тот же фильм, но ничего в нем не изменится. Все будет точь-в-точь как и в первый раз.

Но почему на компьютере всегда какие-то разные картинки? И почему они подчиняются Сереже? Он не хочет мне отвечать. Он слишком занят. Я просто сажусь рядом с ним и начинаю смотреть. Вдруг я смогу все понять сам? Сережа играл недолго. Наверное, он просто увидел, что я сижу рядом.

– Хочешь попробовать? – кивнул он мне.

– Конечно! – я не верил этому чуду. Сережа почти никогда не управляет машинками. Почти всегда он сидит и быстро-быстро щелкает по клавиатуре. Он что-то пишет. Или читает. Каждый день.

Я быстро сажусь за компьютер.

– Смотри, Костя, – начинает объяснять мне Сережа, – вот этими клавишами ты управляешь машиной: поворот влево, вправо, вперед, остановиться. Все. Тебе надо обогнать всех. Стартуем! – он нажал какую-то кнопку, и машина ожила.

Сначала у меня получалось плохо. Машина никак не хотела слушаться. Почему-то она так и норовила соскочить с дороги. Но почему? Сережу она слушалась. Меня нет. Потом я научился правильно нажимать на кнопки. Это оказалось так просто! Вот у меня даже получилось кого-то обогнать. Потом еще. Я забыл про все на свете. Я рулил настоящей машиной! Я даже не заметил, как пришла Оля.

Я очень люблю, когда она приходит! Каждый раз это означает, что мы куда-то пойдем. Мы будем играть, смотреть разные картинки на стенках или просто ходить по улицам. А люблю ходить по улицам. Особенно с Олей. Она знает столько интересных мест! А еще она такая веселая! Она всегда улыбается и часто смеется. Она любит гулять со мной. Сережа нет. Сережа любит что-то писать на мониторе. Или управлять машинками. Когда он остается со мной, он часто просто выводит меня на балкон. Но я не хочу туда, я хочу на площадку. Но почему-то Сережа не понимает этого. Он всегда занят. Оля – никогда. У нее всегда есть время погулять. Как сейчас. Она так похожа на маму!

Сегодня она снова придумала что-то интересное. У нее на плече какая-то странная штуковина. Круглая с одной стороны и вытянутая с другой. Как сковородка, только в чехле. Мне ужасно любопытно узнать, что же это такое. Я подхожу к Оле и осматриваю эти странные штуки.

– Тебе интересно, что это такое? – смотрит на меня Оля. – Это – бадминтонные ракетки. Ими играют в бадминтон. Тебе тоже дадим попробовать, – улыбается мне Оля.

– Еще немного, и я начну тебя ревновать, – недовольно говорит Сережа.

– Сергей Борисович, иногда вы просто становитесь невыносимым. Вам жаль для брата времени? Или боитесь, что я с ним уйду от вас?

Сережа как-то фыркает в ответ.

Мы снова в лифте. Я опять испуганно оглядываюсь. Я не люблю это место. Я жду, когда же откроется дверь. Я хочу выйти отсюда. Оля видит, что я боюсь. Но она не понимает чего.

– Костя, неужели ты такой трусишка? Ты почему боишься лифта? Он же совсем не страшный.

Она не понимает. И никто не понимает меня. Даже мама. Хотя она чувствует больше всех остальных.

Солнечный денек! Обожаю такие. Особенно когда тепло и можно ходить в футболке. Обычно я сразу же бегу в песочницу. Но не сегодня. Мне ужасно любопытно, что такое бадминтон. Я смотрю на Олю с Сережей. Они достают из чехла по ракетке. Потом встают по разные стороны сетки. Они начинают перебрасывать друг другу маленькую белую штучку. Я смотрю за ними. Им хорошо. Они смеются. Я так редко вижу смеющегося Сережу. Я понимаю, что нужно, чтобы развеселить маму. Не лото. Нет! Даже не хоккей! Две бадминтонные ракетки и эта белая штучка, которая так здорово летает туда-сюда. Тогда она снова станет беззаботной и радостной!

Зазвонил Сережин телефон. Он остановился и отошел. Наверное, там кто-то очень важный. Иначе не может быть. Иначе, что могло отвлечь его от этой игры? Я стою и смотрю на ракетку. Я тоже хочу радоваться. Я тоже хочу так здорово перебрасывать волан через сетку. Оля видит это. Она берет Сережину ракетку и протягивает ее мне.

– Костя, хочешь попробовать?

Я с радостью хватаю ручку ракетки.

– Не так. Не хватай ее, – почему-то смеется она.

Наверное, я сделал что-то не так. Оле от этого смешно. Но мне нравится, когда она смеется. Она делает это по-доброму. Она это умеет. Сережа – нет. Ему почему-то нравится, когда людям рядом больно. Он любит эти нехорошие комедии. Там люди падают, бьют друг друга. Мне жалко их, а Сережу это смешит. Наверное, Оля не стала бы смеяться. Ей тоже было бы жалко этих людей, которым больно.

Оля учит меня как правильно держать ракетку. Она учит отбивать воланчик. Сначала у меня не получается. Почему-то я не могу попасть ракеткой по этой белой штучке. Он постоянно так и норовит проскочить совсем рядом. Но вот мне удалось! Я отбил назад волан! Потом еще раз. И еще. Правда, он так и норовит улететь куда-то в сторону. Не там, где стоит Оля. Но скоро и это проходит. Прошло совсем немного времени, и мы уже так здорово перебрасываем друг другу волан!

Сереже это не нравится. Я вижу. Он недоволен. Но я же забрал ракетку не навсегда. Я поиграю чуть-чуть и верну ее Сереже.

Сережа

Этот Клепа – талант уникальный. Когда бы он мне ни позвонил – всегда самое неподходящее время. Это его дар! Вот и сейчас, только-только мы с Олькой разыгрались, черт его дернул набрать мой номер! Ладно бы по делу! Шпоры ему, видите ли, нужны на пересдачу. Урод! А я-то чем помогу? Сам половину у Ольги скатал. Нет, все брось, изволь отвечать ему.

– Кому, в конце концов, это надо: мне или тебе? Вот и приезжай ко мне – получишь, что хотел. Отсканировать и по мылу переслать? Ну ты, Клепа, даешь! Ага, сейчас побегу сканировать шпоры, которые нужны тебе! С какой стати? Не буду я этой фигней страдать! Надо оно мне? Короче, подъезжай, получишь шпоры. Ты в Дмитрове? Прости, но это уже твои проблемы. Все. Давай, пока!

Пока я трепался с этим лузером, мое место занял Костян. Это еще что за новости? Ольке, я смотрю, нравится гонять с ним в бадминтон. С дауном. Какого черта она с ним возится? Она же пришла ко мне, значит, и играть должна со мной!

Я поднялся на ноги. Сейчас отберу у нашего дауна ракетку и снова буду гонять волан с Ольгой. Уже по-нормальному, а не просто перебрасывать его из стороны в сторону. Тоже мне, детский сад!

Я уже было двинулся к брату, но остановился. Черт его знает что такое! Ну не могу! Смотрю на него и вижу: большей радости для него и не придумать! Знай себе в бадминтон гоняй! Как-то не по себе стало даже. А и черт с ним! Пусть бегает. Я и так обойдусь. Опять же, отбери ракетку – ныть начнет! Ноутбук, жаль, не взял. Ладно, на скамеечке посижу, погреюсь на солнышке. Все равно хорошо.

Сегодня Сережа уходит к Оле. Он дождется, когда папа придет домой. Потом возьмет букет и уйдет. До утра. Цветы он купил заранее. Поставил в вазу. Огромный такой букет. Почему-то их принято дарить. Но почему для этого надо срезать живые цветы? Какая польза от них – мертвых? Они постоят неделю, а потом их выбросят.

Я помню, в огромном магазине я увидел зеленый уголок. Там, в вазах, стояли цветы и деревья. Красные, белые, желтые. Еще невесть какие! Длинные-длинные, как в мультике про Маугли. Колючие, как ежики. Крохотные деревья. Я смотрел на каждое из них. Мне было так интересно подойти к каждому цветку, посмотреть на него вблизи, понюхать! Я долго-долго был там. Когда вернулся, увидел, что мама купила небольшую вазочку с деревом. Настоящим! Только очень маленьким. Это было давно, но дерево до сих пор растет на подоконнике. Я каждый день прихожу смотреть на него. Хочу увидеть, когда оно станет большим. Таким же, как деревья во дворе. Но пока оно продолжает быть маленьким. Совсем. Но все равно я радуюсь ему. Гораздо больше, чем цветам в букете. Наверное, дарить мертвые цветы – обряд взрослых. Обряд, который я никогда не пойму.

Приходит папа. Уставший. Вымотанный. Сережа молча берет цветы и уходит. Мы остаемся вдвоем. Папа и я. Папа любит рассказывать про работу. Очень. Каждый вечер. Пока мама готовит ужин. Папа садится рядом и долго-долго говорит о работе.

Мама слушает. Наверное, она любит слушать, что говорит папа. Ведь каждый вечер она слушает его. А потом начитает говорить сама. Мне трудно понять смысл. Ведь взрослые разговаривают на каком-то своем языке: повышение, увольнение, объем продаж, выручка. Наверное, я тоже когда-нибудь научусь говорить на этом языке.

Папа страшно не любит какого-то мистера-дристера. Тот чего-то не может понять. Но зачем его за это ругать? Ведь можно просто объяснить. Я тоже часто чего-то не понимаю. Но меня за это не ругают. Мама объясняет мне все, что непонятно. Может, папе стоит попробовать? Может, мистер-дристер все поймет? А еще папа смеется над Фирсовым. Тот очень часто болеет. Но зачем тогда над ним смеяться? Его надо пожалеть.

Когда я болею, мама дает мне лекарства и разные варенья. Если бы не они, я бы боялся болеть. Ведь лекарства такие горькие и противные. А уколы и горчичники – такие болючие! А еще в такие дни мама меня жалеет, и я выздоравливаю. Наверное, Фирсову не хватает жалости, оттого он и болеет. Я хочу рассказать обо всем этом папе. Очень. Но все равно он меня не поймет. Я просто сижу за столом и молча смотрю на него.

Папе это не нравится. Он звенит посудой и грохочет дверками шкафчиков. Он хочет что-то сказать. Нет. Ему необходимо что-то сказать. Я чувствую. Но он почему-то молчит. Но я знаю: он заговорит. Он не может не говорить. Говорить по вечерам о работе – это его обряд.

Папа

Обычно по вечерам меня встречала Юля. Это так важно – поговорить с близким человеком. О работе, о чем же еще? Это пусть бабки безмозглые языки у подъездов себе чешут о чем ни попадя. Времени прорва, вот и кудахчут целыми днями. Вспоминают, как им раньше хорошо жилось. Раньше и колбаса была вкуснее, и молоко молочнее, и люди человечнее. Что за бред! «Раньше» ушло. Все. Нет его больше. Но нет, чешут языки. Мне бы их проблемы!

На работе приходится трижды взвешивать каждое свое слово: «Все, сказанное вами, может использоваться против вас». Это про наш офис. Кругом – быдло. Тот же Сергеев, подлец тот еще. Пришел к нам, когда уже стало ясно: контора процветает. Три высших, послужной список, хоть в рамку. Ко мне его в замы.

– Этот молодой человек имеет очень богатый опыт в вопросах организации каналов сбыта. Все проекты, которыми он руководил, блестяще реализованы.

А я смотрю на него, ну крыса крысой. Щуплый какой-то, волосы назад зализаны, нос острый, ну прямо крысиный. Сам дерганый. Очки еще в оправе золотой – тонехонькая. Он то и дело их поправляет, протирает. Сопляк. И мне такого в замы. И поди ты докажи, что хоть он, может быть, и умный, а попробуй-ка такого на переговоры отправь. Да завалит он все. Потом заговорил-таки:

– Доля рынка компании…

Да плевал я на твою долю рынка! Продажи растут, и чего тебе еще надо? На проценты посадили, сиди и радуйся. Отчеты себе всякие строчи ни о чем, исследования. Что ты там еще умеешь?.. Видимость создавай работы.

– „.что говорит о том, что рост объема продаж нашей фирмы ниже среднерыночного…

Теперь уже «нашей фирмы». То есть в обход меня этого заучку уже приняли в штат. Замечательно. Ну, погоди у меня, крыса институтская, я тебе устрою!

– Следующим шагом должна быть разработка единой маркетинговой стратегии продвижения продукции и формирование сильного бренда на рынке строительных материалов, понятного как простым потребителям, так и строительным компаниям, которые являются постоянными крупными покупателями.

Мать честная! Вот мы открытие сделали! Да я уже год надрывался до тебя, чтобы строители брали наш продукт. Что мне «простые потребители»? Плевать на них! Все равно объема за счет них не сделаешь. Как проклятый бьюсь, чтобы мне квоту на сейлзов дали. Еще хотя бы два человека. Всего два. Такой бы рост дал! А тут на тебе, спускают на шею сопляка: сейчас он научит вас работать. Сопляк! Но говорит красиво. Правильно говорит. До того правильно, что аж противно. И где только такие берутся? Сидел я и слушал, как студентик этот распинается. Не передо мной. До

меня ему уже по барабану. Тьфу ему на меня. Знает же, крыса, что в штат его уже приняли. Перед боссом моим. Мистером Люмером.

Я-то волк старый, вижу: ни черта он не может. Ни черта. Только словеса красивые говорить. Дойдет до дела – живо поймем, кто ты таков.

Час битый всю эту ахинею слушал. Час! Уже удушить готов был этого недоучку. А мистер-дристер ничего. Сидит слушает. Глазки блестят, слюнки текут. И этот, не дурак поди, видит, что клюет рыбка. И так изгальнется, и эдак. Вот, смотрите на меня. Я и так могу, и такие слова знаю. А еще красиво говорить умею: «Когда бьет батарея, орудия все одного калибра должны быть». Кириенко сказал: «Стране нужен бетон! Широкая дилерская сеть – залог успеха. Мы будем искать новых дилеров». Сволочь! И баснoплет этот, и мистер Люмер. И Фирсов – та еще сволочь. Болел бы реже, так и не привели бы нам в офис сопляка этого! Теперь метить будет на мое место. Думаешь, не будет? Черта с два! Знаю я это племя. Только отвлекись, тут же из кресла полетишь кувырком!

Я только сейчас понял, что все это – уже не мысли в моей голове. Все это я говорю вслух. Своему сыну-дауну. Уже почти кричу. А он. Что ему? Сидит себе и слушает. Только смотрит на меня как-то странно.

Я, понятное дело, замолчал. Что перед ним-то пары гонять? Все равно не поймет ничего. А вообще, спасибо, тебе, Костик, что ты здесь оказался. Я хоть выговорился. Душу отвел. Спасибо.

Костик

Папе надо было говорить. И он говорил. Много, долго и непонятно. Он все ругал нехорошими словами своего мистера-дристера. Потом Сергеева. Тот метит на его место. Но как? Неужели он может стать мне папой? Я даже не знаю, что это за дядя. И мама вряд ли согласится. Вдруг окажется, что он не любит по вечерам говорить о работе? С кем ей тогда разговаривать? И еще. Папа размахивал руками, говорил нехорошие слова. Иногда кричал. Но ему это было надо. Ему становилось лучше.

Мама никогда не кричала и не говорила нехороших слов. Иногда ей, конечно, было плохо. Иногда. Тогда она начинала играть со мной. В лото, мячик, раскраски. Иногда мы смотрели мультики. И маме делалось намного лучше. Всегда.

Сереже тоже бывает плохо. Часто он приходи домой уставший. Часто чем-то расстроенный. В такие моменты он достает из-под дивана хоккей. Зовет меня. Мы начинаем игру.

Я обожаю настоящий хоккей. Правда, я совсем не умею стоять на коньках. Я так и не смог научиться. Не смог, хотя мама и Сережа долго пытались научить меня.

Но для того чтобы играть в наш хоккей – уметь кататься на коньках совсем не обязательно. Все, что здесь надо, – это быстро управлять железными игроками. Я хорошо играю в эту игру! С самого

детства! Тогда еще не было компьютера. И мы жили на другой квартире. Папа возвращался рано, и не было никакого мистера-дристера. Тогда мы часто устраивали соревнования. Самые настоящие соревнования по хоккею!

Мы по очереди играли друг с другом. Папа со мной, мама – с Сережей. Потом мы менялись и снова играли. Редко кому удавалось обыграть меня. Я всегда выходил победителем. Сейчас таких соревнований мы не устраиваем. Сейчас мы играем только вдвоем с Сережей. Но до сих пор ему редко-редко удается переиграть меня. Как бы ни закончилась игра, у брата всегда остается хорошее настроение. Не важно, каким оно было до этого. Может, папе стоит тоже попробовать? Может ему тоже станет лучше?

А встаю и бегу в комнату Сережи. Я достаю нашу игру и несу ее на кухню. Ставлю ее на стол. Папа не понимает, что от него хотят. Он просто смотрит на меня.

– Тебе надо сыграть со мной. Тебе понравится, правда. Сережа всегда играет, когда ему плохо. Ему становится хорошо. Правда!

Но папа почему-то не понимает. Он просто смотрит то на меня, то на хоккей. Наверное, он не помнит, как управлять игроками. Ему надо показать! Я начинаю дергать за ручки. Игроки начинают двигаться.

Папа понял, чего я от него хочу! Он тоже начинает управлять игроками. Сначала нехотя; он не хочет показывать, что не помнит, как играют в эту игру. Потом все живее и живее. Он проигрывает мне, но это не важно. Совсем. Он играет. Он веселится. Он улыбается. В последнее время он так редко это делал!

Папа

Черт знает что! Я тут распаляюсь, пары гоняю, а он? Сидел-сидел, потом взял и хоккей притащил на кухню настольный. Играть ему хочется. Ясное дело, ему-то по барабану все, что я сказал сейчас. Все равно не понимает. Выслушал – и на том спасибо. Сидит теперь, на меня смотрит. А я на него. Я не собираюсь играть в детские игрушки. В конце-то концов, мне уже сорок пять. А ему хоть бы что! Давай еще и ручки подергаем. Поелозим по столу игрой этой. Стол, между прочим, лакированный. Угробит ведь.

Почему-то вспомнились наши старые семейные чемпионаты по настольному хоккею. Уж и не знаю с чего. Тогда купили в магазине каком-то игру эту. Времени много было. Всей семьей играли. Теперь нет. Времени на такие пустяки уже нет, поважнее дела найдутся. А черт с тобой, давай поиграем! Я сажусь за стол и начинаю управлять игроками. Сначала неуверенно: лет сто как не играл в хоккей. Потом все ловчее и ловчее. Банок, конечно, напропускал сразу же! Все-таки шустрый Костик. Потом я забыл про все: про работу, про всех этих сергеевых и прочих. Я просто гонял с младшим сыном в хоккей. Просто радовался. Просто был самим собой.

Стол мы, конечно, угробили. А и хрен с ним! Все равно он ни мне, ни Юле не нравился. Скорее новый купим.

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Костик

Машину затрясло на ухабах. Я открыл глаза. Как изменился мир! Вместо коробок домов – лес. Вместо широкой дороги – узкая. Сережа, который о чем-то бубнил с самого утра, тоже изменился. Он спал. Только Оля не изменилась. Ни капельки. Она все также внимательно крутит руль. Все также водит туда-сюда эту железную штуковину справа от себя.

Мне это кажется игрой. Нужно вовремя пошевелить эту железку, чтобы машина ехала дальше. Не успеешь, она начинает недовольно фыркать. Когда-то я любил наблюдать за папой. Он тоже здорово играл с этой штукой. Но потом он купил новую машину. Уже другую. Здесь уже не надо было шевелить железкой. Ее там вообще не было. А у Оли в машине она есть. Я смотрю за ней. Пытаюсь угадать, когда наступит время снова ее повернуть. Но почему-то мне это почти никогда не удается.

Мы едем совсем недолго. Еще чуть-чуть – и вот справа от нас появляются несколько домиков. Точь-в-точь как в сказке! Маленькие, аккуратные, с зелеными крышами. Мы едем чуть дальше. Заезжаем на асфальтированную площадку, находим место для машины и останавливаемся.

– Парк птиц! Мы приехали! Проснись, соня! – толкает Оля Сережу. Тот недовольно ворчит. – Хватит спать!

Сережа просыпается. Он ужасно не любит просыпаться. Вот и сейчас. Он изо всех сил показывает, что ему не хочется идти в парк. Совсем. Оля же наоборот. Очень хочет. Она хватает Сережу за руку и тянет к кассе.

– Ну пойдем! Ну что ты?

– Я же приехал с вами сюда. Что вы от меня еще хотите? Идти внутрь мы не договаривались, – бурчит он.

Я смотрю на него. Мне кажется, он хочет попасть внутрь. Просто хочет, чтобы его поуговаривали. А еще посердить Олю. Но зачем? У Оли такое хорошее настроение. Она улыбается. А у Сережи плохое. Мне кажется, он просто завидует ей. Он хочет, чтобы и ее настроение стало плохим.

– Ну, как хочешь! Сиди здесь и жди нас, – рассердилась Оля.

Она просто взяла меня за руку и пошла к кассе.

– Мы и без тебя здорово проведем время!

Сережа

Черт меня дернул тащиться в эти Воробьи или как их там! В Парк птиц, видите ли, захотелось. Подруги рассказали, что там здорово, птички разные там и все такое. Вот мы и поперлись. Первопроходцы, блин!

До сих пор себе поражаюсь: это же надо было подняться ни свет ни заря и тащиться в такую даль. Ладно бы тачка приличная была. Как у отца, например. С автоматом, кондеем, креслами нормальными, наконец! Я как увидал ее гроб, сразу понял: приключение еще то ждет. «Нива»! Старая эта, короткая. Вездеход, блин.

Мало того что меня укачало от тырканья в этих пробках: газ-тормоз, рывок-клевок носом, так еще и растрясло потом в дороге. Нет, аппарат, наверное, клевый, что там говорить. Особенно если куда-то на покатушки рвануть. Куда-нибудь, где про дороги и не слышали. Но чтобы так! Не знаю как, но я уснул. Сморило, наверное. Думал, может, хоть поспать дадут по-человечески. Ага! Дали. Растормошила.

Я сонный как черт, а она меня куда-то тянет. Ну что я, птичек этих не увижу? Да вон, в Интернет зашел, что надо ввел и смотри себе. Фотки – пожалуйста. Видео – на тебе. Инфа вся – на здоровье. И все – дома, в любимом кресле. И нестись не надо к черту на рога. Елы-палы! Это же еще назад возвращаться! А тут Олька взъерепенилась: «Сиди, – говорит, – здесь. Мы и без тебя здорово проведем время!»

Ну я, конечно, тоже в ответ не удержался. Сказал: «С дауном-то. Ну-ну. Удачи». Ольга обиделась, взяла брата за руку и пошла с ним в парк. Какие мы все обидчивые! Сама же и виновата. Нечего

было тащить меня в такую даль! Да еще и утром, когда все нормальные люди спят. Что я, и поспать уже права не имею?

Они ушли, а я остался ждать на улице. Ну и идите. Тоже мне парочка: даун и истеричка. Ну что там делать? На птичек смотреть. Так пусть этим занимаются те, кому время занять нечем. Орнитологи тоже мне отыскались!

Я стоял около Ольгиной машины и злился все больше. Потом мне все это надоело, и я купил входной билет.

Оля

Боже мой, как он похож на своего отца! Такой же зануда. Точь-в-точь! Только и знает, что повод искать – надо же на кого-то сорваться. Есть повод – хорошо. Нет – еще лучше. Ну разве можно так? Тебя приглашают оторваться от компьютера, съездить за город, везут на машине, а ты еще и бухтишь! Ну скажи, что бы ты дома делал? Правильно, по сетке рубился бы в стрелялки свои любимые! Или весь день хрень какую-то смотрел по телику.

В лучшем случае, в кафешку с дружками своими подался бы. Пиво пить. И так каждый день. Тоска! Просто удивительно, как их мама терпит. Костик вот славный малый. Добрый. Жаль, что больной. Классный парнишка! Живой, не то что братец. Даже не верится как-то, что братья они. Может, подменили кого-то из них. Там, в родильном доме. Как в том фильме «Однажды в Америке» или как там его.

Чудной, я не могу! Только голубей увидел, сразу к клетке. Смотрит на них, радуется. Будто первый раз в жизни видит! Хотя обычные голуби, как на улице. Что-то бормочет себе под нос, как будто разговаривает с ними! Те ему тоже в ответ курлычат что-то. Как будто понимают его! Потом были голуби еще какие-то: цветастые, пестрые, огромные. И не голуби словно. Я раньше таких и не видела никогда! Потом попугаи, фазаны, туканы, страусы! Сколько же их здесь! И к каждой клетке Костик подходит. Смотрит, как с живыми людьми общается. Смех, да и только. Я так на него засмотрелась, что не сразу и заметила: Сергей сзади подошел. Хмурый. Типа пусть все видят: обиженный я. Сначала, конечно, чуть поодаль держался: типа не с нами – сам по себе. Типа сюда случайно попал. Знаем мы вас. Помыкался где-то сбоку. Потом надоело, ко мне подошел. Пристроился где-то рядышком. Ждет, когда я ему что-то скажу. Ну-ну. Жди. Не очень-то я с тобой и говорить хочу, особенно после того, какие от тебя о брате слова услышала. Тебе надо, ты и начинай.

В конце концов, ты в моей машине едешь, а не я в твоей.

Но какой же Костик забавный! И шустрый. Чуть отвлеклась, а он уже у клетки с хищниками. Палец тянет. Куда тебя понесло? Оттяпает же палец, как пить дать! Тут и Сергей подскочил. Опомнился! За руку схватил. Говорит, мол, Олю слушаться надо. Ладно, бог с тобой. Будем считать, принято твое извинение.

Костик

Здесь так здорово! Столько разных птиц! Я никогда еще не видел таких и столько! Даже на улице! А еще меня держит за руку Оля. Меня никто не держал за руку, кроме мамы. И папы. В аэропорту. Но папина рука тяжелая, холодная и твердая. Она просто сжимает мою ладонь. Так и хочется вырваться. Мамина – нет. Мамина – мягкая. И очень теплая. Я никогда не хочу, чтобы она отпускала мою ладонь.

Зимой, когда на улице мороз, я часто мерзну. Мне не помогают даже варежки! Тогда мама снимает их с меня и греет мои руки в своих! Кроме нее так не умеет никто. Ни папа, ни Сережа. Они не любят снимать перчатки зимой. Совсем. Но мне все равно. Они со мной почти не гуляют.

Сейчас меня ведет за руку Оля. У нее такая же маленькая ладошка, как у мамы. И такая же теплая. А еще Оля умеет точно так же улыбаться и смеяться. Когда она рядом, я не чувствую себя одиноким.

Мне кажется, что рядом мама. А еще мне кажется, что ей бы здесь понравилось. Очень!

Я ни разу не видел столько разных птиц! Они такие похожие, но такие разные! Одни – надутые и важные. Другие – задумчивые и хмурые. Третьи – живые и болтливые. Серые, красные, зеленые, пестрые. А еще разговорчивые. Почему-то все остальные не умеют слушать птиц. Они не понимают их языка. Всем кажется, что они просто щебечут. Но это не так! Они разговаривают! Правда.

Голуби ходят и выпрашивают крошки. Особенно зимой. Корррума, дай корррума. Вот и здесь. Они сидят по своим клеткам и просят хлебных крошек. Курицы – трусихи. Они боятся всего. Вытягивают шеи и кричат: кто-кто-кто-кто-кто там? Наверное, боятся попасть в суп. Но это же я! Костик. Меня не надо бояться. Я ничего вам не сделаю! Я пытаюсь объяснить им это, но они не слышат. Все продолжают испуганно кудахтать. Я еще раз пытаюсь объяснить им: меня не надо бояться. И еще раз. Но они меня не понимают. Зато теперь я знаю, что это значит: глуп как курица.

Индюки – важные. Они даже ходят неторопливо. А еще им нравится, когда на них смотрят. Если рядом с их вольером никого нет, они начинают кричать: «Сюда-сюда-сюда-сюда-сюда!» Я специально не пошел к ним. Они это поняли и обиделись. Замолчали.

Потом мы пошли к попугаям. Они такие пестрые! Такие большие! Такие веселые! Когда-то у нас жили два попугая – зеленый и желтый. Но они были такими маленькими. И грустными. Маме подарили их на день рождения.

Наверное, они очень любили свой старый дом. И не смогли привыкнуть к новому. С первого же дня они начали грустить. Но почему? Разве у нас им было плохо? У них была большая клетка. У них была ванночка для купания и даже небольшое зеркальце. Но все равно им было грустно. Даже мама понимала, что им плохо. Почему? Я не знаю. Они все время грустили и молчали.

Я хотел, чтобы они стали веселыми. Я много разговаривал с ними. Рассказывал им разные истории. Или просто просовывал палец между прутьев. Но они отворачивались или закрывали глаза. Им было неинтересно. Совсем.

А потом они умерли. Сначала один, потом другой. Маме было жаль их. Она плакала. Мне нет. Я радовался. Когда-то давно бабушка рассказывала про место, куда все попадают после смерти. Где-то высоко-высоко на небе. Там все добрые. Там хорошо. Я радовался, что попугайчики попадут туда, где они больше не будут грустить. Только я не знал, как объяснить это маме.

Здесь в парке все птицы радостные. Им нравится говорить друг с другом. А еще смотреть на посетителей. Наверное, им непонятно, как можно жить без крыльев. Мне кажется, что для них мы – смешные.

Потом мы подошли к высоким клеткам с толстыми прутьями. В них сидели огромные птицы. Они не шевелились. Даже когда я подошел совсем близко. Я подумал, что они ненастоящие. Как в той комнате. В заповеднике.

Мы ездили туда прошлым летом с мамой. И нас водили на экскурсию. Сначала по этим комнатам. Там было так много зверей, птиц, рыб. И все они были за стеклянными перегородками.

– Смотри, Костя, это – чучела. Когда-то они были живыми, а потом умерли. Из них сделали чучела и привезли сюда.

Но как? Неужели это тот самый мир, где всем хорошо? Тот, про который говорила бабушка? Но как такое может быть? Разве им хорошо? Кому понравится, что из тебя сделали чучело? Мне стало грустно. Мама поняла это. Она подумала, что мне жаль этих зверюшек.

– Костя, они же не живые. Они давно умерли. Почему ты расстроился?

– Я не хочу, чтобы из меня сделали чучело! Я хочу на небо. Там всем хорошо. Там – наши попугайчики! – расплакался я.

Только на улице я успокоился. Потом мы смотрели живых зверюшек. Лося, кабана, лисичку, барсука и еще много-много других зверей. Они мне показались радостными. Наверное, они просто не знают, что когда-нибудь будут стоять в той комнате.

Птицы сидели, как чучела в той комнате. Не шевелились. Даже не моргали. Я захотел прикоснуться к одному из них. Он показался мне мягким и теплым. Я уже просунул руку, но Оля меня остановила.

– Костя, ты куда? Хочешь, чтобы тебя съела эта птица? Она только и ждет, когда кто-нибудь протянет к ней руку. Она хватает ее своим клювом и утаскивает в клетку.

Я посмотрел на птицу. Она ожила! Она просто притворялась чучелом! Она только и ждала, чтобы я протянул к ней палец! Но зачем ей я? Что она будет со мной делать? Или ей просто одиноко? Это грустно: сидеть одной в такой огромной клетке. Наверное, ей просто хотелось с кем-нибудь дружить. Я решил еще раз подойти к ней. Я хотел протянуть ей руку. Путь она заберет меня к себе! Может, мы сможем подружиться. Может даже, она захочет познакомиться с Олей и мамой. Я

сделал шаг. Но птице не нужны друзья. Она бросилась на меня. Оля схватила меня за руку. И отвела меня назад.

– Ну что ты за упрямый человек, Костя? Тебе же сказали: не надо подходить близко к клетке.

– Если не будешь слушать Олю, я расскажу маме про то, как ты себя плохо вел. – Сережа взял меня за руку с другой стороны.

Он все-таки пошел с нами. Здорово! Наверное, он понял, что вел себя плохо в машине. Я посмотрел на него. Сережа улыбнулся. Ему понравилось здесь! Здесь так хорошо! Здесь должно нравиться всем!

Потом мы увидели привязанных лошадку и ослика.

– Ой, смотрите, еще две птички! Лошадка и ослик! – обрадовалась Оля.

– Глупости! Почему вдруг это они птички? – проворчал Сережа.

– Ну как почему? Мы же приехали в Парк птиц. Значит, все здешние обитатели – птички.

– Глупости, – снова повторил Сережа. – Это – лошадь и осел. И никакие они не птички.

А мне показалось, что Оля права.

Потом мы спустились вниз к большому загону. Там стояли две деревянные будки. В одной было пусто. В другой кто-то спал. Какой-то зверь. Только нос и рога торчали из разбросанной на полу травы. Мне так хотелось посмотреть – кто это. Я хотел, чтобы этот зверь показался. Я знал, его просто надо позвать, но боялся подойти ближе. Я помнил ту птицу. Она тоже притворялась, что спит. Вдруг и этот зверь просто притворяется? Потом мы пошли к озеру, а потом катались на пони. Сидели на скамейках до самого вечера. Нам было так хорошо!

Уже когда мы стали собираться, Оля увидела этот небольшой домик.

– Ой, баня! – обрадовалась она. – Хочу туда! Пойдемте!

– Что там делать? – Сереже сразу не понравилась эта идея. Ему редко когда они нравятся. Но почему? Оля всегда предлагает интересные вещи.

– В бане парятся, – пояснила Оля. – Это здорово. И полезно для здоровья.

– У меня со здоровьем все в порядке. И париться я не хочу. И у меня нет плавок, – не соглашался Сережа.

– У меня тоже их нет. Но в баню я пойду. Мне хочется побыть здесь еще. Здесь же так замечательно! – ответила Оля. – Но если ты не хочешь идти, можешь подождать нас на улице. Или в домике. Смотри, какие классные! Мы снимем тебе один из этих домиков, и ты будешь смотреть свой любимый телевизор, пока мы с Костиком будем в бане.

– Ты пойдешь с Костиком?

– Кто-то же должен будет пошлепать мне по спине веником.

– И тебя не смущает.

– Нисколько, – не дала ему договорить Оля. – По крайней мере, он не будет на меня пялиться с вожделением.

Сережа сдался. Наверное, ему просто не хотелось быть одному.

Нас ввели в небольшой домик. Всего три комнатки. В одной – стол. Здесь отдыхают. В другой – бочка с холодной водой, душ и деревянная кадка, в которой плавали два веника. В другой – печка с камнями, несколько длинных скамеек. И очень жарко.

– Отвернитесь.

Сережа повернулся спиной к Оле.

– Ты тоже, – улыбнулась она мне.

Наверное, нас ждет очередной обряд. Когда мы повернулись, Оля стояла, завернутая в белое полотенце.

– Я готова. Жду вас в парилке.

Она зашла в маленькую комнатку.

Чтобы париться, надо быть раздетым. Совсем. Но для чего? В парилке нет воды, как в ванной или в бассейне. Нельзя намокнуть. Здесь только очень жарко. Так жарко, что тут же начинаешь потеть.

Когда я начинаю кашлять, мама заставляет меня дышать над картошкой. Она варит полную кастрюлю картошки. Потом накрывает меня махровым полотенцем, открывает крышку и заставляет дышать над паром. Мне это не нравится. Жарко. Но мама знает, как лечить кашель. И я терплю. А на следующий день я выздоравливаю. Каждый раз, когда мама варит картошку, я знаю, что она меня вылечит. Но все равно я не люблю дышать над картошкой. А еще больше я не люблю кашлять. И папа не любит ни то, ни другое. Наверное, поэтому он никогда не болеет.

Здесь так же жарко, как и над кастрюлей с картошкой. Мне здесь не нравится. Сереже тоже. Нравится только Оле. Значит, я не буду показывать вида, что хочу выйти. Мы сидим, замотанные в полотенца, и потеем.

– Для первого раза хватит, – объявляет Оля.

Мы с радостью выходим в другую комнату. Молча сидим отдыхаем. Недолго. Оля достает из кадки веники.

– Ну что, идем? – зовет она нас.

Мы послушно встаем со скамейки и заходим в парилку.

Я только сейчас понял, какая Оля красивая! Она подмигнула нам с Сережей:

– Ну что, поддаем?

Потом сняла полотенце. Она. Она почти прозрачная. И такая хрупкая. А еще у нее нет этих глупых висящих штук, как у меня с Сережей. И этих волос под пупком.

Мама мне часто говорила: ходить раздетым неприлично и можно только в ванне. Тем, кто ходит без одежды, должно быть стыдно. «Разве ты когда-нибудь видел, чтобы я, папа или Сережа ходили по дому раздетыми? – говорила она мне. – Приличные люди всегда одеты!» И я верил. Верил, хотя и не понимал: почему мне должно быть стыдно? Потому, что я такой, как есть?

Но я верил и бабушке. Когда-то она рассказывала мне другое. Про первых тетю и дядю. Они жили в другом мире. Там, куда мы попадаем после смерти. И они ходили раздетыми. Совсем. Как мы сейчас в бане. Наверное, они просто не знали, что это неприлично. Тогда я совсем запутался.

А теперь в бане понял. Это очередной обряд взрослых. А баня – то место, где обряды не действуют. По крайней мере, этот.

Наверное, мама ни разу не была в бане. Она просто не знала про это место. Оля, Сережа и я были совсем раздетыми. Но нам не было стыдно. Ни капельки!

Мы лили на камни воду. Потом хлестали друг друга мокрыми вениками. Оказывается, это совсем не больно. Ни капельки. Это даже приятно. Даже Сереже понравилось! Он не ворчал.

После парилки мы ныряли в бочку с холодной водой. Потом снова бежали в парилку. Было так хорошо! А потом в кафе мы пили чай с малиновым вареньем!

Это был самый лучший день в моей жизни. Правда! И в Сережиной, наверное, тоже.

Сережа

Вот это батоны! Во дает! Пришлось постараться, чтобы не показывать виду, что я пялюсь на Ольку. Но ничего, приноровился. Уставился типа в стенку. А Костян – ничего. Разглядывает. Олька даже засмущалась, смотрю. На верхнюю полку забралась. Теперь не посмотришь на нее незаметно. Голову поворачивать придется.

А потом. Когда вениками хлестать себя начинаешь, тут, хочешь не хочешь, в центр комнаты встаешь. Прямо как на подиум. Или когда по спине Ольга попросила веником побить. Сзади вид – тоже ничего.

Сам сначала старался вениками биться, когда Ольга выскакивала из парилки. Потом плюнул на все. А, хрен с тобой, смотри! Жаль, братец с нами был. Без него повеселее было бы. Хотя без него вряд ли она пошла бы в баню. Это я тоже понял. Обидно даже стало; в конце концов, чья она девушка, моя или братца-дауна?

Костик

Возвращались к машине поздно. Уже был вечер. Мы шли мимо места, где видели лошадку и ослика. Но их уже не было. Они пропали.

– Ой, смотри, улетели, – обрадовалась Оля.

– Глупости, лошади и ослы не летают, – ответил Сережа.

– Днем – нет. Ночью – да.

– И почему же они не летают днем?

– Из-за заклятья, – весело отвечала Оля.

Мне стало страшно интересно.

– Из-за чего? – Сереже тоже.

– Древнее страшное заклятье! Когда-то очень давно у осликов и лошадок были крылья. И они умели летать, как птицы. В те времена жили очень вредные лошадки и ослики. Их любимым занятием было дразнить младшего сына великого волшебника за то, что он не мог освоить магию полетов. Ну не мог – и все тут! Однажды они так разозлили мальчика, что тот не выдержал и выдумал новое страшное заклинание. От обиды он наложил его на всех лошадок и всех осликов. С тех самых пор они вынуждены днем работать на людей, а летать могут только по ночам. Так и будет продолжаться до тех пор, пока этот волшебник не смягчится и не отменит свое заклинание. Вот такая вот история.

– Ерунда какая-то, – ответил Сережа. – Летающие лошади – бред, – проворчал он.

Оля обиделась. Наверное, ей не понравилось, что Сережа не поверил. Но почему? Лошадка и ослик были в Парке птиц. Потом исчезли. Они улетели. Улетели к своим друзьям. Наверное, ищут того волшебника. Они хотят уговорить его снять свое заклинание. Но как они найдут его ночью, в темноте? Если я встречу этого волшебника, обязательно попрошу снять заклинание! А я его обязательно встречу. Я уверен! Наверняка Хозяин Оранжевого Мячика и этот волшебник – одно и то же. Он заколдовал лошадку и ослика за то, что те смеялись над ним. Но за что он заколдовал меня?

Оля

Я тысячу раз говорила Сергею: «Ты – зануда!» Но он так не считает. Он – нормальный молодой человек, ходит в институт, пишет лекции. В обед сбегает с друзьями в общагу – пить пиво или

рубиться в свою любимую «Квейк» или еще какую-то дурацкую стрелялку. Иногда они возвращаются на последнюю пару. Веселые и шумные. По вечерам он носится по кафешкам и дискотекам. Иногда приглашает меня, и мы вроде неплохо проводим время. Сергей мечтает стать менеджером среднего звена, получать хорошие деньги. Хочет ездить на хорошей машине, тусить в престижных клубах, отдыхать на модных курортах. И он всего добьется. Он не дурак. Выполнит и перевыполнит свои же планы. Но только зачем все это? Спроси его: «Сережа, чего ты хочешь от жизни» – он без запинки ответит. Он знает. Все знают. Все хотят этого. Потому что так положено. Заведено когда-то и кем-то. И он хочет как все. Иногда мне его жаль. Мне трудно понять, как это возможно: хотеть того, чего на самом деле не хочешь.

Дура я, что повезла его сюда. Думала, хоть развеется парень. А ему это не надо. И в баню повела, и историю эту выдумала зря. Он не поймет. Это для него – сказки. Ужасно. Просто ужасно, когда в человеке не остается ничего человеческого! Когда простая фантазия вызывает приступ раздражения.

А Костику история, вижу, понравилась. Даже притих. Все на колья поглядывает. Ребенок, честное слово! Вот уж кто всегда останется самим собой! Никогда и ни под кого не прогнется. Иногда даже завидно становится.

Костик

Мы вернулись домой поздно. Сережа с Олей уложили меня спать, а сами уехали. Они хотели попасть на дискотеку. Сережа ходит туда каждую пятницу. Уходит поздно вечером, возвращается ночью. Он долго готовится: причесывается, одевается, душится. Потом смотрится в зеркало. Наверное, дискотека – очень важный обряд. И интересный. Но мне туда нельзя. Почему? Мне уже восемнадцать лет, и я взрослый. Но меня все равно никогда туда не берут.

Я долго хотел узнать, что это такое: дискотека. И вот моя мечта сбылась. Мы встречали Новый год на турбазе. Я, мама, папа и Сережа. Днем нас собрали в большом зале. Нас поздравляли Дед Мороз со Снегурочкой. Настоящие! Когда-то давно нас с Сережей они тоже поздравляли. Но это были папа с мамой. Просто они переодевались в эти забавные костюмы. Они поздравляли нас с Новым годом. Дарили подарки и конфеты. Потом перестали. Теперь Сережа не встречает Новый год с нами. Он уходит куда-то к друзьям. Папа с мамой и я смотрим телевизор. Мы ждем, когда там начнут бить куранты. Пока они бьют, надо успеть загадать желание. Оно обязательно сбудется! Надо только как следует загадать!

Я всегда загадываю одно и то же. Я хочу достать свой Мячик. Наверное, я плохо загадываю. Ведь до сих пор мне это не удалось. Каждый Новый год я загадываю свое желание снова и снова. Каждый раз, когда мне грустно или одиноко, я вызываю своего друга. Я пытаюсь исполнить свое желание! Я стараюсь! Но пока у нас не получается. У меня и моего друга. Он тоже хочет все изменить! Не меньше меня. Но мы обязательно все изменим! Обязательно. С этими мыслями я

засыпаю. Я знаю – мне обязательно приснится мой друг. Вместе мы здорово проведем время. В эту ночь мы будем стараться особенно сильно!

Дед Мороз и Снегурочка в тот раз были настоящими. Елка была настоящей! Новый год – нет. Новый год встречают, когда на улице ночь. Мы – когда был день. На Новый год слушают бой часов. Мы не слушали. Это был не настоящий Новый год. Я понял это. А еще, что вряд ли удастся в этот раз загадать желание.

Праздник мне понравился. Нас собрали всех вместе: всю детвору и меня. Мы водили хороводы вокруг елки, нас поздравляли и дарили подарки. Но часы не били. И папа с мамой не смотрели телевизор.

Потом в зале завесили окна. Стало темно. Включился свет, и заиграла музыка. Дед Мороз объявил, что сейчас будет дискотека для самых маленьких.

Дискотека! Это место, где весело. Играет музыка, мигают лампочки, все танцуют. Даже я! До этого я еще никогда не танцевал! Правда! Это так просто. Главное, слушать музыку и веселиться! Чем больше музыки, тем больше веселья! Тогда было много-много песен. И было много-много веселья. Еще никогда в моей жизни не было его столько! Даже сейчас, когда играет музыка, я пытаюсь веселиться. Как тогда, на дискотеке. Только почему-то у меня не получается настоящей дискотеки. Мне не так весело, как было тогда. Наверное, потому, что я один.

Сегодня возвращается мама. Ее привезет самолет. Мы едем ее встречать. Я, папа и Сережа. Мы с братом радуемся, а папа почему-то хмурится. Неужели он не рад, что мама вот-вот вернется? Неужели он не соскучился? Мы снова долго собираемся. Я снова мешаю всем. Но папа в этот раз не сердится. Даже когда я разбиваю вазу с букетом для мамы. Он просто вздыхает. Встает и молча собирает осколки. Тогда я понял: он чего-то боится. Но чего? Неужели самолета? Мне стало страшно. Я никогда не видел, чтобы наш папа чего-то боялся.

Всю дорогу я сидел молча. Мне было страшно. Так, что я даже не стал звать своего друга. Я сидел и ждал. Ждал чего-то нехорошего.

Мама вернулась. Загоревшая и отдохнувшая. Но очень грустная. С первых же дней она снова начала ходить к тому дядьке. Наверное, ей там нравится. Иначе почему она проводит там столько времени? А я. Я остаюсь один. Мне грустно. Очень. Я даже не хочу играть.

Софья Николаевна больше не приходит. Она здесь больше не работает. С ней было хорошо. Очень. Она добрая. Теперь вместо нее какая-то молодая тетка. Ей все равно, она никогда не играет со мной. Даже когда я один. Хорошо, если я встречаюсь со своими друзьями: Катей и Славой. Мы хорошо проводим время. Втроем нам весело. Но чаще я остаюсь один. Тогда я зову своего друга. Он приходит. Как всегда, из воздуха. Он убегает, а я догоняю. Мы играем в свою игру. Снова и снова.

Иногда со мной проводит время Оля. Она приходит к нам. Как раз когда мама собирается в больницу. Она помогает маме одеть меня, берет меня за руку, и мы идем на улицу. Втроем. Потом мама уходит. А мы остаемся. Качаемся на качелях. Кормим голубей. Играем в песочнице.

Мне радостно, когда со мной играет Оля. Когда она рядом, я не хочу вызывать Оранжевый Мячик. Мне с ней не одиноко.

Иногда к нам присоединяется Сережа. Но мне не нравится это. Сережа так и норовит отвлечь Олю. Он хочет, чтобы Оля играла только с ним. Но почему? Они и так проводят вместе много времени. Гораздо больше, чем Оля со мной. Но Сереже и этого мало. Почему-то он хочет забрать ее у меня.

А еще больше я люблю, когда со мной гуляют мама и Оля. Они всегда разговаривают друг с другом. Но не так, как папа. Спокойно. Они не размахивают руками. Они не кричат. И не вспоминают ни про Фирсова, ни про Сергеева, ни про мистера-дристера. Они просто говорят. Радуются, смеются. Иногда просто смотрят на меня и улыбаются. Мне нравится, когда люди улыбаются. Очень. А еще мне самому нравится улыбаться.

В то утро я увидел полосатого котенка. Он гонялся за солнечными зайчиками. Маленький, пушистый. Так и хотелось взять его в руки! Ему было хорошо. И всем, кто его видел, – тоже. Люди куда-то бежали. Взрослые, дети, дяди и тети. Многие замечали котенка. Многие останавливались. Они улыбались. Некоторые гладили и даже играли с ним. Даже взрослые! Я смотрел на него и тоже улыбался. А потом котенок куда-то убежал. И все прохожие пошли куда-то дальше по своим делам. А я остался. И со мной никто не хотел играть. Ни один человек! Меня просто не замечали. Наверное, потому, что я большой. В тот день я пожалел, что я не маленький котенок.

Сегодня котенок вернулся. Ему стало одиноко, и он решил поиграть со мной. Он зашел в песочницу, когда я делал куличи. Такой маленький и смешной! Вот он увидел кузнечика и захотел с ним поиграть. Шаг за шагом, все ближе и ближе. Еще чуть-чуть!

Но кузнечик его увидел. Наверное, он подумал, что котенок хочет его поймать. Он ускакал. А котенок огорчился. Тогда я поднял веточку и протянул ее котенку. Я видел, как другие играют с котятами. Веточками, травинками, листиками. Котята любят, когда с ними так играют! И мой – тоже. Мы здорово провели время. Я и он. И в этот раз прохожие смотрели на нас обоих. И в этот раз они улыбались, потому что видели нас.

Мама

Костик – такой удивительный ребенок. Еще с самых первых дней он был гораздо живее Сережи. Конечно, не в последнюю очередь благодаря тому, что с ним занимались. Когда первые страсти улеглись, пришло понимание, что надо что-то делать. А еще появилась надежда, что все еще уляжется. Вопреки всем диагнозам и справкам! Назло всем врачам!

Когда Костику исполнился всего годик, я начала учить его читать. Я помню, мы с мамой накупили целый ворох открыток! Затем взяли в руки клей, ножницы, тетрадные листы и принялись мастерить. Мы делали карточки: изображение и подпись внизу. Тети, дяди, лошадка, голубь,

кораблик. Мы с мамой показывали Костику эти картинки. Боже мой, как он оживлялся! Пытался повторять слова. «Мама, папа, тетя, дядя, баба, гуля, лошака.» А через пару дней он ошарашил всех, потребовав свою новую любимую игру: «Баба, катики!» Даже муж и тот поверил в успех. Муж-скептик, который с самых первых дней был настроен крайне негативно! То и дело слышали от него брошенное невзначай: «Тратите время зря!», «Занялись бы чем-то полезным» и еще бог знает что! А теперь…

Он тогда ринулся в магазин и накупил раскрасок и цветных карандашей. Тогда мы все поверили! Просто поверили в то, что нам удастся сделать это! Мы победим!

Просто не верилось, что такой живой и развитый ребенок поражен синдромом Дауна! Я всегда сравнивала Костика с Сережей в его возрасте. Сережа, как и его отец, рос серьезным ребенком. Почему-то с самых пеленок ему не доставляло удовольствия шалить и громко кричать. Он нехотя начал разговаривать. К тому времени мы уже с ног сбились, возя его по больницам: ребенку уже скоро два года, а он не разговаривает. Только плачет, когда ему что-то не нравится. Или молчит. Казалось, он хочет, чтобы все было наверняка. Без неудачных попыток.

Тем утром мы проснулись оттого, что кто-то говорит.

– Мама, поехали к бабе! – Представляете, Костик заговорил! Он сразу начал говорить!

Точно так же он начал ходить. Сережа долго отказывался подниматься на ноги. Даже когда мы с Борисом ставили его, он просто падал. Тогда мы уже просто отчаялись! А потом он просто взялся за ножку стула. и встал!

Костик же наоборот – экспериментатор. Он готов был снова и снова пытаться, пытаться и еще раз пытаться. Говорить, сидеть, стоять. Каждая новая вещь для него была в радость. Стол, ложка, погремушка. Вот и сейчас: он увидел котенка! Наверное, вспомнил, как с котятами играются мальчишки: взял в руки веточку и начал водить ее туда-сюда. Чудо! Со стороны посмотреть – обычный подросток играет с котенком в песочнице.

В такие моменты так и хочется разреветься: ну почему именно он? Боже, разве не хватает в этом мире отморозков, достойных такого наказания? Боже, за что?

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Мне не хочется возвращаться, но я должен. Я чувствую, что маме сейчас очень плохо. Даже хуже, чем было мне, когда я упал с качелей. И я больно ударился головой. Тогда мама подбежала ко мне. Она погладила мою голову и начала дуть на нее. Потом поцеловала. Тогда это помогло. Но как узнать, какое место ушибла мама?

Родители не хотят, чтобы мы знали, что происходит. Они говорят, что мама просто заболела. Это ненадолго. Мама скоро поправится. Но я-то чувствую, что что-то не так! Мама теперь всегда грустная, папа – раздражен. Вернее, он напуган. Ему страшно. Но папы не могут боятся, а вот мой – боится. Поэтому он теперь всегда ходит раздраженный. Чтобы никто не видел, что ему страшно.

Я чувствую, что что-то не так. Мир становится пустым. Раньше мама всегда была рядом. Раньше она все свое время проводила со мной. Раньше она была такой веселой!

Теперь она подолгу оставляет меня с Сережей и Олей. Уходит утром, а возвращается днем. Расстроенная и очень уставшая. И Оля появляется у нас все реже и реже. Я боюсь. Боюсь, что она перестанет приходить совсем. Тогда мир станет совсем пустым. Без нее и без мамы.

Сережа

Что за фигня происходит, никак не могу понять? Вместо института извольте тащиться домой и нянчиться с Костяном. Что за бред? Мне диплом писать надо. У меня работа! Что за дела? Почему меня уже целую неделю срывают домой?

Говорил с отцом на эту тему, он меня понимает. Вся неделя – псу под хвост! Ни диплома, ни зарплаты. А тут еще Олька выделывается. Скучно ей, видите ли, со мной. Никаких новых впечатлений, я на нее внимания не обращаю. Каких тебе еще новых впечатлений? Тащиться опять в этот Птичий сад? Нет уж. Увольте! Хотя в баньку бы я сходил. Но без братца. Просто вдвоем: я и она.

А тут она меня ошарашила: мы едем в Никола-Ленивец. Какое-то там АрхСтояние. Меня даже и не спросила: хочу я – не хочу… Не важно, что думаю я. Она решила – и точка!

Я, конечно, в инет залез, давай искать. Нашел. Елы-палы! Это аж за Калугой! Туда еще трястись и трястись на этой «Ниве» долбаной! Так и так, объясняю ей, что лететь за двести километров – глупо! И главное, было бы ради чего! Ну, курица эта металлическая. Качели там всякие. Башни, мосты. И ради этого лететь к черту на рога? Я вон с пацанами по сетке в кваку порежусь – веселее будет. И болото это месить ногами не придется. На крайняк диплом попишу. Хотя с братцем попишешь разве?

Короче, не поехал никуда. И не жалею. Там дождь шел, так они под зонтами весь день пробегали. Фотки потом показывала: «Это – гнездо, это – качели. Вот – смотровая вышка. А вот – мост». Еще и лазали везде. Я бы фиг полез. Та же смотровая вышка.

Что я, сумасшедший совсем? Этажа три в ней, не меньше. Из веток собрана, болтами-гайками скреплена. На фотке смотреть – и то страшно. А Олька ничего, забралась. Руками машет, мартышка. Под дождем-то!

А я дома время провел. И диплом поделал. Приноровился уже и дома. Обычно включаю ноутбук и тупо не обращаю на брата внимания. Не мешай, мол. Поначалу шумит, что-то от меня требует. Я – знай себе своим занимаюсь. Он хоть и даун, а все понимает. Пару дней цеплялся, а потом перестал. Теперь садится в кресло и сидит молчком.

А Оля и Костя только ночью домой вернулись. Мокрые, замерзшие, но довольные. Взахлеб потом рассказывали, как с качелей навернулись, как сапог утопили, как таких же, как они, горемык на буксире тянули до Медыни. Во, заняться было нечем! Тоже мне, кадры.

Костик

Мир полон загадок. Мне не понять, почему каждое утро папа с Сережей куда-то уходят. В одно и то же время. Почему? Даже солнце и то появляется по-разному. Летом – когда все еще спят. Зимой – когда все уже разошлись.

Что делается с людьми, когда они выходят из квартиры? Когда закрывают за собой дверь?

Каждое утро папа и Сережа расходятся по своим делам. Мама прибирает на кухне, готовит мне завтрак и тоже уходит. Я знаю, что вернутся все уже другими. Почему? Я не знаю. Наверное, у каждого за дверью есть свой секрет. Каждый возвращается другим.

Папа уходит грозно. Он поправляет ворот рубахи и галстук. Осматривает себя с головы до пят. Он с решительным видом выходит за дверь. Как будто боится, что его мир успеет занять кто-то другой. Этот загадочный Сергеев. Или мистер-дристер, или еще кто-то. Возвращается он поздно вечером. Уставший и сердитый.

Сережа сонно глядит в зеркало, причесывается и выходит за дверь. Он делает это так, словно ему жутко не хочется никуда идти. Словно какой-то вязкий кисель выталкивает его обратно. А вечером он возвращается бодрым и радостным. Быстро кушает, одевает свой балахон и убегает. Иногда садится за компьютер и начинает что-то делать. Веселый.

Мама уходит осторожно. Так, словно боится оставить меня одного. Прежде чем закрыть за собой дверь, она улыбается мне. Она уходит совсем на чуть-чуть. Из своего мира она возвращается с целым ворохом пакетов. Чуть раскрасневшаяся и довольная.

Я пытаюсь найти причину. На улице я каждый раз смотрю во все стороны. Я пытаюсь увидеть Его – Хозяина Задверного мира. Того самого, который так меняет людей. Я оглядываюсь по сторонам. Осматриваю каждый камень. Обхожу деревья в сквере. Даже копаю песок в песочнице. Но все напрасно. Я так ничего и не нахожу. Лифт, подъезд, улица, тротуар, песочница, парк. но никаких следов того, кто так меняет людей: Хозяина Задверного мира. Никаких.

Но я не теряю надежды! Я уверен, что найду его. Возможно, мы сможем подружиться. Так я думал раньше. Но теперь. Что-то изменилось. Хозяин Задверного мира стал плохим. Злым. Он нехотя принимает в своих владениях моих близких. Так, словно делает одолжение. Я чувствую это. Я вижу! Уходя по своим делам, папа и мама собирают все силы. Как будто за дверью их ждет что-то страшное.

Возвращаются они теперь уставшими и. опустошенными. Как будто Хозяин Задверного мира высосал из них все силы и выплюнул их. Точно так, как я выплевываю хрящик в котлете. Зато теперь я знаю, почему он мне не показывался раньше. Он боялся меня. Он знал: от меня ничего не скрыть. Как только я увижу его, сразу пойму: Хозяин Задверного мира – нехороший.

Теперь я не желаю его видеть. Совсем. Я не хочу входить в его владения! Я начинаю капризничать, когда меня собираются отправить на прогулку. Я не хочу, чтобы он сделал со мной то же самое, что с папой и мамой. Костя и папа радуются. Теперь меня можно выводить на балкон, а не на улицу. Им не нравится проводить со мной время. Совсем не нравится. Им не до меня.

Мой мир начинает заполонять пустота. Раньше он был наполнен маминой любовью. Теперь эта любовь куда-то исчезает. Вернее, в нем становится все больше усталости и страха. А еще – одиночества.

Папа

Ну почему все наваливается на тебя именно тогда, когда ты этого меньше всего хочешь? Этот козел Сергеев, мистер Люмер со своими капризами. Мистер-дристер хренов! Тут пашешь, как вол, а он тебе: «Результаты работы в этом году хуже плановых. Значительно. Вы недостаточно активно работаете с регионами». Я, конечно, вежливо улыбаюсь, качаю головой. Пытаюсь объяснить ему, что он не прав и мы делаем все, что в наших силах. Мол, Россия большая. Любая область больше, чем его Англия, а людей у нас меньше, чем у него в офисе! Вот и крутись! А у меня всех менеджеров – три человека. Какой тут рост? С текучкой бы справиться! Вместо того чтобы руки выкручивать, квоту на людей увеличил бы! Ладно бы я просил о чем-то невыполнимом. Два человека! Всего два нормальных сотрудника, а не этот умник Сергеев.

Сына тут еле впихнул – практикантом на птичьих правах. Зарплата – как раз проездной купить на метро. Усадил отчеты делать, чтобы хоть как-то разгрестись со всей этой хренью. Так шума было! Сергеев аж прыгал от радости: нашел на чем меня подцепить. Люмеру телегу написал. Тот, конечно, мне звонить сразу. Возмущается, козел. Пришлось объяснить, сколько мой сын получает за то, что отчеты по ночам дома пишет. Ладно, успокоился. А мудаку этому Сергееву – премию за

бдительность. Козел! И Люмер, и Сергеев, и Фирсов этот. Болел бы реже, так и не пришлось бы Сергея запрягать. Его же работу выполнял. Встречу где-нибудь в переулке – порву, как Тузик грелку!

Сергееву премию, мне же – ни хрена. Даже спасибо не сказали. Уроды! Я тут здоровье рву свое, сына подключил, чтобы работа не стояла, а он знай себе, на молокососа этого поглядывает, любимчика своего: ну-ка, как мы объясним отсутствие роста на этот раз. Объясняет же! Мировой кризис, отток капитала. Чушь! Народа не хватает нормального. Способного работать. Но нет, у нас все ясно. У нас – мировой кризис. Сволочи!

Тут в Краснодар командировка была. Летели на какой-то развалине древней. Все скрипит, все дребезжит! Летайте самолетами «Аэрофлота», мать его! Гостиница – клоповник. Опять же с чиновниками вопросы решать надо.

Как манную кашу, по ложечке, пытаюсь я в его башку тупую засадить все эти вещи элементарные. Без толку! Только время теряю. Я уже понял, как с ним вести надо. Мину скорбную скорчить и головой печально кивать: «Да, мистер-дристер, мы плохо сработали. Да, мистер-дристер, мы раскаиваемся. Да, мистер-дристер, мы исправимся». Только в этот раз не сработало. Разборок было! Кое-кто, пожалуй, полетит с насиженного места. Сейчас на работе все друг другу волки.

А тут еще и жена заболела. Нет, не простуда. Рак, мать его! Ей бы в больницу лечь, курс лечения пройти, так ведь нет, возится с любимчиком своим, Костиком. Еще и на курорт летала. Это вместо того, чтобы лечиться! Отдать его в интернат, да и дело с концом! Там за ним присмотрят, как полагается. Процедуры там всякие, питание, что еще ему нужно. Не пропадет, короче. Если ей так хочется – раз в неделю можем навещать. «Оставить одного нельзя, отдать в интернат не могу! Он все чувствует, ему будет больно». Что за бред! Он – даун. Он даже разговаривать не умеет.

Еще тогда, в роддоме предлагал: отдай ты его в интернат, воспитывай Сергея. Утрясется все. Пройдет. Еще одного сделаем. Уж не знаю почему, но всегда мечтал о двух мальчишках. Да и Юля не против была. Радости, помню, было, как второй родился! Только вот дауном он у нас вышел. Отдай ты его! Время не трать свое! Но нет, куда там! Мы же все из себя сентиментальные. Работу бросила ради сыночка. Зачем? Ради чего, спрашивается? Так мало того, сейчас, пока на процедуры ходит, Сергея усаживает за ним следить. Сергея! У него диплом на носу! У него работа! Ему сейчас от компьютера вообще отходить нельзя! Но нет, извольте домой прийти и с братом-дебилом возиться.

Все эти мысли вихрем носились у меня в голове, пока добирался домой. Чертовы пробки! Слетать в Европу – три часа, добраться из аэропорта домой – пять. Чем дольше я стоял, тем сильнее крепла во мне уверенность: жене ставлю ультиматум. Сама – в больницу, сына – в интернат.

Уже и не заметил, что подъехал к дому. Малолетки чертовы. Повадились у подъезда пиво пить. Хоть бы убирали за собой срач этот. Поймаю – уши пообрываю. Пустая пивная банка – к чертовой матери! Приложился ногой от души, даже полегчало. Еще одна – туда же. Уф, что-то я распалился сегодня.

Ладно. Глубокий вдох и выдох. Еще один и еще. Все в порядке, Борис. Все будет в полном порядке. Сейчас поговорим с женой и решим все наши вопросы. Все будет в порядке.

Костик

– Сережа не может каждый день уделять ему столько времени. В конце концов, на носу защита диплома, да и тупому мистеру-дристеру объяснять надо, почему один из сотрудников на работе вторую неделю не появляется, – громко говорит папа.

– Но Костя не может быть один столько времени! – чуть слышно отвечает мама.

– Тогда бери его с собой в клинику, – ворчит в ответ папа. – Ты же сама говорила, что там есть детская комната, где за ним присмотрит нянечка.

– Я не могу. У меня такое ощущение, что он все чувствует. Мне кажется, что он понимает все, что происходит. Ему будет больно, если он увидит меня после процедур.

– Не говори глупостей, – гремит папа. – Сомневаюсь, что он вообще может чувствовать. И вообще, временами я не понимаю, как позволил тебе оставить его. Он же даун!

– Он мой сын, – чуть слышно отвечает мама. – И твой, между прочим, тоже.

– Мой сын заканчивает престижный университет. Мой сын – подающий большие надежды менеджер. Мой сын, в конце концов, говорить умеет! – Папа уже не просто громко говорит. Он кричит.

– Костя услышит. Говори потише.

– И пусть слышит! Я устал от того, что ты нянчишься с восемнадцатилетним дылдой, как с младенцем. Было бы гораздо лучше, если бы ты продолжала юридическую практику. Ведь тебе тогда говорили все: это твое! Из тебя получится блестящий юрист. До сих пор моя фирма без юриста обходится. Ты всю его работу выполняешь. Ты! Да это твое, пойми же ты наконец. Твое! Блестящий юрист, профессионал своего дела! А что вместо этого? Сидишь, как наседка на яйцах, с Константином. Ради чего ты пожертвовала карьерой?

– Ради кого, – поправила его мама.

– Нет, именно ради чего.

– Если мы с Костей тебя утомляем, так и скажи. Мы найдем способ прожить одни.

– Хорошо, хорошо, – сразу стихает папа, – не будем ссориться. Просто. почему бы тебе не подумать о том, чтобы отдать его в интернат? Хотя бы на какое-то время. Тогда ты смогла бы уделять больше времени лечению и процедурам, побольше думать о своем здоровье.

– Давай не будем начинать это снова, – как-то резко ответила мама. Так резко, что мурашки бегут по спине. – Костя – мой сын и твой тоже. И жить он будет с нами. Или директору по развитию не по карману содержать своего же ребенка?

– Ты права, дорогая, – как-то неуверенно бормочет папа. – Я просто завелся.

– Нет, ты не просто завелся, ты облил грязью собственного сына и меня заодно. Ты вел себя. Ты был как трус.

– Но я действительно беспокоюсь, – шепчет папа.

– И поэтому ищешь крайних?

– Я хочу как лучше.

– Тогда не веди себя так, как ты вел только что. Никогда! Борис, так будет лучше.

Признаться, я мало что понял из этого разговора. Сначала мне показалось, что папа – плохой. Он кричит на маму. Но потом мне стало его жаль. Он боится. Но папы ведь не боятся. Никогда. Даже в бассейне! Там жутко глубоко. Там невозможно нащупать под ногами землю. Но папа не боится туда заплывать! А я боюсь. Я плаваю там, где мелко. И только с надувными штучками на руках. Но я – не папа. Мне бояться можно.

А еще я понял, что произошло что-то ужасное. Я оказался прав.

Мама

Столько лет прошло – и вот он снова за свое. Вместо того чтобы поддержать, начинает ныть о том, как ему тяжело тащить на себе всю нашу семью. Боже мой, до чего же я устала! Когда Костик заговорил, я поверила: все наладится. Не может быть, чтобы такой живой ребенок навсегда остался недоразвитым. Все мы: я, мама, Борис, даже Сережа с утроенной энергией бросились заниматься с Костей. Две недели мы резали, клеили, рисовали, писали новые картинки. Носились по магазинам и библиотекам в поисках литературы по обучению детей. Мы верили, что все обойдется. Но.

Две, три недели, месяц, другой, третий. Костя так и не выучил ни одного нового слова. Да, он различал картинки. Он смеялся, плакал, бормотал свои «баба, мама, папа, гуля», но не говорил. Сначала скис муж. Он снова начал бурчать о том, что надо сдать его в интернат. И это после всего, что было сделано? Да как у него язык повернулся сказать такое? О своем сыне! Потом он еще часто говорил это, но это было потом. Я уже научилась не обращать внимания на его нытье. Но тогда. Я взяла детей и на месяц уехала к маме. Я не хотела никого видеть. Вообще.

Наверное, я бы скисла, если бы не мама. И не Михалыч с женой. Их сын давно уехал в город. Любимый сын. Поздний сын. Он уехал и больше не вернулся. С тех пор они жили одни. Они с радостью бросились помогать нам с Костиком. Земной поклон этим людям. Если бы не они, вряд ли бы во мне вообще вера в людей осталась хоть какая-то. Добрые старики. Они приезжали к нам на старом рыжем мотоцикле. Всегда привозили гостинцы. Они вернули нас к жизни.

Потом приехал Борис. Я простила, а он смирился.

Прошло одиннадцать лет. Мы два раза в год ездили в деревню всей семьей. Всегда к нам погостить приезжали Михалыч с женой. Потом с нами связался их сын. Оказывается, он стал важным человеком. Попросил передать посылку родителям. Мы, конечно, согласились. Мы полюбили этих стариков. Борис уехал в какой-то офис, за подарком, где ему и сделали предложение возглавить компанию. Все шло, все менялось. Мне казалось, что прошлое уже никогда не навалится на меня своей тяжесть.

И вот теперь, спустя столько лет, мужа снова прорвало. Нет, конечно, приятно, что он беспокоится о моем здоровье. Значит, для него я что-то еще значу. Хоть как жилетка, в которую можно поплакаться. Но почему он не признает Костю? Почему?

Костик

На следующий день к нам в квартиру пришла немолодая женщина.

– Знакомьтесь, это Костя. Вам нужно будет проводить с ним время до вечера. Часов семь в день, пока я не вернусь.

Женщина кивнула головой. Это ее обряд. Я это понял сразу, как только увидел ее. Нет, она хорошая. Я чувствую. Хорошая, но для нее это все – обряд. Точно так же, как для папы просмотр телевизора.

– Как нас зовут? – улыбнулась она мне.

– Он не может говорить, – вставил папа.

– Я могу. Могу. Просто вы не можете понять меня!

– Его зовут Костя, – виновато добавила мама. – Константин. Но вы не переживайте, Татьяна Валерьевна, он все понимает.

– Славно, – кивнула она головой.

Думаю, мы с ней подружимся. Она хорошая, хоть и выполняет свой обряд.

Татьяна Валерьевна

Впервые пришлось сидеть с дауном. Обычно все с младенцами, пока мамки на работе. Впервые, а уже, слава богу, лет десять, как сиделкой работаю.

И семья приличная. Отец так вообще из директоров. А вот на тебе – ребенок не уродился. Согрешили, видать, где-то. Мне, понятно, всего не рассказывают, но, сдается, беда какая-то случилась. Иначе зачем меня нанять решили? Им бы в церковь-то сходить, покаяться, а не о себе думать. Ведь не зря у них одно на другое накладывается. Сначала сын – даун, теперь вот еще что-то стряслось. Бог, Он просто так не наказывает.

И не в отпуск мамка собирается. Если в отпуск кто едет – недели на две нанимают. А тут на тебе, почти на три месяца! Да не мое это дело. Заплатят хорошо – и на том слава богу! А в церковь-то сводить – свожу обязательно.

Мир опустел. Раньше он был наполнен маминой любовью. А еще к нам раньше приходила Оля. Теперь мама дома бывает редко. Она ходит на прием к тому самому бородатому дядьке в белом халате. К тому, который говорит не то, что чувствует. Приходит она поздно и очень напряженная. Конечно, не показывает вида, но я-то чувствую, что ей нехорошо. А еще ей страшно. Мама боится, но не за себя – за меня. Это я тоже чувствую. Но зачем ей переживать за меня? Со мной все в порядке. Мне только плохо оттого, что в мире стало меньше любви. Раньше меня любили мама и Оля. Но теперь. Мама почти не появляется дома. Оля больше не приходит. Ни к Сереже, ни ко мне. Мир стал холодным. Мир стал пустым. Мир стал страшным.

Теперь на прогулки меня водит няня. Она отводит меня подальше вглубь сквера и начинает со мной играть. Она знает мою тайну, хоть и не понимает ее. Нянечка увидела мой оранжевый мячик и теперь на каждую прогулку берет его с собой.

– Смотри, Костя, какой у нас славный мячик! – кидает она его мне.

Мячик отскакивает от земли и прыгает ко мне.

– Костик, мячик надо ловить, иначе он ускачет прочь, и ты останешься ни с чем!

«Мячик надо ловить. Мячик надо ловить!» – кружится у меня в голове. Поймаешь, и все изменится. Поймать! Нельзя оставаться ни с чем! Я хватаю его!

Я стою и жду, когда же что-то произойдет. Но ничего не меняется. Тогда я несу его назад няне.

– Киньте еще раз! Пожалуйста! Мне нужно поймать его. Мне нужно все изменить! – кричу я ей, но она не понимает. Ей просто кажется, что мне нравится эта игра.

– Молодец, Костя! А теперь кидай мне его.

Я смотрю на мяч. Я не верю! Я поймал мячик, но ничего не изменилось. Я снова ловлю его. Снова пытаюсь все исправить. Мне кажется – еще чуть-чуть! Стоит только как следует постараться! Но почему-то ничего не выходит! Я смотрю на мячик. Он же мой друг! Но он ничего не хочет мне сказать.

– Кидай, или ты не хочешь, чтобы тетя Таня тоже поиграла? – зовет нянечка. Хорошо. Я попробую еще раз. И еще. И еще. До тех пор, пока мне не удастся задуманное!

Я понимаю, что этот мяч – совсем не тот, что приходит ко мне. Я понимаю, что он вряд ли поможет. Но я все равно стараюсь! Мне почему-то кажется, что сегодня я становлюсь ближе к разгадке своей тайны.

Полнолуние. Я обожаю это время! Мне так нравится наблюдать за луной. Такая круглая и желтая. Она так похожа на мой Мячик! Разве что цвет немного другой. Но какая разница? Я стою у подоконника и не свожу глаз с полной луны. Ни на мгновение! Я все жду, когда же появится тот, кому принадлежит этот желтый мячик. Я жду. Надеюсь, что мы сможем понять друг друга. Мы сможем стать друзьями!

Я готов стоять у окна долго-долго. До тех пор, пока луна не скроется за соседними домами. Странно, но мне почему-то кажется, что ее хозяин одинок. Иначе с какой стати ему заводить такой же мячик, как и у меня? Мне кажется, что обладатели ярко-оранжевых мячей одиноки. Правда! Каждый день я вижу детвору, что резвится на улицах. Многие играют с мячиками, но то разноцветные мячи. Иногда с полосками или цветочками. Иногда двухцветные, но никогда не желтые!

Нет, один раз я видел мальчика. У него был такой же ярко-оранжевый мячик. Точь-в-точь как у меня! Мама повела меня в какой-то огромный магазин, где мы долго-долго бродили по длинным-длинным коридорам. Это было очень утомительно. Мне было не по себе. Мне было страшно.

Я боюсь большого скопления людей. Боюсь потому, что тогда они перестают быть людьми. Они превращаются во что-то страшное. Когда я вижу человека на улице, я могу многое узнать про него. Но только не тогда, когда он в толпе. Там все становятся одинаковыми.

В тот день мы как раз попали в такую толпу. Мы долго ходили по огромным залам. Я толкал железную корзинку. Мама складывала в нее разные вещи. Я не смотрел по сторонам. Я глядел себе под ноги. В тот момент мне показалось, что кто-то на меня смотрит. Не просто зевака. Нет! Кто-то, кто хотел помощи. Я обернулся. Прямо на меня смотрел маленький мальчик с ярко-оранжевым мячиком в руках. Он был один. Совсем. А еще он был напуган. Он как будто просил меня помочь ему. Но что я мог сделать?

– Мама, там мальчик, ему надо помочь!

– Костя, не сейчас. Мне надо купить овощей и вина. А еще я обещала папе, что мы купим ему новый махровый халат.

– Но мама, он совсем один! Смотри, у него такой же мячик, как и у меня.

– Костя, пожалуйста, успокойся!

– Но мама, мальчику очень плохо!

– Костя, сыночек, успокойся. Прошу тебя. Смотри, на нас все смотрят!

И правда, толпа замерла. Она принялась разглядывать нас с мамой. Ей стало любопытно. Всем было интересно разглядеть меня. Разглядеть, чтобы потом рассказать своим друзьям. Впрочем, длилось это совсем недолго. Скоро всем стало неинтересно. Все снова разбрелись по своим

делам. Последнее, что я увидел, это скачущий по полу ярко-оранжевый мячик того мальчика. Его забрали родители. Он перестал быть один. И мячик ему стал не нужен.

После этого я понял: с такими мячами ходят только те, кто нуждается в помощи. Те, кому одиноко. С тех пор я стараюсь понять, кому же принадлежит этот огромный мячик. Тот, что зовется луной? Ответа я пока не нашел. Но я не теряю надежды. Когда-нибудь я узнаю и это. Когда-нибудь я познакомлюсь с этим загадочным существом!

Татьяна Валерьевна

Уж и думать не думала, что узнаю, что происходит-то! Борис Прокофьевич не удержался – рассказал как-то вечером.

– Татьяна Валерьевна, – говорит, – у жены моей рак. Вы понимаете, она уходит. Я остаюсь один!

Как же тут не понять? Уже, слава богу, не молоденькая. Всякого повидала на веку своем. Уж нашла я время, уговорила Юлию со мной в церковь сходить. Как горе такое, так одна дорога – в церковь. У Бога милости молить. Я как узнала, что она и в церкви-то ни разу не была, так руками развела.

– Что же ты, милая, грех-то такой несешь? Еще, поди, и некрещеная? Ну да Богу-то все равно. Пойдем, пойдем, милая!

Уж чего ее дернуло сына с собой тащить? Куда ему в дом Божий, юродивому этому? Я уж и так и эдак отговаривала Юлию. Все зря. С нами он идет. Душенька-то не спокойна. Чую, чую – выкинет он что-нибудь. Я уж пригляжу за ним. Как следует пригляжу. Не положено дом Божий осквернять. Не положено!

Костик

Сегодня мы втроем куда-то идем: я, мама и нянечка. Раньше я никогда не был так далеко от дома. Даже с Олей. Мне все ново и интересно. Я гляжу по сторонам. Я стараюсь не пропустить ничего. Впрочем, это занятие меня скоро утомляет. Я устаю от одинаковых домов и прохожих.

– Не бойся, милая, – бормочет нянечка, – ничего страшного. Я вот тоже долго не верила, недавно только покрестилась. Как крестилась, так и ладно пошло все. Так ты не переживай, что не крещеная. Не страшно это совсем. Богу ведь все равно, если молить его как следует. Ты не бойся, моли. Поможет он тебе! Сердцем чую.

– Я даже не знаю, – как-то неуверенно шепчет мама в ответ. – Всю жизнь не верить и вот – на тебе, бежать в церковь, просить о чем-то.

– А ты просто не сомневайся. Главное, чтобы другим не во вред да от сердца чистого.

Я мало что понимаю. Чувствую только одно: для мамы этот поход – что-то очень важное. Это как какой-то обряд всех обрядов.

Она здорово похудела, побледнела. Теперь она не показывается на улице без черных очков и платка. Она так делает специально, чтобы никто не увидел ее лицо. Бледное и уставшее.

Еще несколько домов – и мы вышли к огромному белому зданию. Оно стоит в стороне от остальных. Огорожено металлической изгородью. Высокий шпиль с сияющей круглой макушкой. Четыре поменьше вокруг главного. Огромные металлические двери. Картинка с человеком с ярко-желтыми крыльями.

Что-то поманило мой взгляд наверх. Я снова поднял глаза и замер. Солнечный свет упал на огромный шар на башне. Упал и заставил его сиять. Ярко-оранжевый цвет! Прямо как мой Мячик! Тогда я понял: моя мечта вот-вот сбудется! Я увижу Хозяина Оранжевого Мячика! Может, нам удастся познакомиться. И он сможет сделать так, чтобы мама снова стала радостной!

Пока я смотрел наверх, мама с нянечкой остановились перед дверью. Они молча склонили головы и несколько раз коснулись пальцами плеч, груди и лба. Потом нянечка сделала то же самое со мной. Наверное, это один из ее обрядов. Мне кажется, что она боится Хозяина Оранжевого Мячика. Старается задобрить его, прежде чем вступить в его владения. Но зачем? Хозяин Оранжевого Мячика совсем не злой! Он – добрый. Он любит играть со своим Мячиком. А еще он очень одинокий. Он радуется, когда кто-то приходит к нему поиграть.

Татьяна Валерьевна

Так и чувствовала, что не надо Костю с собой брать! Кто так себя ведет в храме Божьем? Тут молиться надо, о помощи просить. Тут тихо должно быть.

А он? К распятию бросился и давай кричать что-то. Игрушку нашел себе новую, вот и радуется. Разве можно в храме Божьем кричать так? Тут молчать надо. Молить о благодати высшей, каяться надо! На себя грех взял да и нас в грех ввел. Уж еле успокоили его. Вон, даже Григорий с Никоном на помощь прибежали! Оттащили, слава богу, от распятия. Успокоили. Кто же ведет себя так в храме Божьем! Да что взять-то с него. Юродивый, прости его, Господи!

Мама

Костик что-то почувствовал. Я уверена в этом. Почему-то он подошел именно к распятию. Он заговорил с Иисусом. Я готова поклясться, он чувствует, что в наш дом пришла беда. Он хочет помочь. Он. Он знает, как это сделать!

Вот и сейчас он стоит перед распятием и говорит с Христом! Он делает то, что не дано никому из присутствующих. Татьяна Валерьевна хорошая женщина, но она не понимает, что на ее глазах произошло чудо. Точно так же, как не понимают эти церковники! Они помешали Косте. Они не дали ему поговорить с Богом! А я. Я просто стояла в стороне и не знала, что мне делать.

Костик

Мы вошли вовнутрь. Там никого не было. Там было, как вечером. Очень много свечек. Со всех сторон: с потолка, стен, колонн на нас смотрели тети и дяди. Кто с жалостью, кто с любовью, кто с упреком, кто с осуждением. Но не было ни одного безразличного лица. Каждый готов был выслушать нас и помочь.

– Моей маме очень плохо. Помогите нам. Мама хорошая. Она любит меня. А еще она любит папу и Сережу. Если ее не станет, кто будет любить нас всех? – обратился я к длинноволосому мужчине, который почему-то висел на кресте.

Не знаю почему, но мне показалось, что он – самый главный. Если не считать Хозяина Оранжевого Мячика.

– Помоги нам, пожалуйста!

Мне показалось, что мужчина посмотрел на меня, потом на маму. Мне показалось, что он улыбнулся.

– Ты меня слышишь?

Он чуть заметно кивнул головой.

– Ты сделаешь это? – снова обратился я к нему.

Но в этот момент нянечка схватила меня за руку и оттащила прочь.

– Костя, разве можно так шуметь в Божьем доме? – укоризненно покачала она головой.

– Я не шумлю! Правда! Я разговариваю с ним, – кивком указал я на мужчину на кресте. – Он понимает меня!

– Такой большой мальчик, а так плохо ведешь себя. Здесь не место для игр. Здесь нельзя шуметь.

– Я не хочу играть! Я хочу попросить его помочь нам с мамой. Пустите меня! – попытался я вырваться.

– Константин, прекрати! – прошипела она мне.

В этот момент ко мне подошел дядька в черном халате. Он взял меня за руку и отвел к двери.

Послушник

Вот уж не думал, что такое увижу. В церковь дауна привели. Вот дубина-то, ха-ха! Кричать начал, шуметь! Тут люди молятся, а он шум разводит.

К распятию побежал. Тоже мне игрушку нашел себе! Ну мы с Григорием, понятное дело, оттащили его, успокоили. Баба Таня тоже нашипела ему на ухо чего-то там. Угомонился он, в общем. Но вообще, грех это – в храме Божьем шум поднимать. Хотя ему-то что с того? В рай все равно не попасть. Нет места там юродивым. Мамка с папкой, видать, тоже нагрешили порядком, раз наказал их Бог. Только я чуть расслабился, так он чуть не вырвался. Ну куда тебя несет? Привели тебя в дом Божий, так хоть не шуми, раз не понимаешь. Одно слово – даун, прости его, Господи!

Костик

Все, что происходило дальше, было, как обычный обряд. Нянечка тыкала себя пальцами и кланялась. Мама делала то же самое. Они что-то шептали. В конце они по очереди подошли к картине тети за стеклом. По очереди поцеловали ее. По очереди поклонились. Потом снова начали тыкать себя пальцами. В конце нянечка упала на колени и ударилась лбом об пол. Потом начала кланяться так, что я испугался: вдруг у нее отвалится голова. Мама же просто поцеловала картину и отошла назад. Наверное, она тоже поняла, что это лишь обряд.

Я захотел еще раз поговорить с тем мужчиной. Ведь он услышал меня! Он все понял! Еще чуть-чуть – и он бы сделал то, о чем я его просил. Правда!

Я огляделся по сторонам. Я искал его глазами. Я попытался вырваться от этих дядек в черном. Увы! Они меня не пустили. Наоборот, отвели куда-то в самую глубь. Они спрятали от меня того доброго бородатого дядю. Но почему? Что плохого в том, что я хочу помочь маме?

– Помоги нам с мамой, пожалуйста! – выкрикнул я, когда мы выходили из белого здания.

– Вот и славно! Теперь, дай бог, все поправится. В церковь ходить почаще надо. Молить у Бога здоровья и сил. А еще верить надо. Вера – она от любых хворей лучшее лекарство.

– Он услышал меня, он хотел помочь, но вы все испортили!

– Завтра снова пойдем, только сыну вашему дома остаться лучше. Не умеет он себя вести в храме Божьем! – почему-то рассердилась нянечка.

Мне вдруг стало ее жать. Она добрая. Правда! Но она ничего не понимает! Ничего.

В ответ мама промолчала. Наверное, она тоже все поняла.

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда пора придет.

Сегодня мой день рождения. Мне уже девятнадцать лет. Сегодня я стану совсем взрослым. Как Сережа. Это значит, мне будет не обязательно ложиться спать в десять. Теперь я смогу допоздна смотреть по телевизору свои любимые мультики. Это значит, что и у меня появится Оля. Как и у Сережи. Она будет проводить со мной много-много времени. Водить в театры, играть в бадминтон, ездить в удивительные места. Такие, как Парк птиц! Я хочу попасть туда еще раз! Правда. Там так здорово! А сдам сессию, и у меня будут каникулы! А еще я пойду на работу. Правда! Я уже взрослый! Так долго я ждал этого!

Я знаю этот секрет. Стоит только как следует загадать желание. И задуть все свечки на торте. Все до одной. Тогда желание обязательно сбудется! Обязательно! Потому что иначе нельзя. Я стараюсь каждый свой день рождения. Точно так же, как и на Новый год! Дую изо всех сил. Я всегда задуваю все свечки. Все до единой. Но мое желание почему-то не сбывается. Но почему? Что еще я должен сделать, чтобы оно сбылось? Или я прошу у свечек слишком много? Сегодня я буду стараться еще больше. Я хочу, чтобы мое желание сбылось!

Каждый раз я загадываю одно и то же. Каждый раз я прошу, чтобы окружающие начали меня понимать. Не только мама и Оля. Нет! И папа, и Сережа. И все, кто на улице.

Я вижу их всех. Вижу, что каждый несчастлив. Им всем чего-то надо. Они думают, что им чего-то не хватает. Но это не так! Совсем!

Мой папа хочет дом в Краснодаре. Такой же, как у Фирсова. Но зачем? Папе не нужен дом! Совсем. Папе нужно показать всем, что он не хуже Фирсова. Ни капельки! Если бы он мог меня понимать! Я бы объяснил ему, что он – лучший папа в мире. Я бы никогда не променял его на Фирсова. Правда! Потому что мне не нужен дом. Мне нужен настоящий папа! Но папа не знает этого. Он не понимает меня.

Сережа тоже. Он мечтает о спортивной машине. Быстрой, как ракета! И обязательно красной. Как на той картинке в его комнате. Он думает, что так он будет еще больше нравиться Оле. Но разве Оле важно, есть ли у него такая красная машина? Мне кажется – нет. Она же и так проводила с Сережей много времени. И ей не было важно, есть ли у него машина или нет. Правда! Неужели он не понимает этого? Так же как и люди на улице? Но почему?

Наверное, у каждого есть такое заветное желание. Только почему-то не каждый хочет, чтобы оно исполнилось. Наверное, всем больше нравится хотеть чего-то. Но мало кому нравится, когда желания исполняются. Почему? Неужели так сложно потом загадать что-то другое?

Мама на свой день рождения всегда готовит торт со свечками. Она всегда задувает свечи. Тоже хочет, чтобы ее желание сбылось! Она хочет того же, что и я. Я знаю! Я чувствую это!

А вот папа и Сережа никогда не задувают свечки на торте. Они даже не справляют свои дни рождения с нами! В этот день они приходят домой очень поздно. Они распаковывают свои подарки, съедают салат и идут спать. Мне интересно: почему так? Неужели у них нет заветной мечты? А дом? А машина?

Я долго разгадывал эту тайну. Очень. И я разгадал ее. Правда! Просто им страшно. Они боятся, что не смогут придумать себе новое заветное желание. Папа покажет, что он не хуже Фирсова. Но тогда что он будет загадывать на следующий день рождения? Сережа получит машину и будет нравиться Оле. Тогда ему придется придумывать новое желание. Наверное, папа и Сережа знают про это. Поэтому они не любят этот день.

А я люблю свой день рождения! И я не боюсь, что мое желание исполнится. Ни капельки. Я всегда придумаю себе новое! А еще я люблю подарки. В этот день все дарят подарки. Даже папа с Сережей. И мы все играем в настольный хоккей. В этот день мы все радуемся. Нет, не потому, что всем радостно за меня. Все любят играть в хоккей. Всем нравится эта игра. Очень-очень. Но играем мы в нее только в мой день рождения. Иногда – в мамин.

А еще в этот день мама всегда готовит торт. Самый вкусный из тех, что я пробовал. Наполеон! Мы делаем его с мамой вместе. Мама готовит коржи, а я слежу, чтобы они не подгорели. Мама взбивает крем, а я доедаю остатки. Нам так нравится готовить! Но сегодня все не так. Сегодня мама купила торт в магазине. Такой огромный и красивый. Обычно я радуюсь, когда вижу торт. Но сегодня – нет.

Я вижу, что маме сегодня не радостно. Ни капельки. Нет, она улыбается. Она треплет меня по голове. Она готовит свечи. Но ей тяжело. Очень. Она то и дело садится в кресло. Она пьет какие-то таблетки. А с самого утра она снова ушла в больницу. К тому самому бородатому дядьке. Ушла рано утром. Поцеловала меня в голову, улыбнулась и ушла.

Вернулась в обед. Уставшая и несчастная. Вернулась и долго лежала в кровати. Бледная и постаревшая.

Татьяна Валерьевна

Боже мой, как тяжко смотреть на Юлию Дмитриевну! Лечиться бы ей, а она с дитем своим возится. День и ночь. А он и рад. Видит, что Юлия Дмитриевна ради него хоть в огонь, вот он жилы из нее и тянет. Ей бы отдыхать сегодня! Вижу ведь, тяжко.

Бледная она, как никогда. Да вот нет, решила Константину праздник устроить. В центр развлекательный сводить.

Куда ему в центр-то? Он себя в церкви, храме Божьем, вести не умеет! Дома ему бы сидеть. А лучше в интернате. Среди таких же, как и он.

Так и сяк уговаривала ее дома остаться. Ну что он, дома не отметит день рождения свой? Ну какая ему, дауну, разница, где свечи в торте задувать? Господи, да как ей объяснить-то, что он и не поймет никогда, на что она ради него пошла! Будь я мамкой его, я бы враз его научила других уважать! Своих-то, вон, слава богу, вышколила. Уж раза три на неделе позвонят, как самочувствие, спросят. Знают: ежели чего, уши враз надеру. Как в детстве. Я своих не баловала. И муж покойничек, царство ему небесное, тоже не церемонился. Чуть что – так за ремень сразу брался.

Вот и теперь, если что не так, за уши живо оттаскаю! Не посмотрю, что по двое детей у каждого! А этот? Ну что за человек? Ей-богу, отказаться бы Юлии Дмитриевне от него. Грех, конечно, но что поделать? Все, что ни делается, к лучшему. Господь-то он тоже все видит. Понимает все. И ее поймет. Откажись, увидишь, жизнь-то как переменится!

Костик

Мама увядает. Я много-много раз видел такое. В парке: на клумбах и на деревьях. Осенью. Тогда деревья начинают сбрасывать листья. Все, кроме елок. Цветы желтеют и сохнут. Все увядает, как мама. Но весной снова все оживает: цветы, деревья, трава. Снова зеленеет.

Наверное, маме скоро станет лучше. Как только растает снег. Но так долго ждать этого. Так долго! Ведь сейчас осень! Деревья только-только начали сбрасывать свои листья. Хотя зачем они это делают? Я не понимаю. Что плохого в том, чтобы деревья были зелеными весь год? Как елки. Было бы так здорово!

Папа когда-то рассказывал, что деревья не могут не сбрасывать листьев. Иначе зимой на них налипнет снег. Веткам станет тяжело, и они начнут ломаться. Но почему тогда не ломаются елки, папа? Но папа ничего не ответил. Он не знал. Тогда я понял: деревья тоже подчиняются своим обрядам. Так же, как и люди.

Кому понравится стоять на морозе без одежды? Это же очень холодно! И так можно заболеть. Однажды я вышел на балкон зимой. Я хотел потрогать снегиря. Он сидел на бельевой веревке. Он не шевелился. Мне было так интересно узнать, что с ним.

Я был в футболке и штанах. Вышел на балкон, а дверь захлопнулась. Сама собой. Тогда я жутко замерз! Хорошо, что мама увидела, что я пропал. Она открыла балкон и спасла меня. Она тут же устроила мне горячую ванну. Потом закутала в одеяло и поила чаем с вареньем. Мне стало тепло. Но кто отогревает деревья? Почему они не замерзают?

Я люблю гулять в парке. Особенно когда деревья в листьях. Особенно когда ветерок. Тогда они разговаривают! Точно так же, как и мы. Маленькие деревца смеются. Точь-в-точь как мама. Они всегда веселые. Всегда радостные. Когда бы я ни пришел в парк, они всегда чему-то рады.

Другие недовольно ворчат. Они такие же огромные, как папа. Выше всех остальных деревьев. Наверное, они тоже знают этих Фирсовых и Сергеевых. Наверное, они тоже всегда ими недовольны. Но почему большие никогда не могут думать о чем-то другом? Не о работе?

Елки просто раскачиваются из стороны в сторону. Они не участвуют в разговорах старших. Как Сережа. Стоят себе в сторонке. Они просто наблюдают за остальными. Иногда о чем-то перешептываются между собой. Тихо-тихо, чтобы никто не мог их услышать. Наверное, у них есть какая-то тайна. Какой-то секрет, раскрывать который им нельзя никому. Но почему? Неужели окружающие хотят им чего-то плохого?

А вот кусты. Они маленькие, но шумные. Они тоже хотят поговорить со старшими. Очень. Как я. Но те их не замечают. Совсем. Я хожу по парку и кричу деревьям:

– Эй, вы! Почему не разговариваете с маленькими? Им одиноко без вас! Они тоже хотят, чтобы с ними разговаривали! – Мне кажется, я смог бы уговорить большие деревья. Правда. Но они почему-то слишком заняты своими разговорами. Они не хотят говорить ни о чем другом. Почему они такие упрямые?

А зимой в парке тихо. Деревья стоят без листьев. Они только постанывают. Чуть слышно. Наверное, жалуются друг другу. Рассказывают, как им сейчас холодно и плохо. Но зачем тогда сбрасывать листья? Я знаю: им кажется, что виноваты во всем Фирсов, Сергеев и мистер-дристер. Но виноваты только они сами. В том, что сбросили листья. Я хочу им это объяснить. Очень хочу, но у меня ничего не выходит. Они не понимают меня. Так же как и все остальные. Они не хотят меня понимать.

Мама

Обычно в день рождения Костика мы собираемся всей семьей. Вернее, я собираю. Борис с Сережей вечно заняты. Им вечно не хватает времени на Костика. Они даже не помнят про этот день. Как будто Костика и нет на свете. Поэтому все у нас происходит «как обычно».

Как обычно, за неделю до дня рождения я напоминаю им обоим про то, что им надо быть дома. Как обычно, у обоих сразу же находятся очень важные дела. Как обычно, они начинают доказывать, что оба ужасно заняты. Мне, как обычно, приходилось шипеть на них обоих:

– Да разве можно так относиться к родному сыну? К брату родному! Почему вы оба такие сухари? Трех часов жаль? Да что вам вообще дорого в этой жизни?

Как обычно, такая взбучка действует. Они приходят вовремя. Даже с подарками: мячики там, игрушки всякие, прочая мишура. Кислые, конечно. Всем видом показывают, что им и без этого было чем заняться. Чем? С дружками мотаться по кафешкам? Пялиться в телевизор?

Потом, конечно, оживали. Костик приносил свой любимый хоккей, и мы устраивали семейный турнир. Сергей с Борисом оживали. Все было хорошо. Впрочем, как обычно.

Но на этот раз я решила: все будет иначе. Я не хочу силком тянуть ни мужа, ни сына. Раз они считают, что это им не надо, так тому и быть. Мы и втроем неплохо проведем время. Только я, Оля и Костик. В этот раз на праздник попадут только те, кто этого действительно хочет.

Костик всегда был не таким, как все. Нет, не в том дело, что он отставал. Он чувствовал все намного тоньше. В четыре годика я обратила внимание, что он очень любит слушать музыку. А еще танцевать. Но не так, как дети его возраста – прыгать и кувыркаться. Нет. Сначала он начинал в такт хлопать ладошами, затем приседать, затем прыгать. Не знаю как, но он ухитрялся выдерживать такт!

Решено. Тогда мы с Костиком отправились в музыкальную школу. Все дети в нашей группе оказались старше минимум на год, и Костик как-то затерялся среди ребят. Хоть и группа небольшая, а все равно ему тяжело оказалось. Зато когда все ребята разошлись, он перестал стесняться. Бегать начал, прыгать, изображать танец.

А еще его привело в полный восторг пианино! Когда его посадили за инструмент, он вмиг угомонился и начал бренчать клавишами. Шум поднял тогда, помню, жуткий. Мы с преподавателем решили не отвлекать его и ушли в другую комнату. Разговорились о том о сем. Даже и забыли как-то про Костика. Опомнились, когда шум прекратился. Побежали, понятное дело, назад в зал. Костик сидел за пианино. Точь-в-точь таким, как мы его оставили. Вот только он уже не просто жал на все клавиши подряд. Он играл! Он действительно играл! Пусть простейшая мелодия, пусть то и дело прерывалась, но это была настоящая музыка.

Понятное дело, преподаватель тут же «посмотрела» сына. Выяснилось, что рука у Костика для фортепиано подходящая – ладошка достаточно широкая, уже сейчас может взять интервал из пяти клавиш. Да и наклонности все к музицированию налицо. С тех пор как он родился, это был самый счастливый день в моей жизни! Я уже представляла, что Костик чуть ли не великий композитор. Бах, Бетховен. Глупости, конечно, но тогда так хотелось, чтобы он все-таки нашел себе место в этой жизни.

А вот Борис ничуть не обрадовался этому известию. Скорее, наоборот. Ему показалось, что я слишком много возлагаю надежд на дауна. Да-да, именно так он и сказал. На дауна. И вообще, следует хорошенько взвесить все «за» и «против», прежде чем покупать какие-то серьезные вещи.

– Фортепиано для нас, дорогая, непозволительная роскошь. Но, если хочешь, я, конечно, ничего не буду иметь против.

Лучше бы он тогда просто сказал «Нет!». А то: «Но если хочешь. Я бы, конечно, не против. Думай сама». Я все смогла простить ему: что было «до», что было «после». Но это – нет.

Кончилось все тем, что Костику купили ксилофон. Самый простой, который только нашли (пойми, дорогая, мы не в той ситуации, чтобы сорить деньгами налево-направо).

Как же радовался Костик этому подарку! Он был готов часами высиживать со своей игрушкой! Он играл. Он действительно играл на ксилофоне! Потом, к неописуемой радости мужа, ему это надоело. Конечно! Кому понравится играть на семи нотах? Но Борису было все равно. Он изначально был настроен против Костика.

Не знаю, почему я вспомнила этот случай. Почему именно сегодня? Обида накатилась с новой силой. За себя, за Костика, за нас обоих!

Да что я вас тянуть буду! Делайте, что хотите! Смотрите свои любимые новости и что там еще по телику крутят. А еще я решила, что мы ни за что не будем встречать день рождения Константина дома. Мы устроим ему настоящий день рождения! В развлекательном центре. Вот это будет праздник! Настоящий.

Сережа

Не люблю осень. Сыро, слякотно. Все какое-то сплющенное в дым. А тут еще и днюха у брата. Это значит извольте с кислыми минами сидеть дома и смотреть, как он задувает на торте свечки. Желание типа загадал. Ну-ну. Мы еще и желания загадывать умеем. Опять же подарки искать ему надо. С этим, конечно, проблем нет. Ему что ни подари – всему радуется. Но все равно зря время тратить – ломает. Что я себе занятие не найду?

Обычно мать нам с отцом напоминает про этот день: мол, не забудьте, дома будьте вовремя. Забудешь тут. Конечно. Я бы и рад, да кое-кто не даст.

В этот раз, смотрю, молчит. В общем-то, и правильно. Ей бы лечиться. Отец говорил, она инфекцию какую-то подхватила. Вирус там или что-то типа этого. Действительно, выглядит неважно. Лечилась бы, а не с Костяном возилась. Даже нянечку наняли. Она бы с ним и занималась, день рождения с ним бы и справила. В конце концов, мы ей за это платим.

Костик

Мама сегодня такая красивая! Она надела свое яркое платье и блестящие босоножки. Накрасилась. Ей снова стало хорошо! Как раньше. А еще она одела свои бусы. Те самые, из прозрачных стеклышек! Я очень люблю эти бусы. Они такие красивые! А еще они сверкают. Мама с ними такая красивая!

Сегодня у меня будет необычный день рождения! Не такой, как всегда.

Обычно мы встречали его дома: я, папа и мама. Мы ели салаты, смотрели телевизор и играли в хоккей. Так было всегда. Но сегодня все будет иначе. Мы будем встречать мой день рождения не дома. Мы идем в какое-то огромное сверкающее здание. Оно светится всеми цветами. Оно мигает. Оно зовет. Мама ведет меня за руку, и мы идем в это здание. Мне так интересно: что же там внутри? Может, это волшебный замок джинна? Того, который умеет исполнять все желания? Или волшебный дворец? Я хочу поскорее узнать, что же там такое внутри.

Мы заходим в стеклянный зал. Он весь из стекла! Даже пол! Я вижу, что происходит внутри под ним. Но как же так? Стекло тонкое, и по нему нельзя ходить. Иначе оно не выдержит. Я пытаюсь разгадать эту загадку. Смотрю на то, что происходит там, внизу. Для меня это тоже чудо. Какие-то люди кидают мячи. Они сбивают кегли. Как в городках! Только почему-то мячики летят не по воздуху. Они катятся по оранжевым дорожкам.

Но всем не интересно, почему мячики катятся. Совсем. Они просто кидают их в кегли. Просто радуются. Я тоже хочу радоваться! Я хочу вниз к этим людям. Пусть они возьмут меня в свою игру!

– С днем рождения, Костик! – встречает нас Оля.

Она пришла ко мне! Ура! У меня будет настоящий день рождения. С гостями! С подарками!

Оля дарит мне большую коробку.

– Ну что же ты, Костик, неужели не посмотришь что там внутри? – улыбается она мне.

Я распаковываю свой подарок. Там – спортивная машина. Красная и быстрая. Как ракета! Но это же мечта Сережи! Это он мечтает о такой. Правда. Он хочет нравиться Оле. Но она дарит такую машину мне. Оле больше нравлюсь я? Впрочем, долго я об этом не думаю. Впереди нас ждет масса приключений.

Мы с мамой сдали куртки и пошли вниз. Туда, где так здорово играли эти люди. Мама подошла к какому-то дяде. Нас тут же провели к точно такой же дорожке с мячами. Только сначала заставили переобуться. Нам дали по паре кед. А взамен забрали наши туфли. Но я не хочу отдавать свои! Мне их подарила мама! Почему я должен отдавать их этому незнакомому дяде? Я посмотрел на маму с Олей. Они уже отдали свои туфли. Они обе стояли в красных кедах. Я понял: здесь так положено. Это обряд волшебного замка, который должны исполнять все, кто пришел сюда.

Никогда еще мне не было так весело! Здесь так много интересных штуковин! Сначала мы кидали шары в кегли. Это было так здорово! А еще просто! Достаточно лишь бросить шарик по центру. Он сам докатится до кеглей и собьет их. Правда, сначала у меня получалось плохо. Совсем. Потом я научился. У меня запросто получалось сбивать все до одной кегли. Мы долго-долго кидали шары, и я все время выигрывал. Но мама с Олей не расстраивались. Ничуть. Наоборот, они радовалась за меня.

Потом, когда нам надоело, мы пошли играть в хоккей. Не в такой, как у нас дома. Нет. Наш – маленький. У нашего – много-много фигурок. Ими надо управлять, чтобы забить шайбу в ворота. А этот большой. И игроков в нем нет совсем. Только две пластмассовые штучки, которыми отбивают шайбу. Но все равно играть в него оказалось так здорово!

Потом мы по очереди управляли машинками. Точь-в-точь как это делает Сережа на компьютере. Только он жмет на клавиши. Это не интересно. Я пробовал. А здесь мы сидели за настоящими рулями! Прямо как папа в машине!

Мы здорово провели этот вечер. Жаль, что Сережа с папой не пришли. Им было бы хорошо с нами! Правда. Им бы понравилось. Особенно хоккей. Ведь мы так здорово играем в хоккей дома!

Мама

Честное слово, хотелось расплакаться, когда я видела Костика таким счастливым. Ну почему я не водила его сюда раньше? Даже и не думала об этом. Наверное, потому, что боялась. Боялась косых взглядов. Боялась ухмылок в лицо и в спину. Вон как этот бугай за столиком сзади. Ему этого не понять. Для него мы – диковина. И ведь не объяснишь ему, что никто не виноват. Что такое может приключиться с каждым. Даже с ним. Он просто пьян. Пялится на нас. На Костика, потому что он – даун. На меня и Олю. В другой раз я бы смутилась. Но сегодня твердо решила устроить настоящий праздник своему сыну. Во что бы то ни стало!

Я даже и не думала, что такие простые вещи могут так обрадовать. Не представляла даже. Я считала, что хороший отдых – это, как минимум, поход в театр. Обязательно в Ленком. А это: шары, хоккей, дартс – так, баловство. Как же я ошибалась! И нас ничуть не смущает, что мы без папы и Сережи. Ну и что? Зато нам так весело! Мы радуемся. А что нам еще надо в этот день? В день рождения Костика?

Оля

Когда Юлия Дмитриевна пригласила меня на день рождении Костика, я с радостью приняла приглашение. Даже раздумывать не стала. Когда приглашают хорошо провести время, какой смысл отказывать? Тем более если это близкие мне люди. Странно, мы встречаемся с Сережей вот уже полгода. Но я вижу, что он от меня все дальше и дальше. Когда он только начинал ухаживать, он был другим. Более живым, что ли. Он приглашал меня в театры. На мюзиклы в основном, правда, но все-таки. Он проводил со мной много времени. Но хватило его ох как ненадолго. Потом он, наверное, решил: все, романтики достаточно! Теперь его уже не оторвать от компьютера. Променять он его может только на дискотеку. Или на ресторан. Он с неохотой выезжает за город. Все, что за Внуково, для него деревня. Я чувствую, что он мне чужой. Совсем. Мне гораздо ближе Костик и Юлия Дмитриевна. Они добрые. А еще не воображают о себе невесть что.

Сначала мне было странно, почему это Юлия Дмитриевна просила специально не звать Сергея. Но теперь, когда мы так здорово играем, я поняла. Мы играем, чтобы получить удовольствие. Сережа играет, чтобы выиграть. Самое большая для него радость – показать, что он лучше других. Это печально. Лучше всех не будешь. Особенно если ты – не лучший.

Папа

На работе опять что-то неладно. Я пока не могу понять – что именно. С виду вроде все так тихо и спокойно. Но я-то знаю: это не к добру. Отсутствие неприятностей – уже повод беспокоиться. Особенно в нашем офисе. Вон и Сергеев ходит, светится как самовар. Ох! Не к добру это все!

Так я думал неделю назад. Я оказался прав. Не подвела интуиция, мать ее! Сергеев-то даром времени не теряет. Кляузы пишет, доносы, докладные. Летом про Сергея телегу зарядил. Теперь вот про Юлю. Жена, мол, директора по развитию в компании работает неофициально, за вашей спиной, мистер Люмер. На очень ответственной должности. Сопровождает все юридические вопросы и все такое. Козел!

Сегодня этот мистер-дристер звонил. Битый час читал мне нотации. Воспитатель, мать его! Ты лучше за Фирсовым приглядывай, козлом этим вонючим. Один за другим больничные берет. А работать когда?

Я, между прочим, Юлю к нам не от хорошей жизни подключил! Сейчас пойди поищи юриста квалифицированного! Сколько он за работу запросит в месяц? Это с учетом того, что в основное время договоры согласовывать будет! Нет, ну и мне, конечно, польза. Авторитет на предприятии. Премии опять же. Плохо разве? Кому она мешает? Тем более что этот козел Фирсов снова на две недели выпал. А он у нас, между прочим, директор по общим вопросам. И юридическим тоже. А работу делать кому? Мне, что ли? Вот у меня других дел нет. Сергееву? Да я ему бумажки перекладывать не доверю, не то чтобы вопросы решать! Один хрен – напартачит, а потом расхлебывай. У меня же голова болеть и будет. Вместо того чтобы кляузы рисовать, лучше бы

юриста приличного поискал. Но нет! Мы, видишь ли, стратеги. Нас, видишь ли, от высоких материй отвлекать нельзя. Процесс трудовой прерывать, видишь ли, не положено.

А кляузы писать время есть? От материй высоких это не отвлекает? Я-то видел письмо это. Люмер прислал. Со своей визой: «Юрист должен работать официально! Для родственников мест в нашей компании нет». Да хер тебе, мистер-дристер! Квоту дай лучше! Люди нужны, люди, понимаешь ты, башка дурья!

Так и сказал ему. Нет, не сказал, прокричал почти. Ну без тыканий, конечно. Без мата. Объяснил, короче, что он не прав. Но письмо то – залюбуешься. Видно, не один драгоценный час своего рабочего времени потратил этот недоносок на его составление. Постарался. Да за что мне все это?

Пришлось потом еще на час на работе задержаться. Пока в себя не приду. Опасное это дело в таком состоянии за руль садиться. Хорошо хоть дома есть кому выслушать. Но как же я ненавижу всех этих ублюдков!

Домой приехал – никого нет. Ни Юли, ни сына младшего. Только записка: «Празднуем день рождения Костика. Не жди, вернемся поздно. Ужин в холодильнике. Постарайся как следует выспаться. Юля».

Это еще что за фокусы! Лечиться тебе надо, а ты с сыном-дауном по кабакам таскаться решила! День рождения, видите ли, справляют они! Тут в узел сворачиваешься, чтобы жена одеться могла прилично, сын – образование получить. Опять же сына младшего содержать на что-то надо. А тебе хоть бы «спасибо» в ответ! Дождешься тут, как же! Мы, видите ли, день рождения справляем. Нам не до вас. И это после всего, что я сделал? Вот, значит, как?

Никогда я еще не был так зол. Никогда! Сначала на работе катком по мне прошлись, теперь вот дома сюрприз устроили. А я ведь так на Юлю рассчитывал! Она должна была выслушать меня. Помочь должна была! А вместо этого развлекушки себе на ночь глядя устроить решила! Да что она себе позволяет?

Первое, что хотел сделать, это позвонить и высказать все, что думаю о ней и ее поступке. Она должна быть дома, когда я прихожу с работы! Иначе я не могу. Иначе утром приду в офис в поганом настроении! Мне надо, чтобы кто-то поддержал меня. Мне надо выговориться. Мне надо, чтобы кто-то был рядом, когда мне тяжело. Неужели это так трудно!

Короче, не стал звонить. Сорвался на мобильнике – швырнул его об стену. Полегчало. Немного, но злоба не ушла – притаилась. Стоило только чуть отдышаться, как она снова вылезла. Зараза!

Я злился все дольше и больше. На Фирсова, на Сергеева, на Люмера, на сына-дауна, на жену. Но больше всего я злился на то, что остался один. Даже когда Юля уезжала, все-таки оставался Костя. Тогда было кому меня выслушать. А сейчас – нет. И от этого я взбесился еще больше.

А потом я просто заснул. И приснились мне все мои офисные бараны. Ненавижу!

Сережа

Это что за новости? Домой пришел, а там отец. Злой как черт. Не подходи, взорвется. Еще никогда его таким не видел. Мобильником, смотрю, даже об стенку приложился. От души. Новый совсем. Мать, если отец на взводе с работы приходит, всегда успокаивает его. Типа там выговорится дает и что там еще нужно. А сегодня нет ее – Костяну праздник устроить решила. И Ольку пригласила, похоже. Иначе почему она со мной в ресторан не пошла? Тоже мне, бойфренда отыскала. Дауна! А у меня тут проблем куча. На работе, в универе. Мне так помощь нужна твоя была. Я так на тебя рассчитывал, а ты!

Домой не хотелось идти совсем. Настроение – швах, девушка помочь отказалась, а тут еще и день рождения у брата. Сидеть на кухне и изображать веселье. Радоваться, когда он свечки задувает. Убожество. И так каждый год. Одно и то же.

В общем, только к полуночи домой вернулся. Думал: Костян уже спать будет. И мороки тебе никакой, подарок на стол положил и гуляй. А тут оказывается мать его куда-то повела. Праздник решила устроить. Куда на ночь-то глядя?

Думал, матери позвонить, рассказать, что тут происходит. Чтобы пришла отца успокоить. Уже набрал номер, но сам и прервал его. Блин, как-то по-дурацки получается. Еще и Костяна поздравлять сейчас придется, маманя-то трубку ему по-любому даст, типа тебя сейчас Сережа будет поздравлять с днем рождения. А что я ему скажу? И так настроения никакого, а тут еще и это.

В комнату свою, короче, пришел, включил комп, наушники и кваку – отстреливать уродов. Хоть как-то успокоиться надо бы.

Мама

Было поздно, но спать не хотелось. Слишком хорошо нам было в этот вечер. Жаль только, голова кружиться начала под конец, но я уже привыкла. Точно так же как носить с собой в сумочке целый ворох таблеток и прочей ерунды. За весь вечер мне ни разу не позвонили. Ни Борис, ни Сережа. Значит, помнят. Значит, попрятались. Хоть что-то человеческое осталось в них.

Я уже и не помню, когда отдыхала так по-настоящему. Без этого вечного нытья про то, как тяжело на работе. Без этих «привет, мам, что у нас на ужин?». Ну почему так сложно найти время, чтобы просто по-человечески пообщаться. Поговорить, в конце концов. Но не о работе, а просто так.

Я долго пыталась понять: что же до сих пор держит меня рядом с ними? Что? Ведь любви уже нет. Зарабатывать на жизнь я могу и сама. Не зря ведь до сих пор Бориса консультирую по всем вопросам юридическим. Даже юриста нанимать не стал. Не получилось – к маме улетела бы. Уж там прожили бы как-нибудь втроем. Так что же?

Удивилась, когда поняла. Ответ такой простой и такой сложный одновременно. Но разве так бывает? Я поняла: хотела, чтобы у Костика был отец. Как и у всех ребят вокруг.

Со стороны покажется странным: Борис не любит младшего сына. Он его так и не признал. Не смог смириться с мыслью, что его сын – даун. Даже дома он старается не замечать его. А Костик Борису все равно рад. Всегда. Как щенок, которого пнули, а потом дали кусочек мяса. И все – обида забыта. Любая. А потом еще что-нибудь. И еще. Казалось бы, уже давно пора начать его бояться. Но нет. Борис – папа, а папу надо любить. Вот тебе и весь рассказ. Почему так?

Я и не заметила совсем, как время к часу ночи подошло. Обычно к этому времени Костик ходит сонный. Устает и начинает капризничать, как ребенок. Но сегодня нет. Сегодня он бегает и радуется. Наверное, это лучший день рождения в его жизни. А вот я устала. Очень. Пора доставать тортик и задувать свечи. Пора возвращаться домой. И принимать лекарства. Завтра опять на процедуры. Опять и опять. Боже мой, ну когда же это все закончится?

Костик знает, что надо загадывать желание. Он знает, что надо задувать свечки. Интересно, о чем он думает? Какие желания загадывает?

Костик

Это был лучший день из всех, что я помню. Правда! Еще никогда я не проводил за играми столько времени! Никогда! Даже мама повеселела. В последнее время она совсем грустная. И уставшая. Но не сегодня. Сегодня она веселая. Ей понравилось играться со мной и с Олей.

Но сейчас мама устала. Я вижу это. Уже много времени, и мама хочет спать. Я ужасно не хочу уходить. А еще я хочу задуть свечки на тортике. Без них день рождения не настоящий. Совсем. Я не хочу ненастоящий день рождения! Но еще больше я не хочу видеть маму такой.

Мама куда-то отошла. Наверное, пошла за нашими куртками. Сейчас она вернется, и мы отправимся домой. Но мы обязательно придем сюда еще. Обязательно. Все вместе: папа, Сережа, я, Оля и мама. Мы замечательно проведем время. Здесь здорово. Очень. И очень весело!

Я и не заметил, как подошла мама. Она ходила за тортиком! Она подошла ко мне сзади. Так, чтобы я не заметил. И позвала меня.

– Пришла пора задувать свечи. Костик готов? Он уже знает, какое желание будет загадывать?

Конечно, я знаю! Я всегда загадываю это желание. Одно и то же. Снова и снова. Я всегда задуваю все свечки. Я стараюсь. Очень. Ведь я так хочу, чтобы мое желание исполнилось!

Я хочу, чтобы меня понимали. Очень. Но еще больше я хочу, чтобы маме снова стало хорошо! Чтобы она снова начала улыбаться. Чтобы она снова стала веселой! Как сегодня, но только навсегда! Почему нельзя загадать сразу два желания? Почему я должен загадывать только одно? Это нечестно!

– Ну же, Костик, загадывай поскорее свое желание! Загадывай и задувай свечки. У тебя же всегда так здорово получается их задувать! – улыбнулась мне мама. – Еще ни разу не осталось ни одной непотушенной свечки! У меня всегда остаются. Это все потому, что я не умею их задувать. Покажи, как надо это делать.

– Я тоже не умею. У меня тоже не получается. Но Костик научит нас. Правда? – смотрит на меня Оля.

Я смотрю на маму. Я вижу, что она устала. А еще, что ей больно. Я понял, что загадаю в этот раз. Мама, я хочу, чтобы ты выздоровела. Я хочу, чтобы ты снова стала веселой и радостной. Я хочу, чтобы ты ожила, как те деревья в парке.

Я закрыл глаза. И как следует вдохнул. Я изо всех сил начал дуть на свечки.

– Молодец! – услышал я мамин голос.

– Умница! – обрадовалась Оля.

У меня получилось! Мама снова будет веселой и радостной. Она снова будет проводить со мной много времени.

Все свечки погасли. Все, кроме одной. Я посмотрел на маму. И понял: ничего не вышло. Я заплакал.

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Маму забрали в больницу. Теперь она не бывает дома. Совсем. Вместо нее – Татьяна Владимировна. Она хорошая. Правда. Только она не умеет любить меня ни так, как мама, ни даже как Оля. Ей жаль меня. А еще больше ей жаль маму. Точно так же, как и всем остальным. Жалость – это обряд взрослых. Но зачем меня жалеть? Мне не надо жалости. Мне надо любви. Но взрослые не умеют любить. Они умеют только жалеть. Но чаще они только притворяются.

Я остался один. Мы остались одни: я, папа, Сережа. Раньше мы вместе ужинали. Иногда ходили по городу. К нам приходила Оля. Она водила нас по музеям. Ездила с нами в удивительные места.

Играла в бадминтон. Она нас любила. И ни капельки не жалела. Теперь этого нет. Теперь ничего нет. Есть только Татьяна Владимировна со своими обрядами и мой оранжевый мячик.

Но мячик не заменит маму. Мячик – друг. А мне нужна мама. Я хочу ее видеть. Радостную, чуть раскрасневшуюся, с растрепанными волосами. Я все жду и жду, когда же Хозяин Задверного мира снова пустит ее домой. Когда-нибудь он должен наиграться с ней. Когда-нибудь он должен понять, что мне одиноко! Целыми днями я сижу рядом с входной дверью. И смотрю на нее. Жду. Я верю: тот человек на кресте услышал меня и хочет помочь.

Хозяйничает по дому теперь Татьяна Владимировна. Она стирает, делает уборку, готовит. А еще приносит в дом картинки. Тети и дяди, точь-в-точь как те, в белом доме. В доме Хозяина Оранжевого Мячика. Только те были большие, а эти маленькие.

Татьяна Владимировна подолгу стоит перед картинками на коленях. Она что-то шепчет, кланяется. Она зажигает свечки и ставит их рядом с каждой из картинок. Она выполняет свой обряд. Она хочет как лучше. Но она не понимает, что просить надо у того мужчины. Она не понимает, что просить должен я.

– Пойдемте в дом Хозяина Оранжевого Мячика! Мне нужно поговорить с ним. Он услышал меня тогда! Он поможет нам! Он помогает всем, кто его просит по-настоящему, – пытаюсь объяснить я ей.

Напрасно! Она лишь продолжает исполнять свой обряд.

– Костя, не мешай. Ты же видишь, я занята, – отмахивается она от меня.

– Он поможет! Правда! Он – добрый. Очень добрый. А еще он совсем один. Он знает, как это тяжело быть одному. Он поймет меня. И вернет маму! – не успокаиваюсь я.

Нянечка не понимает меня. Она не может понять, о чем идет речь.

– Константин, перестань, или я запру тебя в комнате, и будешь сидеть один! – начинает сердиться она.

Она думает, что эти картинки смогут помочь. И повторяет свой обряд. Она хочет помочь, но ничего не понимает! Она упрямая! Я хватаю свой мячик. И снова бегу к няне.

– Хозяин Оранжевого Мячика! Он поможет. Пойдемте же! Вы будете там исполнять свой обряд. Я не буду мешать вам. Я буду разговаривать с тем человеком!

Няня не отвечает. Она почему-то рассердилась. Забирает у меня мяч и прячет его на антресоль. Повыше, чтобы я не смог его достать. Но почему? Разве ей ни разу не было одиноко? Потом она берет меня за руку и заводит в мою комнату. Она запирает меня. Ей не нравится, что я нарушаю ее обряд. Она думает, что так сможет помочь маме. Но почему она не слышит меня?!

– Ну что за человек? Тут мать умирает, а он все об играх думает. Господи, прости его, грешного, – вздыхает она и снова принимается что-то шептать.

Бабушка

И думать не думала, что к дочери в больницу ехать придется. Как гром среди неба ясного телеграмма эта: «Юлия тяжело больна. Приезжайте. Срочно». И все. Да большего-то и не надо. Раз Борис написал такое, значит, все плохо. Очень.

У нас из деревни в город выехать – беда. Михалычу спасибо, подвез. Нашлась добрая душа на этом свете. Посреди ночи сорвался. Отвез до станции, билет купить помог, погрузиться. Денег-то ни копейки не взял. Руками машет только: полно тебе, Надежда. Страсть как надо тебе в Москву. Так что я – не помогу, что ли?

Его уж лет десять не видела, с тех пор, как колхоз развалился. А он – ничего. Завел мотоцикл и поехал.

Уже в дом вошла, поняла: беда случилась. Все мрачные как тучи: Сережа, Борис. Женщина какая-то. Сиделка, объясняют, для Костика. Икон повсюду понаставлено. Это у них-то! Кроме Юли и не верил-то никто! Разве что в церковь ходили иногда, да и то любопытства больше ради. Диво это для них дивное: стены размалеванные да свечи с иконами.

Даже Костик и тот чувствует, что нехорошее что-то творится. Беда идет. На него посмотрела, аж страшно сделалось. Он и говорить-то не может. Его вон все за дурачка держат, а он, кажется, видит все, понимает.

Мне иногда не по себе делается, когда глаза его вижу. Такие огромные, темные, серьезные. Ничуть они не изменились с тех пор, как родился он. Ни капельки. Помню, как в первый раз на руки взяла его. Сверток этот крошечный. Тогда и ведать не ведали, что болен он. Да и откуда знать-то было? Уже потом, как узнали, переполошились все. Отдать хотели в интернат. И так и эдак Юлю уговаривали: «Зачем тебе, мол, хлопоты эти. Он же даун! Ты этот камень себе на шею повесишь, а ему и жить-то всего ничего. Ты сразу крест этот сними. Мы же о тебе заботимся. Нам же тебя жаль».

Уже тогда от ребенка этого отвернулись. И отец, и родня его вся. И каждый день так. Каждый день: «Откажись, отдай, ради себя». Чуть не сломали было девку-то. Но выдержала. Молодец. И сейчас выдержит!

А теперь мальчуган смотрит на меня и не по себе становится. Знает ведь, что с мамкой беда стряслась. Еще не говорил мне Борис ни слова, а я уже поняла, что это так. На Костика посмотрела и поняла. Бог ты мой, как же жить-то тебе? Кого не спросить, все вокруг жаловаться бегут. Только позови! Денег нет, начальник не любит, с женой поругались. А каково тебе-то, внучок мой? Все понимать, да не объяснить ничего. И скрыть от тебя ничего невозможно.

Обнять хотела, утешить Костика. Да не дали мне. Тут же на кухню увели. «Положение очень серьезное. Она молодец, держится. Лучшая клиника. Специалисты по онкологии. Мы надеемся. Все будет хорошо!»

Все точь-в-точь, как девятнадцать лет назад, когда отговаривали Костика брать: «Ситуация очень серьезная, но ты молодец, выдержишь. Педиатры говорят. Мы надеемся. Все будет хорошо».

Не смогла я этого слушать больше. Встала – и на улицу. Душно мне с вами. Душно.

Папа

Я не хочу возвращаться домой вечерами. Там пусто. Там душно. Я только сейчас понял, что для меня значила Юлия. Только сейчас понял, что значит для меня потерять ее. Даже думать об этом не хочу!

Трудно поверить, но я сам порой срывался на нее: «Сидишь, мол, тут, как наседка, с сыном-дауном. Нет, чтобы полезным чем-то заняться». Мне казалось, что я – двигатель в этой семье. А положили Юлю в больницу, и я понял, что это не так. Почему-то только сейчас вспомнил про вечера, когда возвращался домой измотанный и уставший. Злой на весь мир. Поразительно, Юля всегда находила слова, чтобы взбодрить меня. Встряхнуть, вернуть к жизни.

Она готова была часами выслушивать рассказы о моих злоключениях на работе. А мне. Мне доставляло удовольствие говорить о них. Снова и снова. Вот, мол, какой я. Я тут из кожи лезу, чтобы вы жили как люди. Слюнтяй! Мне просто хотелось, чтобы меня пожалели. Хотел слить с себя грязь ушедшего дня на кого-то другого. Хотел, чтобы за меня решили все мои проблемы. А еще мне так и не хватило духа сказать в лицо всем этим Фирсовым и прочим все, что думаю о них. Выговаривал, конечно, заочно – дома, жене.

И ведь жалела, слушала, решала. Все то, что я с себя сбрасывал, брала себе. Тогда мне казалось: все оттого, что она никто в нашей семье. Боже мой, как я ошибался! Я даже представить боюсь, сколько гадости слил на нее за все это время! Я даже представить боюсь, что в ее болезни повинен больше всех в этом мире!

Костик

К нам приехала бабушка. Мама моей мамы. Теперь она за Татьяну Николаевну. Так же как и няня, она ухаживает за нами. Так же подолгу стоит перед картинками. Нет, не так же! Татьяна Николаевна просто бормотала. Она лишь выполняла обряд. Бабушка разговаривает с ними. Почти так же, как я разговаривал с тем человеком.

А еще она много времени проводит с мамой. После возвращения папы бабушка собирается и уходит в поликлинику. Возвращается под утро. Уставшая и бледная. Возвращается, чтобы

приготовить поесть. И чтобы поговорить с картинками. Погулять со мной. А потом, вечером, снова уйти к маме.

– Надежда Владимировна, ну нельзя же так, – выговаривает ей папа. – Нужно хоть иногда спать. Вы же в могилу себя загоните.

– Если в этом доме некому посидеть с моей дочерью, я сделаю это за всех, – ворчит она в ответ.

– Ну поймите же вы, я не могу проводить с ней много времени. У меня работа. А видеть ее в таком состоянии я не могу. Я расстраиваюсь и на следующий день не могу на работе ничего делать! У меня. У меня просто руки опускаются от этого.

– Так ты не ходи на работу денек.

– Этого я тоже не могу сделать. Сергеев метит на мое место. Любая моя ошибка будет стоить мне должности. Это слишком высокая цена. В конце концов, нам нужны деньги на жизнь и на лечение Юли.

– Вот и зарабатывай их. А я с дочерью посижу, – упрямо твердит она в ответ.

Папа бессильно разводит руками. Каждый вечер во время ужина он пытается убедить бабушку поспать дома. Каждый вечер бабушка не желает даже слушать об этом.

Во время одного из разговоров бабушка просто сказала:

– Мне до могилы полшага осталось. Как скажет Бог: «Пора на покой», так я и уйду. Но если кто спросит меня, что я делала, когда дочь в больнице лежала, так я и отвечу: «С ней рядом была. Чем могла, тем и помогала». А что ты скажешь? На работе был? Деньги зарабатывал? Место свое защищал?

Мне стало жаль папу. Он живет обрядами, которые не любит. Папа хочет делать одно, но должен делать другое. Он любит яркие футболки и джинсы, но ходит в костюме. Он.

Папа не хочет, но должен выполнять обряды. Мне жаль его. Правда. Он такой сильный, но такой слабый! Ему нипочем не устоять перед обрядами. Интересно, смогу ли это делать я, когда сам стану папой?

Папа

– Брось все это хотя бы на неделю. Возьми отпуск. Мы слетаем к моей маме в деревню, развеемся, отдохнем. Побудем собой, в конце концов. Ты порыбачишь, я покупаюсь в реке, ребята отдохнут от города…

Так нередко начинался наш разговор за ужином. Особенно когда я сильно распалялся со своими рассказами о работе. Фирсов, Люмер, еще невесть кто и что. Всегда находился повод. Всегда. А

если и не находился, я сам его выдумывал: пробки, шпана у подъездов. Да какая к черту разница? Все это такие мелочи. Но ведь тогда почему-то все казалось таким важным!

– Пожалуй, ты права, – соглашаюсь я с Юлей. – Надо немного проветриться, а то действительно, засиделись мы здесь. Одену свою любимую футболку, драные джинсы, сяду на мотоцикл и поеду рыбачить с Михалычем. Отключу телефоны и не буду думать о работе. И так целых семь дней! Пожалуй, я заслужил это.

– Точно, – улыбается мне Юля. – Заслужил как никто.

– Завтра же напишу заявление, и в субботу мы полетим в деревню!

Как часто говорил я эти слова. Как часто! Я знал, что завтра же откажусь от них. Я знал, что буду говорить о том, что не могу оставить работу. Я знал все это. Знал. И все равно обещал, что поеду. Мне хотелось казаться очень занятым и важным.

– Фирсов взял больничный на неделю. Боюсь, дорогая, с отпуском придется подождать.

– Но почему? – каждый раз расстраивалась Юля. Она-то верила каждому моему слову! Каждому!

– Да потому, что его работу придется выполнять мне. Работы много. Очень. Особенно сейчас, когда этот козел снова заболел, – срывал я зло на Фирсова.

– Ну и что здесь такого?

– Что такого? – меня возмущала ее наивность. Мне казалось невероятным, как человек может не понимать таких вещей!

– Если мы завалим план продаж на этот год, нам не видать ни премии, ни тринадцатой. Это значит: прощай зимний отпуск. Ты знаешь, я не могу себе такого позволить. Да и Сергей не отдохнет. У него институт, ему надо делать карьеру. А для этого надо по-человечески отдыхать. А Фирсова все равно уволят. Это – вопрос времени. Слишком часто болеет. Я должен быть готов, чтобы хоть временно выполнять его функционал. На то я и руководитель, чтобы временно закрывать все эти дыры.

– Но почему именно ты? Почему не Люмер?

– Потому, что этот мистер-дристер ни черта не понимает в том, как делаются продажи у нас в России.

Дальше я заводился, начинал что-то там рассказывать про работу, про какие-то проблемы. Потом начинал ругать Люмера и Фирсова. Потом вообще всех.

А потом я понял, что просто был последним дураком!

Сережа

Как ломом по голове: у матери рак. Мать лежит в больнице и, скорее всего, умрет. Но почему именно моя мать? Что такого она сделала? Отец говорил, что это какая-то инфекция! Ничего серьезного, она скоро поправится!

Я сидел перед монитором и тупил. У меня все это просто не укладывалось в голове. Нет, конечно, все будет в порядке. Ей только что сделали серьезную операцию. Она обязательно поправится. Иначе и быть не может. Спокойно, Серега, все будет тип-топ.

Нет, я просто представить себе не могу, что с ней может что-то случиться. Она же такая. Я чуть не поперхнулся воздухом. Я не помню, как она выглядит. Не то чтобы совсем. Нет, конечно. Каждый день виделись, пока ее в больницу не положили.

Я не помню ни одной детали. Когда же мы все вместе проводили время? Не десять минут утром и не пятнадцать за ужином. Так, по-серьезному, как положено. На турбазе в этом, как его? В общем, мы Новый год там встречали. Еще Костяна первый раз на дискотеку повели. Детскую эту, дурацкую. Я еще долго потом смеялся, когда вспоминал, как он там дрыгался под песенки эти идиотские. Вот только было это лет шесть или восемь назад.

Все будет в порядке. Все будет в по-ряд-ке. Я поглубже вдохнул. Спокойно, Сергей. Все будет о'кей. Ольга эта еще, дура. Ну чего тебе-то не хватало? Ответь, чего? На дискотеку – пожалуйста. В кафе – да хоть каждый вечер! В ресторан – и это можно. Нет, скучно, видите ли, ей было. Да любая бы на твоем месте в осадок выпала. По таким дискотекам ходить! В кафе каждый день! Букеты какие! Меньше чем полторы штуки за каждый и не отдавал!

Рестораны опять же. Времени сколько угрохал. А денег!

Но нет. Мы, видите ли, привередничать изволили. Нам, видите ли, ощущений не хватало. Посмотрю я на тебя, когда назад ко мне приползешь. Приползешь ведь!

Даже дыхание перехватило, когда понял, что за ахинею гоню! Не приползет. Если только я на колени не бухнусь. А ведь так здорово было с ней. Всегда что-то придумать ухитрялась. Хоть в тот же Парк птиц рвануть, в музей или еще куда-нибудь. На этот фестиваль ландшафтных объектов. Дубина, что же ты туда не поехал с ними?

С матерью все будет в порядке, будь спок, Серега. Главное, взять себя в руки. И все будет в порядке. Интересно, отец хоть готовить умеет?

Костик

Для меня наступили тоскливые дни. Никому до меня нет дела. Нет, конечно, бабушка уделяет мне немного времени. Но она живет ради мамы. Не ради папы с Сережей, нет. И уж тем более не ради меня. По крайней мере сейчас. Я не виню ее. Просто мне немного обидно. Может, если бы меня забрали в поликлинику, все стали бы ходить ко мне. Может, хотя бы тогда меня полюбили?

Это не значит, что со мной совсем перестали проводить время. Нет! Бабушка часто листает со мной старые фотоальбомы. Смотрит картинки. Радуется. Показывает их мне. Я радуюсь вместе с ней.

Я люблю эти картинки. Особенно старые. Те, что черно-белые. Стоит только чуть-чуть постараться – и они оживают.

Вот папа и мама где-то высоко в горах. Они играют в снежки. Вот мама со своими подругами. Они жарят мясо. Вот папа и мама с коляской. Это – Сережа. Он старше меня. Мама заботливо поправляет ворот его куртки. Папа смотрит на маму. Каждая фотография – частичка жизни.

Вот Сережа рядом с новогодней елкой. Он одет в белую рубашку и почему-то очень серьезный. Почему? На Новый год все должны быть веселыми. И в новогодних костюмах.

А вот снова мама. Она держит за руку Сережу. У мамы большой живот. Там – я. Я скоро появлюсь на свет. Осталось совсем чуть-чуть. Мама светится от счастья. Я ощущаю это. Вот снова папа и мама. Она стоит с цветами и смотрит на папу. Папа приложил ухо к маминому животу. Они оба счастливы.

Дальше нет почти ни одной фотографии, где родители радостные. Вот они с коляской. Это уже я. Папа растерян. Я чувствую это. Нет, он улыбается, но я вижу, что эта улыбка ненастоящая. Он смотрит куда-то в сторону. Улыбается мама. Она рада, что появился я. Она единственный человек, который по-настоящему любит меня. Мама, Оля и бабушка. Мама моей мамы.

Вот я с бабушкой. Она усадила меня на колени и придерживает, чтобы я не упал. Мне уже пять лет. Дальше со мной кроме мамы никто не фотографировался.

Потом пошли фотографии цветные. Их делали Сережа и папа. Нет почти ни одной, где бы не было кого-то из них. Они везде. Они закрывают собой почти все в кадре. А еще они не по-настоящему улыбаются. Я не люблю эти карточки. Они не живые. Совсем. Здесь все замершие в каких-то неправильных позах. Словно думали, как бы им встать, чтобы на кадре выглядеть получше. У них ничего не получилось. Оживи вдруг картинка – они бы продолжали стоять так и дальше.

Бабушка понимает меня. Она тоже не очень любит эти картинки. Она предпочитает смотреть старые. Или те, что делала Оля. Они тоже цветные, но красивые. Красивые и живые. Бабушка видит, что мне эти карточки тоже нравятся. Поэтому она показывает их мне. Мы вместе оживляем эти старые карточки. Снова и снова. Мы живем вместе с молодыми папой и мамой.

Сегодня мы с бабушкой идем в поликлинику к маме. Я не люблю это место, но я хочу увидеть ее. Я соскучился по маме, мне ее не хватает. Я знаю, мне удастся уговорить ее вернуться домой. Я расскажу ей о том, что я остался один. Со мной мало кто общается. Мой оранжевый мячик остался где-то на антресолях. Все, что мне остается, – это оживлять картинки вместе с бабушкой. Или ждать, что к нам зайдет Оля. Или вызывать своего друга – Оранжевого Мячика. Я провожу с ним много времени. Как только мама услышит это, она тут же вернется домой. Она вернется к нам – и все снова будет как раньше.

Мы с бабушкой идем по длиннющим коридорам больницы. То тут, то там попадаются люди в белых халатах. Точь-в-точь как тот бородатый дядька, к которому водили меня. Они все знают бабушку. Знают, зачем она пришла. Они стараются не смотреть на нее. Вот к нам подошел большой человек в очках. В руках у него толстая-толстая тетрадь.

– Надежда Владимировна, здравствуйте.

– Здравствуйте, Алексей Владимирович, – отвечает она ему.

Какая-то нехорошая пауза растянулась между ними. Бабушка смотрела на дядю, а тот не знал, что ему делать. Наконец он заговорил.

– Состояние Юлии Дмитриевны крайне тяжелое. Операция не дала результатов. Готовьтесь к самому худшему. Простите, но больше я ничем помочь не могу. – Он протянул бабушке тетрадь и молча ушел.

Бабушка подошла к одной из белых дверей. Перед дверью она остановилась. Словно собиралась с силами, перед тем как войти. Потом она толкнула дверь и молча вошла внутрь.

Наверное, в этой комнате живет какой-то свой Хозяин Задверного мира. Как только бабушка вошла, она как-то сразу поникла. Я впервые в жизни увидел это: как меняются люди, когда уходят за дверь. Не успеешь досчитать до трех, и перед тобой уже другой человек. Но почему именно здесь? Мне стало страшно. Я не хочу так меняться. Но в этот момент я увидел маму.

Я зашел внутрь. В комнате пахло лекарствами. Я не люблю этот запах. Когда так пахнет в комнате, значит, кому-то плохо. Кто-то болеет. Я посмотрел на маму. Она лежала какая-то бледная и маленькая. И неподвижная. Я никогда не видел ее такой. Даже тогда, когда она простудилась и долго-долго лежала в такой же комнате. Тогда она была слабой и уставшей, но она улыбалась. Она спрашивала, как мое здоровье, она обнимала Сережу. А сейчас она просто лежала без движения. И мне стало страшно. Я понял: мама больше не вернется.

Мама

Все, что мне остается, – вспоминать. Мне есть много чего вспомнить. Очень. И почему-то все воспоминания радостные. Я не помню ничего плохого. Совсем. Я помню нашу с Борисом свадьбу. Свадьбу случайную. Тогда женились мои друзья в деревне. Я получила приглашение, но одна ехать не хотела. Как раз тогда мы и познакомились с Борисом. Месяц встречались. Я пригласила его с собой, было немного обидно ехать одной. Все мои друзья к тому временем были женаты, а у меня даже жениха не было!

Уже там совершенно случайно у меня вырвалось что-то о женитьбе. Странно. Сколько я ни пыталась, так и не смогла вспомнить, что же именно… Может, и не вырывалось ничего. Может, это потом мама что-то придумала. Уж больно хотелось ей меня замуж выдать. А тут на тебе: комсомолец, выпускник МГУ, красавец. Отец – директор элеватора. Дочь сама же его и привезла.

В общем, для мамы это было как отмашка. Уж как она договорилась с загсом, достала три ящика шампанского, выбила у председателя «Волгу». Новую. Черную. Блестящую! А утром просто ошарашила нас: к свадьбе все готово! Неделя на сборы.

И полетели телеграммы во все города. Всем родственникам и друзьям. Никто не поверил, но приехали все. Тогда я думала, что я – самый счастливый человек в мире!

Рождение Сережи. Мы ждали его с нетерпением. Наш первенец! Он должен был обязательно стать космонавтом. Или летчиком. Первые бессонные ночи. Сумасшедшие недели, когда никто не знал, что делать и где искать молоко, пеленки, соски и все остальное. Мы были уставшими, но такими счастливыми!

Потом – провал. Я не помню ничего. Ничего, кроме букета ромашек. Даже не букета. Нет! Целого куста ромашек! Костик выкопал его с корнем и принес на порог бабушкиного дома. Уж не знаю, как он ухитрился вытащить его из земли! Странно, но он не любил цветы в букетах. Не знаю почему. Наверное, потому, что знал: они срезаны с грядок. Они – не живые. Наверное, именно поэтому он тогда принес эти ромашки. С корнями. Живые ромашки!

А еще запах моря. Красное море! Курорт. Настоящий курорт. Почему-то попала я туда только теперь, ближе к концу жизни. Запах и шум моря. Что может быть лучше?

Кто-то пришел. Я почувствовала это. Мама. Ко мне больше никто не приходит так часто. Борис с Сережей несколько раз наведывались. Временами заходит Оля. Одна. Хорошая девушка. Она всегда приносит открытку или еще что-то. Мне так жаль, что не получится у них ничего с Сережей. Я вижу это. Слишком она живая для моего сына.

Мама приходит каждый день. Но сегодня она не одна. Она с Костей. Боже мой, как же, наверное, тяжело ему видеть меня такой: неподвижной и невесомой. Наверное, я похожа на тот цветок, что срезали с грядки. Костя, Костя. Как же ты будешь без меня? Кто будет тебя любить? Надеюсь, мама заберет тебя к себе. Надеюсь, ты познакомишься с Михалычем и его женой. Они добрые. А еще – очень одинокие. Они позаботятся о тебе. И я. Я тоже позабочусь. Обязательно. Знай, что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Мама всегда будет с тобой, Костя, сыночек мой!

Костик

Люди всегда возвращаются. Они уходят во владения Хозяина Задверного мира, но через какое-то время приходят назад. Наверное, им не нравится там. Но мама уже не придет. Наверное, Хозяин расставил какие-то ловушки, чтобы не дать ей вернуться. Наверное, ему тоже хочется немного любви и тепла. И он знает, что только мама может дать его. Но это несправедливо! Хозяин Задверного мира забирает ее у меня! Почему он такой злой? Неужели там, на небе, о нем некому позаботиться? Неужели там, на небе, ему одиноко? Мама уйдет в мир, где всем хорошо. Так думает бабушка. А я думаю, что Хозяин Задверного мира ее обманет. Он заберет ее к себе. И ей будет плохо. Плохо, потому что из нее сделают чучело, как из тех зверюшек.

Мы проводим с мамой много времени. Из дома мы вышли, когда солнце только-только начинало подниматься, а возвращаемся – когда оно уже почти спряталось. Все это время я смотрел на маму. Такую уставшую. Такую неподвижную.

– Возможно, она еще придет в себя, хотя шансов почти нет. – Здоровый дядя в белом халате зашел в комнату. – Ах, вы с внуком, простите, – тут же поправился он. – Как же нас зовут? – наклонился он ко мне.

– Костя, – ответил я.

Вместо ответа он чуть внимательней посмотрел на меня.

– Синдром Дауна? – посмотрел он на бабушку.

Она кивнула головой.

– Лет сколько?

– Девятнадцать, – чуть слышно прошептала она.

– Сожалею.

Дядя тут же потерял ко мне всякий интерес, словно я куда-то исчез.

– Мы рассчитывали на эту операцию как на последний шанс, но, увы, она не помогла. Вы слишком поздно обратились. На ранних стадиях это лечится. – Дядька говорил все это, уже не смущаясь моего присутствия. Конечно, из всего этого я понял очень мало. Очень. Но и того было достаточно, чтобы окончательно убедиться: Хозяин Задверного мира забирает маму в свои владения.

– Что вы порекомендуете делать? – посмотрела на него бабушка.

– Как человек – отключить систему жизнеобеспечения. Как врач – бороться.

Вместо ответа бабушка взяла меня за руку и молча вывела из этой страшной комнаты. Мы молча шли домой, когда где-то сбоку что-то сверкнуло. Я посмотрел туда и увидел ярко-оранжевый шар с крестом на макушке. Внезапно я вспомнил: так выглядит дом Хозяина Оранжевого Мячика. То самое место, где я разговаривал с мужчиной на кресте. Тогда он все понял! Он общался со мной. Он тот, кто может нам помочь.

– Бабушка, бабушка! – закричал я. – Бабушка, я хочу поговорить с дядей на кресте. Он живет в доме Хозяина Оранжевого Мячика. Он добрый. Он поможет нам. Правда! Я разговаривал с ним!

– Что? – бабушка словно проснулась.

– Бабушка, пойдем со мной! – Я попытался потянуть ее за собой. – Пойдем туда, – кивнул головой я в сторону мячика.

Бабушка подняла голову и увидела шарик.

– Костя, ты хочешь туда? – мне показалось, что бабушка удивлена.

– Я хочу попросить за маму. Тот дяденька на кресте, он очень добрый. Он знает, как нам помочь.

Вместо ответа бабушка молча пошла к дому Хозяина Оранжевого Мячика.

Мы вышли к невысокому белому зданию. Почти такому же, куда водила меня нянечка. Чуть потрескавшиеся стены, облезшая краска, потертые картинки. Так, именно так должен выглядеть дом этого одинокого существа.

Мы остановились перед дверью. Странно, я помню: няня быстро вошла вовнутрь. Она исполнила какой-то из своих обрядов и повела меня за собой. Бабушка же замерла перед дверью. Она стояла, словно не решалась потревожить Хозяина. Наконец, она открыла дверь, и мы вошли.

Первое, что я почувствовал, было ощущение уюта. Словно я вдруг оказался дома. Нет, не в квартире. Именно дома, там, откуда я родом. Теплый запах, очень красивое пение. Только дома возможно испытать что-то такое. Наверное, так же выглядит этот мир на небе. Наверное, есть два мира. Тот, где главный – Хозяин Задверного мира. Те, кто попадают в него, становятся чучелами. И мир Хозяина Оранжевого Мячика. Мир, который находится высоко-высоко на небесах. Мир, где всем хорошо. Мир, куда должна попасть мама.

Я остановился. Начал искать глазами мужчину на кресте. Я нашел его. Не такого, как был в прошлый раз: нарисованного на дереве и укрытого белым полотенцем. Нет. Вырезанный из дерева, он находился точно в центре Дома Хозяина Оранжевого мячика.

– Не дай Хозяину Задверного мира забрать маму! – крикнул я ему. – Нам без нее будет очень плохо. Нам всем: мне, бабушке, папе, Сереже.

Я смотрел на этого человека. Ждал, когда он мне ответит.

– Эй! Ты слышишь меня? – снова обратился я к нему.

Бабушкина рука легла мне на плечо.

– Костя, не надо шуметь здесь. Здесь надо вести себя тихо.

– Помоги нам, слышишь? – снова позвал я мужчину.

– Костя, ты слышал меня?

– Пусть говорит, сестра, – откуда-то сбоку к нам подошел мужчина в черном. – Его душа неспокойна, так пусть же выговорится, – остановил он бабушку.

Глядя на него, я понял. Он тоже очень добрый. А еще – он настоящий. Не как те двое в прошлый раз.

– Он видит то, чего не видим мы. Он чувствует то, что нам не дано. Не мешайте ему.

Бабушка отошла назад.

– Ты же разговаривал со мной тогда, почему ты не хочешь говорить сейчас? – не утихал я. – Что случилось, почему ты не хочешь говорить со мной сейчас?

К нам в церковь нечасто такие гости жалуют. Это я понял сразу, как только увидел их. Пожилая женщина с внуком. На первый взгляд ничего особенного, да только почувствовал я, что необычный он, паренек-то этот. Много говорят про чудеса в церквях, про юродивых, про святых. Да только мало кто видел это своими глазами.

Мне довелось. Тогда только-только начинал я служение. Послушником простым был. За девочку в церковь просить пришли. В аварию попала после танцулек. Знаю, что в больнице долго она лежала. Все в себя прийти не могла. Уже и рукой на нее махнули врачи все. Родители к нам в церковь тогда и пришли.

Немолодые. Долго детей не было. Лечились, по знахарям ездили. Смилостивился Господь над ними, послал дочку. А тут тебе такое!

Заплаканные оба, что отец, что мать. На колени перед Заступницей упали, крестятся, молятся. Я тогда и почувствовал: услышал молитвы их Господь. Легко вдруг стало, хоть взлетай! И в ушах голос стоит. Тихий-тихий такой, низкий-низкий: «Да будет по-вашему, дети мои».

А через день очнулась дочурка их. Через месяц – из больницы выписалась. Уже, слыхивал, и деток воспитывает.

Вот и сейчас, спустя двадцать лет, чувство такое же. Понял я – чудо снова увижу. Смотрю, парнишка этот к распятию побежал. Обнял его, что-то сказать хочет. И чудится мне – понимаю его. За мамку просит. Случилась беда какая-то. Бабушка, понятное дело, успокаивать его начала было. Совестно ей стало, что шумит он в храме. Да я остановил. А потом снова шепот этот услышал: «Ей пора. Она уйдет туда, где ей будет хорошо. Она будет ждать тебя. Вы снова будете вместе».

– Господи Всемогущий, велики дела твои!

Я понял, дядя меня не слышит. Он недоволен, что тогда я ушел. Но я не виноват! Правда. Меня отвели в сторону. Мне просто не поверили. А еще обиделись, что я нарушил обряд. Но дяде было все равно. Я уже хотел отвернуться. Я хотел отойти, но дядя вдруг открыл глаза.

– Ей пора, – прошептал он. – Она уйдет туда, где ей будет хорошо. Она будет ждать тебя. Вы снова будете вместе.

Его деревянные веки закрылись. Снова стало тихо.

– Он сказал, что мама уйдет, – позвал я бабушку. – Он сказал, что я не буду один. Он сказал, что забирает маму к себе на небо. Из мамы не сделают чучело. Мама не попадет в лапы Хозяина Задверного мира!

– Костя, что с тобой? – почему-то испугалась она.

– С ним все в порядке, – успокоил ее мужчина в черном. – Он разговаривал с Ним.

Зазвонил телефон. Бабушка достала его из сумки. Она побледнела. Потом очень медленно прислонила к уху. Так она стояла долго-долго.

Наконец бабушка словно очнулась ото сна. Медленно осмотрелась по сторонам и тихо-тихо прошептала:

– Дочка. Доченька.

Затем она упала на колени и посмотрела на меня:

– Мамы больше нет.

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Папа

Тот телефонный звонок окончательно выбил меня из колеи. Всего три слова: «Ее больше нет». И все. Весь мир остановился. Все стало каким-то бессмысленным и бесполезным. Юля ушла, и жизнь потеряла всякий смысл. Совсем.

Ее больше нет. Я больше никому не нужен. Теперь даже выслушать меня будет некому. Я один. Совсем.

Сначала я испугался, что Хозяин Задверного мира опередил того дядю на кресте. Маму привезли домой. Из нее сделали чучело. Как из тех зверюшек. Только лежала она в большой деревянной коробке. Все ходили и смотрели на маму. Точь-в-точь как в той комнате. Мне было жаль ее. Я плакал.

Когда в дом вошли те дядьки, я испугался. Я понял: они заберут маму. Заберут, чтобы поставить в ту комнату. Заберут, чтобы все могли на нее посмотреть. Но я не хочу, чтобы она была там! Я хочу, чтобы она попала на небо. Я хотел помешать этим дядькам. Правда! Ведь тот мужчина на кресте обещал! А если обещал – значит, надо делать.

– Отдайте маму! – закричал я им. – Стойте! Я не хочу, чтобы на нее все ходили и смотрели. Я хочу, чтобы она попала на небо. Там всем хорошо. Я хочу, чтобы маме тоже было хорошо.

Меня остановила бабушка. Она тоже не хотела, чтобы маму забрали. Она тоже плакала. А еще Оля. Больше не плакал никто.

Бабушка просто взяла меня за плечи. Потом прижала к себе и долго-долго стояла так. Наверное, она знала: нельзя отобрать добычу у Хозяина Задверного мира.

Потом мы ехали куда-то на машине. Папа, Сережа, я, бабушка и Оля. Она вернулась. Она поняла, что мама ушла. Она поняла, что теперь меня некому любить. Я сидел между ней и бабушкой. Мамы нет. Зато есть бабушка и Оля. Значит, я не буду один.

Мы приехали на кладбище. Мне здесь не понравилось. Здесь печально. Здесь тихо и безлюдно. Здесь нет жизни. А еще повсюду из земли торчат кресты. Им тоже здесь не нравится. Совсем. Иначе почему они такие серые и грустные? Не то что в деревне.

Когда мы приезжали к бабушке, она водила нас на кладбище. Оно было другим. Совсем другим. Там не было так тихо. Там пели птицы. Там было много деревьев. А еще совсем рядом – дом Хозяина Оранжевого Мячика. Я вспомнил! Это называется церковью! Но в деревне он пел. Бабушка мне объясняла, что это звенят колокола. Но мне казалось, что поет сама церковь. А в городе колокола не звенели. И в городе плохо, не то что в деревне. Почему маму не отвезут туда?

Все грустные. Им жаль маму. Всем. Меня не жаль никому, кроме бабушки и Оли. Жалость – это обряд. Сейчас им всем положено жалеть маму. Почему? Потому, что здесь так заведено. Потому, что это – кладбище.

Я вспомнил наше кладбище. Там, где мы похоронили попугайчиков. У дерева рядом с домом. Мы завернули их в носовые платки и положили в ямки. Маме тогда тоже было жаль их. Очень. Она плакала. Сережа с папой – нет. Они не пошли с нами. Я тоже плакал. Мне было жаль маму.

Потом я часто приходил на наше кладбище. Мне было интересно увидеть, как попугайчики улетят на небо. Каждый раз я приходил туда и смотрел на холмики. Ведь если они улетят, я это увижу. Им же надо будет сначала выкопаться из земли! В то утро я понял: они улетели – оба холмика были разрыты. Только почему-то рядом было много перьев.

Бабушка говорила, что человек остается под землей. А еще, что он уходит на небо. Но как? Как человек может быть сразу в двух местах? Для меня это было загадкой. И теперь я знаю ответ. Внутри каждого живет еще один человек. Он-то и оставляет в земле перья, когда уходит на небо!

Попугайчики улетели на небо, и им там теперь хорошо. Иногда мне кажется, что я вижу их. Где-то там, высоко-высоко! Выше любого из домов в городе. Они смотрят на меня. Они улыбаются.

Коробку с мамой закрыли крышкой. Потом опустили в длинную узкую яму и засыпали землей. Я понял: Хозяин Оранжевого Мячика и тот человек на кресте услышали меня. Они обхитрили Хозяина Задверного мира. Они забирают маму к себе на небо. Из нее не сделают чучело. На нее не будут смотреть разные тети и дяди. Ей будет хорошо! Я улыбнулся. Первый раз за много-много времени.

Бабушка

Уж и сердце разрывалось, на Костика глядя. Он один по Юленьке-то и плакал. Не то что сухаря эти два. По дому что привидения ходят: бледные, злые.

Хоть бы слезинку-то одну проронили! Хоть бы пожалели!

Уже когда выносили гроб из квартиры, совсем плохо Костику стало. Кричать что-то стал, биться. Так еле его успокоила. А эти двое? Стоят себе где-то в сторонке. Еще и на Костика исподлобья посматривают. Отвернешься, так живо набросятся. Растерзают, гляди.

Да за что же ей такое? Всю жизнь здоровье рвала ради них! Хоть бы всплакнули. Так ведь нет. Изверги! Все на Костика пялились. Мало им Юли, так они теперь и его изведут. Не дам! С собой заберу в деревню.

Сережа

Как мать умерла, хреново стало совсем. Тут еще бабка приехала из деревни. Как мать положили в больницу, так отец ей в деревню телеграмму отправил. Вот она и прикатила. И давай порядки свои устанавливать.

Приехала в гости, так и место знай свое. Так ведь нет! На всех бросаться давай. Мы, мол, с отцом мать до могилы довели! Да что она мелет? Мать целыми днями дома сидела: ни тебе на работу не надо, ни тебе подыматься в черти какую рань. Возись себе с любимчиком своим! Сама же этого хотела. Отец не раз предлагал: давай его в интернат отдадим. Что он тебя изводить будет? Так ведь нет, сама возиться решила с ним. С утра до ночи! Вот он и довел ее. Мы-то с отцом причем здесь? Видеть его не могу, дауна этого!

Ольга тоже молодец. Пришла. Спасибо. Почему же и она против нас с отцом? Что мы им всем такого сделали? Спелись они с бабкой. Все одно и то же: мол, внимания матери совсем не уделяли. Довели!

Дуры. Обе дуры!

Ольга все с Костиком возится. Тоже мне, игрушку нашла себе. Нет, чтобы нам помочь. Поддержать. Дома бы лучше сидела да носа своего не показывала! Почему весь мир против нас?

А тут еще у Костяна истерика приключилась. Мать выносить из дома, а у него припадок. И так уже на взводе целый месяц. Так и чешутся руки в лоб ему засветить как следует. Будет знать в следующий раз свое место.

С неделю назад на улице какого-то здоровяка отмудохал. Сзади налетел, урод. В другой раз я бы с таким хрен сладил! Качок, мать его! В глаз ему раз засветил; барсетку отберет, так хоть фингал

останется. На память. А потом черти что произошло. Представил себе, что это братец мой тупой! Ох, как я приложился. Потом еще раз. И еще. Сколько это продолжалось – не помню. Помню только – орал: «Пустите меня, убью эту суку!» Уж отвел я душу тогда на славу. Еще и благодарность от участкового. Этого урода, оказывается, уже месяц отловить пытались. Это две недели назад было. Вот сейчас бы сюда мудака этого!

На кладбище Костян вообще взбесился. Гроб закапывают, а он улыбаться. Совсем спятил, кретин! Ну погоди у меня, даун!

Папа

Пустота и растерянность. Пустота и растерян – ность. Я вдруг понял, что осиротел. Сейчас, когда ушла Юля. Отца год назад хоронил, такого не было. Ну умер. Так ему и годов-то уже сколько было! Срок пришел, значит. А тут.

Надежда Владимировна приехала. Думал: «Вдруг чудо произойдет. Вдруг выходит Юлю».

Ведь меня тогда из могилы выцарапала. Уж и не помню я, как в прорубь ту бухнулся. В мороз лютый. В деревню зимой приехали. Так меня за водой Юля и послала на реку, пока Надежда Владимировна где-то по своим делам ходила. «Хоть супа сварим. Вот мама обрадуется!» Как сейчас помню: не хотел идти. С дороги, уставший. Лечь бы да заснуть. Тогда еще денег на самолет не было. Поездами путешествовали. Приехали в деревню, так она и схватилась за тряпку. Полы помыть, пыль протереть. Час по дому носилась, потом за водой отправила. Ну чего ей не сиделось тогда на месте? В гости в конце концов приехали! Дом к гостям приготовить – так то хозяев забота.

Короче, чуть не поругались тогда с Юлей. Плюнул на все, взял ведро и пошел. Хотел побыстрее сделать все: на улице мороз стоял, аж дыхание перехватывало. Бегом побежал к речке. Прорубь, помню, близко уже была. Потом помню, что ноги куда-то поехали. Ногти посрывал – за лед цеплялся, чтобы под воду не уйти. Уж как так случилось, что Надежда Владимировна в это время по мосту навесному шла? Вытащила, до дома доволокла. Понятно, потом растирания, банки, припарки. Врач приехала – ахнула! «Вы, – говорит, – зятя своего с того света вытащили». Месяц потом еще в больнице районной лежал. До сих пор перед морозами спину ломит!

А в этот раз не вышло. Теперь она похоронами занимается, отпеванием или как там оно зовется, готовит нам, стирает, ухаживает за Костиком. Я смотрю на все это со стороны. Все жду: когда же наконец этот сон закончится? Ведь это все сон, дурной сон. Он пройдет, надо только дождаться утра. Но он не уходит, а я продолжаю ждать, когда это наваждение сойдет и все станет в порядке. Потому что нельзя так! Юля не должна была уходить. Не должна была оставлять меня одного!

Только когда закопали могилу, я окончательно пришел в себя. Жизнь закончилась. Разом. Юля больше не придет. Я останусь один. Один, вы понимаете? Совсем один на этом свете. Среди всей этой своры Сергеевых, Фирсовых и прочих мистеров-дристеров!!!

Костик

Мамы не стало. Совсем. Но теперь я не один. Бабушка заботится обо мне. Она гуляет со мной, проводит много времени. А еще она часто плачет. Но почему? Мама там, где всем хорошо! Очень! Наверное, она уже на небе. Наверное, она смотрит за нами. Наверное, ей грустно, когда она видит, что бабушка плачет. Я хочу утешить ее. Очень. Но я не знаю, как это сделать.

Когда попугайчики умерли, мама тоже несколько дней плакала. Наверное, это такой обряд: плакать по тем, кто ушел на небо. Потом прошло время, и мама перестала плакать. Попугайчики дали знать, что с ними все в порядке и они добрались. Наверное, так же будет и с бабушкой. Как только она поймет, что мама уже на небе, ей станет лучше.

А я радуюсь. Маме сейчас хорошо. Думаю, на небе ее уже ждали и теперь она не одна. И я не один. К нам снова начала приходить Оля. Вернее, ко мне. Ко мне и к бабушке. С Сережей она не разговаривает. Но почему? Я вижу, что ему плохо. Особенно когда он видит, что Оля проводит все время со мной. Он тоже хочет, чтобы Оля с ним поиграла. Ему тоже одиноко. Но Оля не хочет с ним говорить. Совсем.

Зато она проводит много времени со мной и бабушкой. Правда, они почти не разговаривают. Они просто смотрят на меня. Понимают друг друга без слов. Совсем как мы с Катей и Славой. А еще я вижу: когда Оля рядом, бабушке становится легче. Но тогда почему Сережа не разговаривает с ней? Совсем? Я же вижу, что ему плохо. Очень плохо. Почти так же, как и папе.

Сереже плохо. Одиноко. Но он не играет с моим оранжевым мячиком, хотя бабушка и достала его с антресоли. Мне это странно. Может, он его просто не замечает? Я беру свой мячик. Несу его Сереже. Может, с ним ему станет лучше? Но Сережа не хочет оранжевого мячика. Он просто отбрасывает его в сторону. Наверное, он меня не понимает. Я беру мячик и снова несу его Сереже: «Возьми! Тебе станет лучше. Правда!» Но Сережа не понимает. Он берет мячик и забрасывает в ящик стола. Но почему? Ведь все, кому одиноко, играют с оранжевыми мячами. Но Сереже нравится быть одному. Он молча берет меня за руку и выводит из комнаты. Потом запирается изнутри.

Сегодня дверь в комнату Сережи не закрыта. Он лежит на кровати в одежде. Если бы это видела мама, она бы расстроилась. Очень. Но мамы нет, и расстроиться некому. Шумит телевизор. Наверное, он показывает людей, которым сейчас весело. Я захожу в комнату. Останавливаюсь. Теперь я понял, почему Сереже не нужен мой оранжевый мячик. У него есть свой.

Много-много дядек бегают по площадке. Наверное, им тоже очень одиноко. Они тоже пытаются схватить оранжевый мячик. Так же как я! Только он один, а их столько же, сколько пальцев у меня на руках. Десять дядек бегают с одним мячиком. Они пытаются выхватить его друг у друга! Я долго смотрю на этих людей. Чем больше, тем сильнее запутываюсь. У меня – собственный мячик. Я

один пытаюсь поймать его. Их много. Каждый пытается поймать мячик. Потом они начинают кидать его друг другу. Потом зачем-то кидают в кольцо с сеткой.

Но я понял! Их просто обманули! Мне становится жаль их. Им не сказали, что это просто обряд!

Оранжевый мячик должен принадлежать одному человеку. И его нельзя бросать. Он может обидеться. Тогда его будет очень тяжело поймать. Я понимаю: то, что делают они, – неправильно. Совсем! И еще: Сереже не поможет этот мячик. Ничем. Потому, что он ненастоящий. Как ненастоящий оранжевый мячик может помочь хоть чем-то?

– Сережа, тебе нужен мой мячик. Когда плохо, надо брать настоящий. Только тогда станет хорошо.

Но Сережа не слышит. Вернее, он слышит, но делает вид, что не слышит. А почему? Я же хочу помочь! Может, ему просто мешает этот шум? Я выключаю телевизор.

Сережа злой! Я больше не буду с ним разговаривать. Совсем. Он делает больно! Так больно мне еще не было никогда! Я заплакал.

На шум прибежала Оля. Сегодня она пришла к нам, чтобы помочь бабушке. Вместе они что-то делали на кухне. Оля просто встала между нами. Она оттолкнула Сережу от меня. Она такая маленькая, а Сережа большой! Потом Оля сильно ударила его по лицу. И еще раз, и еще. Сереже было больно, но он не плакал. Он просто смотрел на Олю. Ему становилось легче. Правда! Наверное, ему было надо кого-то стукнуть.

– Сережа, стукни меня еще раз! – закричал я ему. – Я потерплю. Правда. Я хочу, чтобы тебе стало лучше!

Наверное, он бы стукнул меня. Но помешала Оля. Она взяла меня за руку. И вывела меня из Сережиной комнаты.

Сережа

И так настроение швах, а тут еще даун. Сколько раз говорил ему: «Не тронь меня! Не видишь, что ли, плохо мне!» Куда там! То мячик свой идиотский притащит, то кричать начинает. Ну что он ко мне пристал? Чего ему от меня надо?!

Завтра первый рабочий день в новой конторе. Как мать умерла, у отца на работе разладилось. Поперли оттуда, понятное дело. Сергеев – мудак. Ну погоди, сочтемся. Хотя платили мне там копейки, ладно хоть оформили как положено. Опыт теперь есть – и то спасибо.

Мне надо расслабиться. Нельзя приходить на работу на взводе. Думал, ящик хоть посмотрю, баскетбол. Там как раз «Юта» играет. Уже последние минуты шли, когда пришел даун. Решил не обращать на него внимания: повопит да свалит. Ну чего он ко мне прицепился? Что я ему, нянька, что ли? Сначала кричать что-то начал. Потом, видать, надоело – мячик свой приволок. Я, понятно,

мячик убрал. Кинешь куда-нибудь долой с глаз, так он радуется – думает, я поиграть решил с ним. Ну-ну. Думай. Нужен ты мне сильно с резинкой со своей. А он не успокаивается. Телик выключил.

Урод! Последние секунды! Да что же ты творишь-то? Я не помню, как вскочил с кровати. Не помню, как двинул ему в ухо, потом в глаз. Помню только боль в руке. На шум Ольга прибежала. Нытик чертов! За дело получаешь, так хоть не реви!

Ольга всадила мне пощечину. Потом еще одну и еще.

Только тут до меня дошло, что я избил брата-дауна. Твою мать! Вот довел же меня урод! Хотя, признаться, полегчало.

Бабушка

Все, решено. Уезжаю. Беру с собой Костика – и прочь отсюда! Это же надо! Брата собственного избил! Брат – инвалид: ни сдачи дать, ни защититься. Да что же ты за зверь такой? Ольга – молодец. По физиономии ему засветила, аж следы от пальцев остались. Ничего, дольше запомнит! Полезно ему. Вообще, девка она ладная: веселая, живая, добрая. Как Юля умерла, приходит, помогает. Хотя кто мы ей? Да никто! Люди чужие. Так ведь нет. Приезжает, с Костиком возится. Подругой раньше была Сережкиной-то. Хотя чем он ей приглянулся? Потом, понятно, разошлись. И вот теперь, как узнала девка-то, что у нас творится, сразу прибежала: давайте, Надежда Владимировна, помогу. Уж и отблагодарить не знаю как.

Оля

То, что Юлия Дмитриевна умерла, я узнала случайно. Сергея в тот день встретила в универе. Жалкое зрелище: совсем раскис парень. Он еще, как мать в больницу положили, сдавать начал.

До этого-то ходил франт-франтом. Всегда чистый, в белых рубашках. Отутюженный. За это и понравился мне. Не люблю оболтусов. А потом, перед началом сессии, Юлию Дмитриевну в больницу положили. Так Сережка и изменился-то сразу. Рубашки по нескольку дней носить начал одни и те же. Сам какой-то мятый стал, мешковатый. Потерян – ный.

А сейчас совсем опустился. Серый какой-то. Боже мой, разве можно так! Понятно, беда, понятно, тяжело. Но держаться-то надо! Жить, в конце концов.

Тогда решила: помочь ему надо. Оживить хоть как-то! Их всех: Сережу, Бориса Прокофьевича, Костика.

Пришла к ним, а там бабушка – Надежда Дмитриевна. Из деревни на выручку приехала. Милая женщина, только уставшая. Вдвоем проще, конечно. И ей и мне. Плохо только, что раньше девяти к ним не попасть. Пока работа, потом – перекусить. Потом – прорываться сквозь эту толпу в метро. Зато по выходным стараюсь к ним на весь день попасть. Хотя смотрю я, не нужно им это особо. Важничают до сих пор. Но с чего? На них посмотреть сейчас – зрелище жалкое.

Сережа ходит сам в себе, отец тоже. Раскисли они как-то разом. Хотя еще полгода назад такими оба напыщенными были! Не подойти. И сейчас – держись подальше. Ну почему мужчины такие глупые? И такие себялюбы?

Чего ему в голову взбрело, что я клеюсь к нему снова? Типа без него не могу. Якобы поняла свою ошибку и до меня дошло, кого я потеряла. Да чушь все это собачья! Для тебя же все, дурень! Из ямы тебя этой вытащить хочу! Бери руку, пока протягивают. А он все корчит из себя невесть кого. Ну и опускайся себе дальше! Может, поймешь когда-нибудь, что ты – дурак. Хотя вряд ли. Этот – всегда прав. Всегда вокруг все виноватые ходят, а этот – герой. Ну-ну, молодой человек. Ну-ну.

А сегодня вообще фортель выкинул, довел до ручки! Не выдержала, сорвалась-таки. А что делать? Давно уже руки чесались пощечин навалять ему: «Хватит ныть, просыпайся. Да очнись же ты!» А тут тебе и случай подвалил. Уж черт его знает, чего он там с Костиком не поделил. Побил он брата, в общем. Вот тут-то он оплеух и отхватил! Надеюсь, хоть это его к жизни вернет. Хотя вряд ли.

Костик

Мы снова едем в поезде. Я и бабушка. Оля проводила нас до вокзала, помогла погрузить вещи. Сережа с папой не смогли. Они очень заняты на работе. Им нельзя отвлекаться.

С тех пор как маму отвезли на кладбище, погода стала плохой. Такой, как я не люблю. Холодной и хмурой. И люди все стали такими же. Наверное, они тоже узнали про то, что мамы не стало. Но кто им рассказал об этом? И когда?

Я давно не ездил в поездах. Раньше мне это нравилось. Теперь – нет. Раньше мы ездили вчетвером. Сегодня – вдвоем. Раньше погода была хорошей, сегодня – хмурая. Я не хочу играть с детворой. Не хочу раскрашивать раскраски. Не хочу ничего. Я просто смотрю в окно.

Я люблю смотреть в окно. Особенно на остановках. На людей. Они размахивают руками. О чем-то говорят. Мне их не слышно. Совсем. Зато я их вижу. Вижу и пытаюсь представить: что же они говорят друг другу?

Вот два толстых дядьки. Они кричат. Машут руками. Как папа, когда вспоминает о мистере-дристере или Сергееве. Наверное, эти двое тоже знают их. Наверное, они тоже не любят этих людей.

Два мальчика. Они совсем как Сережа. Такие же высокие. В таких же балахонах. Они идут по перрону. Почти не разговаривают. Только иногда перебрасываются парой слов. Я видел таких. Сережа иногда приглашал к себе друзей. Они что-то писали вместе или садились за компьютер и начинали управлять машинками. И разговоры у них одинаковые. Они угадывают, куда пойти вечером.

– Пойдем в «Грот», – говорит один из них.

Все остальные начинают качать головами. Он не угадал. Потом наступает очередь следующего. И следующего. В конце концов кто-то угадывает. Все встают и уходят. А я остаюсь. Хотя я так хотел бы пойти с ребятами. Но мне с ними нельзя. Я понимаю. Не понимаю только одного: если все знали куда идти, то почему так долго никто не мог угадать? Наверное, эти двое тоже угадывают, куда им пойти.

Вот двое. Он и она. Они о чем-то спорят. Как Оля с Сережей. Девочка что-то доказывает мальчику. Она пытается его в чем-то убедить. А он не соглашается. Точь-в-точь как мой брат! Оля хотела попасть в театр, в Парк птиц, на речку, еще куда-то. Сережа не хотел никуда. Ему больше нравилось играть в машинки.

Вот группа ребят. Они о чем-то спорят. Это так похоже на брата и его друзей. Они спорят о том, как отдохнуть. Я знаю, когда их так много, они обязательно пойдут на дискотеку. И они знают. Но все равно спорят. Но зачем? Какой в этом смысл? Зачем спорить, если все равно пойдете на дискотеку? Мне этого не понять.

Я смотрю на людей, и мне не понятно: их так много, но говорят они об одинаковых вещах. Все. Все, кроме Оли, мамы и бабушки. Но почему? Неужели нет никаких других тем?

Мы все ехали и ехали. Бабушка живет далеко. Надо провести в поезде три ночи и два дня. Иначе не добраться.

Сегодня к нам в купе подсаживается бородатый дядя. Он долго распаковывает свой рюкзак. Он раскладывает на столе еду. Он молчаливый и какой-то неприветливый. Мне не нравится.

В купе тепло. Но он не снимает свой толстый свитер. Он. Он словно каменный. Такой же грубый и твердый. Я смотрю на его лицо. Оно все в морщинках и какое-то твердое. Я боюсь его. Он похож на гнома, только высокого. Вдруг это Хозяин Задверного мира прислал его за мной? Ему не понравилось, что я забрал у него маму. Он хочет наказать меня! Я забиваюсь в самый угол купе. Мне становится страшно. Сейчас этот гном доест свой бутерброд и набросится на меня!

Дядька увидел, что мне страшно. Он внимательно посмотрел на меня. Потом вдруг улыбнулся.

– Ты чего перетрусил? Пантелеича испугался? Чего это вдруг?

Я увидел его зубы: желтые и страшные. Бабушка!

– Костик, ты что? – смотрит на меня бабушка. – Дядя хороший, его не надо бояться.

– Такой большой, а боишься! – вдруг расхохотался Пантелеич.

Почему-то от этого мне стало лучше. Не может злой гном так весело смеяться. Не может. Я снова смотрю на дядьку. Я еще не решил: бояться мне его дальше или нет. Вдруг он просто притворяется? Вдруг он просто хочет успокоить бабушку?

Дядька смотрит на нас с бабушкой. Потом достает из рюкзака какую-то штуку. Наверное, это что-то очень важное. Очень. Он аккуратно разворачивает тряпку и достает небольшую пластмассовую штучку. Осматривает, отряхивает. Это как обряд. Потом он прислоняет штуку к своим потрескавшимся губам, и она начинает играть! Здорово! Я больше не боюсь этого бородатого дядю. Совсем. Он не злой гном. Он добрый. Я вижу это. А еще я понимаю, что хочу уметь играть так же, как и он. На этой штуковине! Мне почему-то кажется, что Оранжевому Мячику понравится. Он обязательно захочет послушать и подойдет ко мне поближе. Тогда я обязательно его поймаю!

Я смотрю на дядю, а он все играет. Одну, потом другую мелодию. Потом еще одну. Я протягиваю руку.

– Я тоже хочу попробовать! Дайте и мне!

– Хочешь сыграть? Ну держи, – улыбается он. И протягивает мне эту штуку. – Это – губная гармошка.

Я беру ее в руку. Точно так же, как и он, я начинаю водить ею по губам. Но у меня ничего не выходит. Совсем. Гармошка молчит. Наверное, Пантелеич знает какое-то великое заклинание. Наверное, он волшебник!

– Не так, – смеется он. – Видишь, дырочки, – он показывает мне два ряда крошечных дырок. – В них надо дуть. Смотри! – Он снова берет гармошку в руки, набирает воздуха в грудь и начинает дуть.

Гармошка играет. Здорово.

– Теперь я. Дайте попробовать и мне? – прошу я.

Пантелеич протягивает мне гармошку. Я беру ее в руки. Начинаю дуть, и она играет. Теперь я знаю это заклинание! Теперь я тоже волшебник!

Сначала у мне получается плохо. Мне не нравятся звуки, которые выходят из губной гармошки. Они противные. Но я стараюсь. Я пытаюсь еще и еще. Я забыл про все. Про то, что я один. Про то, что я люблю смотреть в окно. Я играю. Скоро у меня начинает получаться. Мне начинает нравиться моя музыка!

Пантелеич куда-то выходит. Скоро он возвращается. Несет три чашки чая.

– Угощайтесь, на здоровье. Специально попросил проводницу травок моих добавить. Я сам сибиряк. В поход ходил. Возвращаюсь вот домой. Всегда с собой травы беру свои. Чуть что – первое лекарство. Хоть тебе и простуда, хоть температура, да хоть что!

Я отрываюсь от гармошки. Пробую чай. Вкусный! Очень! Я еще никогда не пробовал такого. Мне нравится этот дядя. Бабушке тоже. Они о чем-то долго-долго разговаривают, пока я играю на гармошке.

Пантелеич

Тяжелый поход выдался в этот раз. Но все равно хороший. Обычно ухожу на Урал, а тут решил в Карелию податься. Кто бывал там, говорят, места красивые. Решено, значит. Я – человек на подъем легкий. Решил, рюкзак собрал и пошел. Поездом до Москвы, потом уже и в Петрозаводск.

Москва не понравилась. Куда-то там бегут все. Какие-то. в себе. Каждый на соседей исподлобья поглядывает. Боится, а не удумал ли тот чего. Толкучка жуткая!

Из метро на улицу вышел, мать честная: все вокруг мигает, сверкает! А машин прорва! Как же тут жить-то? Мне все любопытно. Дай огляжусь, думаю.

Остановился, так меня со всех сторон толкать давай. Встал тут, мол, мешаешься. Плюнул на все и снова в метро. До вокзала добрался, а тут и поезд мой. Сел да поехал.

Обратно думал самолетом лететь, да передумал. Поездами оно привычней как-то. Да и с людьми пообщаешься. Страсть как люблю я это дело. В самолете особо и не разговоришься. Там занятые все. А в поезде – пожалуйста. Главное, люди хорошие чтобы попались.

Эти вроде ничего. Внучок с бабушкой. Парнишка только странный какой-то. Меня как увидал, перепугался. Забился в угол купе, глаза распахнул, смотрит. Пригляделся я, смотрю, даун. Оттого и боится. Дауны, они странные люди. Вроде, как мы, а все же другие. Я не про то, что глупее. Другие они, как с планеты другой. У соседа дочка Иришка – тоже даун. Уже двадцать скоро, а до сих пор ребенок. И главное, добрая. Иной раз, бывает, на улице встретишь, так она издалека увидит, смеется, руками машет: как вы, дедушка Вадя? Да со мной внуки так не разговаривают. Все больше по делу. Деловые. Все денег хотят заработать побольше. Так сколько не бейся, всех не заработаешь. А сколько не заработаешь, все мало будет. Плавали, знаем.

А как настроение плохое или чувствуешь неважно себя, так она первая и заметит. «Что с вами, дедушка Вадя? Вам нехорошо?» И улыбается. Как-то, помню, после похорон друга домой шел. Настроение – никакое. А тут она навстречу. «Дедушка Вадя, нельзя таким пьяным ходить». Ну я не выдержал. Сорвался. Словами обругал ее последними. Со стыда утром, думал, провалюсь. Ну чего она такого мне сделала, что наорал на нее? Утром из дома выполз как-то. Нехорошо, мутит.

Смотрю – она. Ведро воды тащит мне, а на шее полотенце накинуто. «Как папка пьяный домой приходит, мамка его с утра водой отпаивает. Дедушка Вадя, давайте я сегодня женой вашей буду?» Ну что ей сказать? Промолчал. Стыдно посмотреть даже. Просто давай воду хлебать. А она мне: «Мамка, как папка воды напьется, полотенцем его бьет и кричит. Дедушка Вадя, сегодня я жена ваша». Расхохотался я тогда: «Бей, – говорю, – дурня старого». Ох она меня полотенцем тем отстегала. «Будешь, – говорит, – пить еще? Будешь?»

Пообещал тогда, что больше не буду. С тех пор и не пью.

Вот и этот сидит, перепугался. Ну я гармонику свою достал, дай, думаю, сыграю. Иришка-то любит, когда я играю. Может, и этому мальцу понравится.

Как начал играть, глаза у него аж загорелись. Гляжу, уже и смотрит на меня по-другому. Чудные вы оба. Что ты, что Иришка. А еще удивил он меня, когда гармонику взял. Сыграть попробовал. Сначала, понятно, ничего не получается. Потом, слушаю, мелодии какие-то выводить начал. Эх, раньше бы его встретить! Кто знает, может, второй Бетховен вырос. Я-то все чьи-то играю мелодии. Те, что выучил когда-то. А он. Он своих навыдумывал! И не просто звуки какие-то. Песни красивые такие, что аж за душу берут! Композитор!

А бабушка его, Надежда Владимировна, душевный человек, оказывается. Все два дня, пока мы ехали, разговаривали с ней. Ох и натерпелась она! Выговориться давно надо было ей, да некому. Все в проблемах своих. А тут я. Душевная женщина, а еще уставшая и одинокая.

Бабушка

Уж и думать не думала, что человека такого встречу. Выслушает, посоветует. Сердечный, что там говорить. Где же ты раньше был, Пантелеич? Как нам тебя с Костиком не хватало.

Костик

Всю дорогу бабушка с Пантелеичем разговаривали. А я играл на гармошке. Это просто! А еще красиво. Пантелеич научил меня нескольким красивым мелодиям. Потом – я его своим. Правда! Я придумал несколько песен. А Пантелеич их выучил и начал играть. Они ему понравились.

Потом мы приехали. Бабушка сказала, что нам пора выходить. Но почему? Зачем?

– Нам же так хорошо с Пантелеичем! Но ему надо ехать дальше. Бабушка, давай пригласим его к себе! Или давай поедем вместе с ним! Я еще придумаю мелодий. Красивых! Я буду учить им Пантелеича, – я пытался уговорить бабушку.

Она меня понимала, правда. Но поделать ничего не могла. Ей тоже понравилось с Пантелеичем. Иначе она не разговаривала бы с ним так долго. И ему. Только мы должны были остаться, а он – ехать дальше. Это обряд: делать то, чего не хочешь. Обряд слушаться того, что говорят билеты!

Я понял, что мы расстанемся. А еще то, что мне надо отдать губную гармошку! Но у меня так здорово получалось играть! Мне так понравилось! Всем понравилось, как я играю. Всем: бабушке, Пантелеичу. Я заплакал. Бабушка стала утешать меня. Она говорила, что купит мне такую же гармошку в ближайшем магазине. Но вдруг она будет плохой? Вдруг она не сможет так же

здорово играть? Но эта гармошка – не моя. Я должен вернуть ее. Но я хочу помнить Пантелеича. Я хочу, чтобы что-то напоминало о нем. Я боюсь: а вдруг я забуду его?

Пантелеич меня понял. В это время тепловоз загудел. Он хотел, чтобы все вернулись на свои места. Он должен был ехать дальше. Мы уже прощались на перроне. Бабушка благодарила Пантелеича. Он – бабушку. Это тоже обряд. Всегда надо говорить «спасибо» и «пожалуйста». Взрослые так и поступают. И Оля. А Сережа с папой – нет. Наверное, потому они теперь такие одинокие. И я одинокий. Я уже понял это. Поэтому я держу в руке свой ярко-оранжевый мячик. Бабушка знает, что он для меня важен. Поэтому она достала его из шкафа. И взяла его с собой. Она дала мне его сейчас. Она поняла меня!

Проводница позвала Пантелеича. Поезду надо ехать дальше. Как жалко! Я не хотел, чтобы он уезжал.

– Не переживай, хлопчик! Все хорошо будет у тебя, – потрепал меня по голове Пантелеич. – Это тебе. Держи!

Протянул он мне свою гармошку. Потом живо запрыгнул в вагон, и поезд тронулся. Наверное, он специально ждал этого момента. Наверное, гармошка ему очень дорога. Как мне оранжевый мячик. Но я не могу, чтобы он расстался со своим другом! Бабушка как раз отпустила мою руку. Я побежал за вагоном. Я протянул свой мячик Пантелеичу.

– Возьмите! Он тоже мне очень дорог. Как вам гармошка!

Пантелеич

Все, что осталось дорогого у меня, – гармоника эта да рюкзак. Я сначала обрадовался, когда мальчуган на ней играть начал. Потом, когда выходить им с бабушкой время пришло, понял: нельзя отбирать ее. А жаль как! Уж и не знал что делать. Хоть ты сквозь землю провались!

Бабушка, понятно, говорит ему, что нельзя чужие вещи забирать. Да и он сам понимает. Не глупый. Тянет мне ее, а сам, гляжу, вот-вот расплачется.

Потом прощались. Я ее адрес записал, она – мой. Спишемся. Глядишь, и в гости к ним заеду. Хотя вряд ли. Смотрю на нее и понимаю: не свидимся мы больше. Судьба не сведет. На перроне стояли когда, понял: нельзя так. На мальчонку посмотреть – аж сердце щемит. Уже и проводница зовет: отправляется поезд вот-вот.

Решился-таки! Достал гармонику и в вагон. Не передумать чтобы. А он. он следом побежал. Мячик мне свой тянет. Наверное, тоже много он для него значит. Всю дорогу рядом держал. Я сохраню твой мячик, обязательно!

Что же я, дубина старая, имя-то его не спросил? Иришке рассказал бы.

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

– Как зовут-то нас? – В дом вошел здоровенный лохматый дядька. Точь-в-точь как домовенок из мультика! Только гораздо больше и старше.

– Костя, – ответил я.

– Что-то не расслышал. Как бишь тебя? – наклонился он ко мне поближе. – Старый стал совсем, тугой на ухо – страсть!

– Костик, – подсказала ему бабушка.

– Ну будем здоровы, Костик, – улыбнулся дядька. – Меня Михалычем кличут, – он протянул мне ладонь. – Будем знакомы. Бориса сыночек с Юлей-то?

Бабушка грустно кивнула головой.

Это его обряд. Жать руки. Я это понял. Я протянул ему свою ладонь. Он крепко сжал ее и несильно потряс. Хороший обряд! Мне он понравился! Правда.

– А сколько лет-то тебе Костик? – снова спросил Михалыч.

– Девятнадцать, – за меня ответила бабушка.

– Девятнадцать?

– Девятнадцать, – кивнул я.

– Мать честная! Я а все Костик да Костик! Дубина старая! – Михалыч шлепнул себя ладонью по лбу. – Константин, стало быть. Константин Борисович. Никак нельзя в таком возрасте без отчества. Потому как порядок такой. А я – просто Михалыч, – вновь протянул он мне свою ладонь.

Михалыч

Мальчуган-то того, шустрый. Толковый, хоть и говорят про него всякое. А и пусть говорят. Все попусту. Про меня вон тоже говорят все кому не лень, я мне с того не худо и не хорошо. Ну и пусть! Хоть время займут, раз заняться больше нечем.

Напуган он, конечно, как без этого. Ну да и мы – не дураки, чай. Понимаем. Я-то чуть было не поперхнулся, когда Надежда ко мне в ту ночь пришла. В слезах, растрепанная. И сказать-то толком ничего не может, только и шепчет: «В город мне надо, Михалыч, в город». Ну, ясное дело, никак тут не откажешь. «Да какие деньги, Надежда? Убери их. Мне и брать-то их с тебя страсть как стыдно!»

Усадил, значится, на поезд – она и уехала.

Почти два месяца ни слуху ни духу, и тут – на тебе, с внучком приехала. Я уж и так и сяк думал, потом решил-таки: «Дай, – думаю, – навещу. Соседи, как-никак. Хоть на внучка взгляну, познакомлюсь».

Тут пустобрехи разные болтают всякое. Даун, мол, больной. Больной, так вылечим! Даун – имя странное, ну и ничего. Главное, чтобы человек хороший был.

К дому их подъехал, смотрю, народ-то вокруг собрался. Шушукаются о чем-то. Надежда, мол, дауна привезла. И давай чушь молоть всякую. Аж слушать противно! Ну понятное дело, разогнал я ведьм этих старых. Не люблю, когда народ языками попусту мелет. Страсть как не люблю! Разогнал, значит, их всех, кепку поправил и к Надежде в дом.

Надежда суетится, понятное дело. Ей без этого никак нельзя. Обрадовалась. Не ждала, говорит, в гости никого. Стыдно, говорит, страсть как, что сразу не показала внучка.

Да будет тебе, Надежда! Что я, не понимаю? Гостя сначала устроить надо у себя. Накормить, напоить, дать отдохнуть. Потом уже с соседями знакомить. Положено. Порядок потому как такой. То я без приглашения приехал. Так за это извинения прошу. Гостинец вот тоже привез. Потому как нельзя в гости с пустыми руками. Порядок потому как такой!

Я чего приехал-то. Человек новый появился, занять чем-то надо. Нельзя гостя без внимания оставлять. Положено гостей с почетом встречать, чин-чином чтобы все. Ты вон, Надежда, как с утра уходишь в огороде своем копаться, так до вечера и не сыскать тебя. Это что же, ему теперь с утра и до вечера самого в земле ковыряться? Не для него это дело. Не мужское оно. А сам, значится, мальчугану и подмигиваю: «Вот как на тракторе прокачу тебя, на рыбалку свожу, уху делать научу да на мотоцикле кататься, так сразу поймешь, что такое жизнь настоящая!»

Да ты не робей, хлопчик! Здесь хорошо! Тебе понравится, Константин Борисыч. Потому как не город это. Есть где развернуться!

Бабушка

Вот уж и не думала, что Михалыч сам придет познакомиться с Костиком. Только приехали, а уже и слух прошел: Надежда, мол, дауна привезла. Все на улицу повысыпали. Интересно всем поглядеть. Он вам что, зверь в зоопарке, что ли, чтобы на него пялиться? Перепугали Костика до полусмерти. Он в комнату забился от окна подальше. А эти-то ничего, стоят, ждут, когда выйдет. Старухи в основном-то древние. Ну, чего им по домам-то не сидится!

А я на Костика гляжу и не знаю, что делать с ним. Тут особо не разгуляешься. Вся деревня – пять домов. Все жители – старики. Хоть бы один ребенок был, уже веселее было бы. Я вон в огороде весь день ковыряюсь. С собой тебя каждый день водить, так скучно тебе здесь будет. С соседями знакомить.

А тут на тебе – Михалыч пришел. Соседок-то поразогнал живо. Руками машет, кричит. Уж и слушать меня не стал, сразу с Костиком возиться. Разговаривает с ним, рассказывает, показывает что-то. А Костик-то и говорить не умеет, так Михалыч того и не замечает! Словно понимает он все, что внучок-то ему говорит.

Костик

Мамы не стало, когда снег только-только растаял. С тех пор многое изменилось. Наступила жара. Я переехал к бабушке в деревню. Папа не хотел меня отпускать. Он боялся, что останется один. Кто тогда будет слушать его рассказы про работу? Про Фирсова? Про Сергеева и мистера-дристера? Сережа – вряд ли. Сережа и без того занят.

– Я забираю к себе Костика. Пусть поживет со мной в деревне, – объявила бабушка папе. – С Татьяной Владимировной я договорилась, она будет приходить к вам, готовить, делать уборку и стирку. Раз в два месяца буду приезжать я.

– Побудьте с нами еще, нам нужна ваша помощь, – как-то растерянно бормотал папа. Первый раз я его видел таким: растерянным и маленьким. Нет, папа большой. Очень! Он, как гора. Я едва достаю ему до плеча. Но сегодня он – маленький. Рядом с ним – Сережа. Мрачный и какой-то потерянный.

– Помощь нужна ему, – бабушка потрепала меня по голове. – А вам нужен кто-то, кто бы обстирывал вас и готовил. Это и Татьяна сделает.

– Но с Костиком столько мороки, – не сдается папа. – За ним надо постоянно приглядывать. Лучше подыскать для него какой-нибудь престижный интернат, чтобы он был среди таких же, как и он сам. Давайте он останется с нами. Мы найдем для него место.

Мне это странно. Он не любит возиться со мной. Очень не любит. Но он хочет, чтобы я остался в городе. Не хочет, чтобы бабушка забирала меня от него. Почему взрослые такие странные?

– Все бы вам спихнуть на кого-то, – бабушка протерла глаза. – Если с кем морока и есть, так это с вами двумя. Не умеете вы ни о ком думать, кроме самих себя. Вдвоем поживете, ничего вам не сделается. Поумнеете, глядишь, хоть чуть-чуть. А Костика отдать куда-то – не позволю. Он мой внук и, между прочим, один из твоих сыновей. Оставить у вас – не оставлю, погубите вы его. Да и сама не останусь. Душно мне в городе вашем. Хотите если, сами приезжайте ко мне погостить. Отдохнете от суеты этой. Глядишь, и подобреете чуть. Человеками станете.

Больше они не разговаривали. Именно в тот момент я понял: в жизни папы и Сережи для меня нет места. Не потому, что они плохие. Нет! Они хорошие. Просто в их жизни нет места ничему непонятному. А я. Я не такой, как они. Я – непонятный.

Сережа

Матери не стало. Она умерла. Все покатилось куда-то. Куда? Да черт его знает! Раньше мы были кому-то нужны. Кто-то ждал нас дома. А сейчас дома пустота. Пустота и еще что-то непонятное. Что-то холодное и страшное.

Мама умерла, и мы с отцом начали ссориться. Диплом защитил, целыми днями на работе. Домой, понятно, прихожу уставший, злой. А тут тебе отец со своими мистерами-дристерами, Сергеевыми, Фирсовыми грузит. Тот дурак, этот – слюнтяй, другой – выскочка. Видел я уродов этих. Вспоминать не хочу даже. А отцу пофиг. Ему надо, чтобы выслушали его. Да что у меня, своих проблем не хватает, что ли? Тут одних отчетов понавешали – мама не горюй! Ладно бы что по делу! А то потребительская удовлетворенность, известность торговой марки. Сиди, короче, бумажки перекладывай. Да я практикантом у отца работал, отчеты в сто раз серьезней делал!

Злой, короче, как собака. День отца послушал, другой, третий. Потом сорвался. Потом он на меня. Разругались, короче, в дым.

Хорошо, хоть Костян в деревню уехал. Мороки меньше. На том спасибо. Урод! Взял вчера, и файлы мои стер с компа. Я их, между прочим, всю ночь делал. Отошел от компьютера на пять минут. Кофе заварить надо было. А этот дурак полез по клавиатуре руками бухать. Тоже мне, игрушку нашел! Дурак! Еще и мимо корзины ухитрился!

Думал, башку ему оторву. На работе, конечно, отымели. А вечером отец снова про своих баранов грузить давай. И это он так мать грузил каждый вечер? Дурдом! Жизнь собачья какая-то пошла, короче говоря!

Бабушка

Сначала, конечно, непривычно ему было. Новый дом, люди новые, другие привычки. Раньше он жил в городе, так на него внимания никто и не обращал. А здесь все чудно, что в новинку. Вот и пялятся на него все, кому ни лень. Потом – ничего. Привыкли, да и Костик успокоился. Уж как я рада, что забрала его из города. Мать умерла, так вконец осатанели эти двое. Домой вечером хоть бы и не приходили. Оба мрачные, надутые. Друг на друга фыркают, а потом по очереди ко мне в жилетку плакаться бегут. На работе им, видите ли, плохо. На жизнь жалуются. Да что вы знаете о жизни? Немудрено, что Юлю в гроб загнали! Попробуй-ка, послушай это целыми днями!

Мы уезжали – хоть бы проводить приехали. Так ведь нет. Занятые. Часа им жаль. Да что он изменит, час-то этот? Оленьке спасибо, пришла, помогла. Без нее совсем тяжко было бы. Как родная стала она мне за это время. Спасибо тебе, родная моя!

Костик

Сначала мне было непривычно. Я не знал, что можно просыпаться раньше солнца. Или что молоко бывает таким вкусным. Или что люди такими добрыми. С тех пор прошло совсем немного времени. Совсем чуть-чуть, но я уже не скучаю по дому. Только по маме. И по Оле. Их не стало и стало одиноко. Впрочем, не совсем.

У меня появился настоящий друг – Михалыч. Он хороший. И он любит меня. Не маминой любовью, нет. Он просто. Он не замечает, что мы – разные. Он проводит со мной много времени. Вместе мы ходим на рыбалку. Я понял, что очень люблю это занятие. Так здорово закинуть удочку в воду и наблюдать за поплавком. Я сижу рядом с Михалычем. Не свожу глаз с поплавка. Я жду, когда рыба увидит червячка и решит его съесть. Как только она заглатывает крючок и начинает его тащить, я кричу:

– Клюет, тяните!

Михалыч выдергивает из воды сверкающую рыбину.

– Ого, Константин Борисыч! Гляди, какую рыбину выловили!

Затем мы идем к бабушке. Михалыч важно рассказывает, как я поймал рыбу.

– Мне-то, слепому, уже ни за что не углядеть. А он молодой, зоркий. Глядь – и увидал поклевку. Ну и говорит мне: «Клюет, Михалыч, тяни!» Я и дернул. А там окунек. И еще лещик. И карась. Хороший рыбак ваш Костик!

Иногда Михалыч берет меня с собой на работу. Мы забираемся в кабину трактора и едем куда-то далеко-далеко. Всю дорогу Михалыч не умолкает ни на минуту. Он разговаривает со мной. Он понимает меня.

– Вот, Константин Борисыч, сейчас привезем комбикорма, хрюшки тебе спасибо скажут. Любят они его страсть как! Так и скажут: «Спасибо тебе, Константин Борисович, что такого вкусного комбикорма привез». Как они скажут? – подмигивает он мне.

– Хрю-хрю! – радостно отзываюсь я.

– Правильно, – важно кивает он головой, – так и скажут.

И мы продолжаем свой путь.

– Вот, помню, год был, я в санаторий попал. Давно. Уже и не вспомню когда. И колхоз уже расформировали лет десять как, а до того еще столько же прошло. Так вот, помнится, санаторий в Бердянске был. Профилактический! Лечиться ездил. Как раз тогда спину прихватило. А прихватило, надо сказать, страсть как! Ни лечь, ни встать! Так меня срочно и отправили лечиться. Как лучшего тракториста: «Поезжай, говорят, Михалыч, подлечись.

Ты нам в колхозе страсть как нужен!» Ну, комнату оформили, как положено, в корпусе. Кормили, процедуры там всякие. Так вот, утром, бывало, выходишь на балкон, а там море. Красота! Даже фотографическая карточка есть! Ты когда-нибудь видел настоящее море?

– Нет, – качаю я головой.

– Море надо видеть. Хоть раз в жизни. Вот, как озеро, только больше гораздо. Огромное, надо сказать – страсть! Куда ни глянь – всюду вода. Солонющая! Как-то раз нырнул, а меня волной вглыбь и оттащило. Так я воды нахлебался, пока доплыл. Страсть! А теперь туда и не попасть. Теперь это государство другое. И колхоза нет. А место хорошее было! Страсть как обидно!

Михалыч все говорит и говорит. Но мне приятно его слушать. Он – добрый. А еще он обещал показать мне фотографию с моря.

Много раз я видел такие фотокарточки. Папа и Сережа ездят туда очень часто. Несколько раз в году. Каждый раз привозили они фотографии моря. Но для них это было обычно. Для Михалыча – событие. Они мало что рассказывали про свои путешествия. То, что рассказывали, мне было не интересно. Михалыч же все говорил и говорил. Только с его слов я мог представить себе, что это такое: море. Это много-много соленой воды. Это место, где всем хорошо. Это место, где у всех хорошее настроение. Это место, про которое хочется вспоминать снова и снова.

Сегодня я иду в гости к Михалычу. Он покажет мне свою фотографию. Он покажет мне свое море. Я жду этого момента.

– Будьте здоровы, уважаемые! – слышу я знакомое приветствие.

Это пришел Михалыч.

– Надежда, мое почтение вам. Ну, Константин Борисыч, ты готов?

– Готов! – отзываюсь я.

– Вот и славно, – улыбается тот в ответ. – Поехали!

Михалыч живет в другой деревне. Довезти туда может только трактор. Но сегодня Михалыч приехал на рыжем мотоцикле. Меня усаживают в коляску, и мы трогаемся. Еще никогда до этого я не ездил на мотоцикле! Я и не мог себе представить, что это так здорово! И пусть в коляске трясет. Пусть ничего не слышно из-за шума. Не важно! Ветер бьет в лицо, двигатель фырчит, Михалыч что-то рассказывает. Я радуюсь. Я представляю, что лечу!

Мне доводилось летать. Часто. Только это было во сне. Я летал чуть-чуть, всего несколько мгновений. Потом просыпался оттого, что мне делалось страшно. Каждый раз после таких полетов сердце стучало громко-громко. Тогда я понял: летать – плохо. Но теперь я знаю, что это не так. Летать здорово! Особенно в коляске рыжего мотоцикла. Если рядом Михалыч. И ни капельки не страшно. Ни капелечки!

– Ну все, хлопчик, приехали! – объявляет Михалыч.

– Я хочу еще! Прокатите меня еще!

– Что, понравилось?

– Было так здорово! Михалыч, прокатите меня еще!

– Нам еще обратно ехать, так что ты не переживай, Константин Борисыч!

Домик Михалыча стоит в стороне от дороги. Серый и покосившийся, как избушка Бабы-яги. А еще – совсем крохотный. Мы заходим вовнутрь. Здесь все как в сказке! Маленькая лесенка. Стены с коврами, печка. А еще несколько картинок в углах, точь-в-точь как в тех белых домах.

– Ну вот, Константин Борисыч, это и есть мои хоромы, – говорит Михалыч.

– Здорово!

– Нравится? Любой дом он с душой должен быть. Нет души, и дом не дом, а хибара. Страсть люблю, когда дома уют!

В доме Михалыча каждая вещь имеет свою историю. Ни одной лишней. Он долго рассказывает про каждый предмет. Объясняет, откуда он взялся и сколько ему лет. Мне кажется, что это не просто вещи. Нет! Это все живые существа! Возможно, оттого в его доме так уютно!

Михалыч накрывает на стол. Он угощает меня щами. Никогда до этого не ел такого вкусного супа! Когда мы все съели, он вытер стол и вынес толстый фотоальбом.

– Ну, Константин Борисыч, давай-ка фотографии посмотрим. – Одной рукой снимает он со стола клеенку. Потом аккуратно кладет его на стол.

Я смотрю за ним. Я жду, когда же увижу настоящее море!

Когда-то мы часто ходили с мамой в цирк. Тот, что был недалеко от нашего дома. Я обожаю цирк. Мама всегда покупала мне сладкую вату. А еще шоколадку и ситро. Мы задолго занимали места, и я начинал ждать! Я ждал, когда начнется цирк. Это само по себе чудо: только что была пустая арена. Было тихо и безлюдно. Потом кто-то взмахивал своей волшебной палочкой – такой, как у Незнайки! Один взмах – и все изменилось! На сцену выходят люди, звери, клоуны. Всем

детишкам нравились клоуны. Мне – нет. Они падают, поскальзываются, на них то и дело что-то валится. Все ради того, чтобы зрители смеялись. Как в этих фильмах, которые так любит Сережа. Мне жаль их!

Но вот клоуны уходят. На сцену выходят настоящие волшебники! Они вынимают из шапок букеты! Они заставляют трости летать, они распиливают людей пополам. Они могут все! Я мечтал встретиться хотя бы с одним из них! Хотя бы разок! Я бы попросил его расколдовать меня! Сделать обычным мальчиком. Мне это не удалось. Наверное, эти волшебники живут где-то далеко-далеко. И приходят в цирк только для того, чтобы удивить нас. А потом уходят обратно.

И вот я сижу у Михалыча. Я жду, когда он раскроет свой альбом. Я жду, когда он покажет мне настоящее море. Жду, как тогда ждал волшебства от фокусников в цирке. И вот оно. Свершилось! Альбом открыт. Я вижу фотографии Михалыча.

Как и все в его доме, фотографии в альбоме живые. Черно-белые, пожелтевшие от времени; вряд ли Сережа или папа стали бы хранить такие. А у Михалыча хранятся. Он бережно перелистывает страницу за страницей. Рассказывает мне про каждую из карточек. Вот он рядом с огромной металлической машиной. Она такая большая! Как гора! А Михалыч управлял ей. Он управлял этой горой!

– Мой Т-62, – гордо заявляет он. – Пять лет в нем отколесил, потом уволили из армии. По состоянию здоровья. «Ты, – говорят, – Михалыч, долг свой перед Родиной выполнил, теперь она о тебе позаботится». Определили меня в колхоз этот трактористом. А мне большего и не надо! – перелистывает он страницу.

Я вижу веселого дядю. Он машет кому-то рукой из кабины трактора. Я вглядываюсь и вижу, что это Михалыч. Только без бороды. И молодой.

– Лучшим трактористом был. Уж значков сколько, а грамот! Вот Нинка моя-то. – На следующей карточке – молодая женщина, так похожая на маму. – Заводная была! Как пела! А танцевала страсть как ладно! Уж никого в деревне не было, кто лучше нее пляски плясал. Уж ее и на районные выступления возили. Танцовщицей от колхозу-то нашего. Гордился за нее, страсть как! Я-то, когда из армии уволился, холостой был. Сюда приехал, так на меня поначалу-то и не смотрел никто. Ну какой из тебя жених в тридцать пять лет, говорят? Обидно было, страсть как. Только вот Нинке и приглянулся. Она-то не ровня мне по годам-то. Первый раз увидел ее, так ей восемнадцать только-только стукнуло. Ну я, понятное дело, пока обжился, пока туда-сюда, год-то и прошел. А тут и я готов в дом свой ее вести. Так и поженились. Ладно мы с ней жили, страсть как! Только схоронил ее пять лет назад тому. И сынок наш вот – МГУ закончил с отличием. Затем еще что-то там. Послом теперь служит в Ве-не-су-э-ле. Вот. А вот, Константин Борисыч, море! – показывает он мне свое сокровище. – Один раз в жизни и видел его.

Я вглядываюсь в фотографию. Вижу пляж, Михалыча и косую полосу воды в углу карточки. Совсем чуть-чуть, но и этого достаточно, чтобы понять: это – настоящее море. Впервые в жизни я хочу увидеть его своими глазами! Этот небольшой клочок соленой воды.

Михалыч

Подружились мы с Костиком страсть как! Уж и не думал, что друга себе такого найду под старость-то! Дожил до седин, а друзей-то и не осталось. Кто умер, кто спился. Кто и в город утек. Жизнь такая стала, что и нечего в деревне делать. Скука одна! Мне-то старику – куда там бежать? Вот и сижу здесь на тракторе, фермеру служу. Получаю неплохо, да тут и пенсия.

Да и сынок-то, спасибо, не забывает. И денег присылает, и открытки шлет на Новый год да на 23 февраля. Не приезжает только. Мне-то его страсть как повидать хочется! Да только не положено ему, потому как пост ответственный. Уж и тоска взяла, страсть какая, а тут – на тебе и подарок такой: Надежда внучка привезла.

Страсть он как на Славку моего похож! Такой же глазастый, такой же бойкий. Только Славку я последний раз лет двадцать назад как и видел. Не положено ему отвлекаться от дел своих. Порядок потому как такой. Ну да и мы не дураки, понимаем все: нельзя человека от дел важных отвлекать. Хотя соскучился страсть как!

Ну, так нам и с Константином Борисычем вдвоем хорошо! Гостей принимать положено по-царски. Порядок такой. Вот я его и на рыбалку, и в поле на тракторе, и на мотоцикле. Страсть он как любит на мотоцикле кататься! А и мне, старику, в радость.

Второго дня фотографические карточки показывал ему. Жаль только, со Славкой всего две у меня. Школьные которые. Фотограф из города приезжал, фотографировал отличников.

Я вот тоже карточку фотографическую сделать хотел, страсть как. Пленку купил даже с фотоаппаратом, да все не до того было. А потом Славка в институт поступил московский. Уехал, да больше и не приезжал в деревню к старикам.

Костик

Мы посмотрели все фотографии. Теперь пойдем рыбачить на пруд. Специально для меня Михалыч сделал небольшую удочку.

– Вот, Константин Борисыч, и тебе удочка. А то я сам только и рыбачу, а ты рядом сидишь. Несправедливо. Вот сейчас пойдем с тобой и вместе рыбу ловить будем.

Мы сидим на деревянном мостике. Свесили ноги вниз. Следим за поплавками. Почему-то на мою удочку ничего не ловится. А Михалыч вытаскивает одну рыбину за другой. Но мне не обидно. Ничуть. Мне нравится просто сидеть здесь. А еще мне хорошо оттого, что Михалыч рад. Он даже что-то напевает! Жаль только, у нас совсем мало времени. Солнце садится, значит, нам скоро ехать домой. Я бы с радостью остался здесь! Мне так хорошо! Но нельзя: бабушка будет беспокоиться. Мне пора. Михалыч словно чувствует. Он вытаскивает удочку.

– Пора нам ехать, – поднимается Михалыч. – Надежде обещал тебя к десяти привезти домой. Обещал – значит, надо делать. Порядок потому как такой.

Я так хочу побыть здесь еще! Но я не спорю. Я знаю: бабушка ждет. Если мы задержимся, она будет переживать. Ей будет плохо.

– Вот, Константин Борисыч, наловил-то страсть сколько рыбы! – слышу я довольного Михалыча. – Даже больше, чем я.

И действительно, в моем пакете много-много рыбы. Даже больше, чем у Михалыча. Наверное, это Хозяин Оранжевого Мячика передал мне привет. Впрочем, теперь я догадываюсь, кто он такой.

Михалыч может все. Правда! Он ловит рыбу. Ездит на мотоцикле. Даже показывает волшебные штуки. С картами, с монетами. Даже с обгоревшей спичкой. Это мой любимый фокус. Михалыч знает это. Он показывает его чаще всех остальных.

Сначала он рассматривает спичку, перед тем как зажечь ее. Затем сильно-сильно ударяет ей о коробок. Она загорается. Это чудо! Столько раз я пробовал сам зажечь спичку! Я все делал точь-в-точь как Михалыч. Правда! Я доставал спичку из коробка. Я брал ее и бил черной шапочкой по коробку. Почему-то она не загоралась. Я знаю почему. Потому что это умеет делать только Михалыч. Это – его тайна.

Михалыч дожидается, когда спичка сгорит до середины, и гасит ее.

– Смотри, Константин Борисович, – подмигивает он мне. – Сейчас я поймаю ниточку и сорву головку со спички.

Он поднимает руку вверх. Он что-то ищет в воздухе. Он ловит невидимую ниточку! Он хватает ее пальцами. Он быстро делает петлю вокруг обгоревшей половинки. Он резко дергает за невидимую нить. Головка спички отлетает в сторону!

Когда-нибудь я тоже буду так уметь! Обязательно. Я научусь зажигать спичку и ловить эту невидимую ниточку. А пока я снова и снова прошу Михалыча повторить этот волшебный фокус. Я снова и снова смотрю за каждым его действием. Я снова и снова пытаюсь увидеть момент, когда в воздухе получается ниточка.

Во дворе у Михалыча стоит покосившийся сарай. Почему-то он всегда закрыт. Даже когда Михалыч рядом. Мне это странно. Когда мы приезжаем к нему в гости, он открывает все двери. Кроме этой. Наверное, там спрятано что-то нехорошее.

– Мне вздремнуть бы не худо. Устал страсть как, – говорит он мне. – А ты пока, Константин Борисович, побегай здесь. Поиграй. Можешь малины порвать в саду. Или яблок набрать. А я тут, на солнышке, погреюсь.

Он вытаскивает на солнце свое любимое кресло. Что-то напевает себе под нос. Устраивается, укрывается одеялом и закрывает глаза. Кому-то может показаться, что он уснул, но это не так. Если что-то со мной случается, он тут же бежит на помощь. Впрочем, такое происходит редко.

В такие моменты я остаюсь хозяином во владениях Михалыча. Мне любопытно все! Я хожу вокруг деревьев. Пытаюсь понять, почему одни яблоки висят на ветках, другие падают вниз. Вожусь рядом с мотоциклом Михалыча. Я хочу научиться летать! Так же, как это делает Михалыч. Я

захожу в дом и выхожу из него. Хочу понять, почему на улице жарко, а в доме всегда прохладно. Я смотрю в колодец. Мне страшно любопытно, что это за человек там, на дне. Но в колодец нельзя наклоняться. Можно упасть внутрь. Тогда меня уже не смогут достать. Тогда я займу место этого человека на дне колодца. Того, который машет руками.

Потом мне все это надоедает, и я бегу к сараю. Он, хоть и запертый, но старый. Тут и там между досками щели. Иногда они такие большие, что туда можно просунуть руку. Иногда – едва только заглянуть одним глазком. Когда на улице день, я вижу, что внутри стоит какая-то странная штука. Длинный стол с двумя кругами. Один внизу, другой – наверху. Я пытаюсь понять, что это такое, но никак не могу. Наверное, это одна из волшебных штуковин Михалыча. И все же я не сдаюсь. Я снова и снова возвращаюсь к этому сараю, чтобы снова и снова разглядывать эту штуку. Мне страшно интересно, что же это такое. Только Михалыч почему-то не понимает меня.

– Михалыч, что у вас там внутри, в сарае? – дергаю я его за руку. – Я хочу внутрь! Хочу, чтобы вы показали мне волшебство с ней.

– Не надо тебе туда. Там – нехорошее место. Страсть какое нехорошее.

– Но там же так интересно! Там стоит странная штука. Я такой еще никогда не видел! – продолжаю я.

– Пойдем, Константин Борисович, лучше ушицы поедим. А то наварил ее страсть как много, да есть-то и некому.

На этом все заканчивается. Я вижу, что Михалычу не хочется идти туда. Я не могу понять почему. Разве ему не любопытно, что это за странная штука стоит в сарае?

Но, кажется, сегодня ему стало любопытно. Потому что он все-таки привел меня сюда.

Михалыч

С тех пор как Нинка с чердака свалилась, запер сарай я этот. Думал, навсегда. Как вспомнишь, мурашки по коже, страсть одна. Я-то, дурак старый, не углядел. Она тогда с давлением мучилась. И ходить-то не могла толком, за стены держалась, не упасть чтобы. Уж и врача вызвали из города, да только добирался он страсть как долго. Дорог-то у нас и нет совсем!

Уж и отвлекся я всего на минутку. Только слышу, вроде вскрик какой из сарая да удар глухой. Я услышал – перепугался страсть как. Почувствовал: беда случилась. Бросился к сараю, а она на полу лежит. Неживая. И голова в крови вся. То она об круг гончарный ударилась. И вспоминать – страсть.

А еще помню, в руке игрушку держала. Славкина любимая – машинка гоночная. Красная. В Москве ее купил, по случаю премии. За ней она и полезла на чердак. Соскучилась, видать, по Славке-то! А Славка словно и чувствовал: беда идет. Через Прокофьевну, телеграфичку-то нашу,

договорился, что позвонит. Обрадовались тогда, страсть как! Соскучились ведь. То, бывало, в год две открытки, а тут – на тебе, звонить будет! Нинка-то и про давление свое забыла. Со мной вместе ехать решила. Да я и сам рад был! Глядишь, с сынком пообщается, получше-то станет ей.

Приоделись, понятное дело. Я мотоцикл, значит, протер. Порядок потому как такой: в город едешь, изволь при параде быть. Сели и поехали. Долго тогда говорили со Славкой. Я уж Прокофьевну еле уговорил не гнать нас. Уж за полночь закончили! Славка все о здоровье расспрашивал, как живем, чувствуем себя как. Потом обещал карточку выслать, фотографическую. Он, жена да мальчишки их. Уж радовались мы – страсть как! А на следующий день беда и приключилась! Славка-то, как и обещал, карточку прислал. Да только Нинка и не увидит ее. А ждала как она ее! Всю ночь потом не спала. Ну я, понятное дело, порадовать ее решил. Карточку эту фотографическую на могилку ей снес. Пусть порадуется за сынка-то!

С тех пор и близко не подходил я к сараю. Потому что плохое место это. А Константина Борисыча сюда тянет – страсть как. Ну не может его плохое место к себе так тянуть! Ну не может – и все тут. Ну я тогда и решился впустить мальчишку сюда. Страшно было, конечно. Ну да ничего. Переможем! Да и круг гончарный проверю свой. Может, и сделаю чего на нем.

Костик

Михалыч – волшебник! Я не сомневаюсь в этом. Ни капельки. Он самый настоящий волшебник. Теперь я знаю, что искать таких, как он, надо было здесь, в деревне. А я искал в городе.

Михалыч умеет делать горшки из глины! Я смотрю на него. И не дышу. Боюсь пропустить хотя бы одну мелочь. Михалыч обмотал ступни тряпками. Теперь он смешно болтает ногами. Он заставляет крутиться оба круга.

– Давай посмотрим, не разучился ли старик делать кувшины, – улыбается Михалыч. Ему хорошо сейчас. Я вижу. Даже лучше, чем на рыбалке.

– Любил я это дело раньше, страсть как! Все соседи ко мне за горшками ходили. А мне-то и не жалко. Оно, бывает, с колхоза придешь и давай с глиной возиться. Так все соседи ко мне уважительно относились. Потому как специалист большой по этой части был. Потому как положено так – к специалистам уважительно относиться. Ну-ка, посмотрим!

Михалыч накрывает ладонями глиняный комок! И начинает превращать его в пузатый кувшин. Мне хочется уметь, как он. Я хочу научиться превращать глину в кувшины. Но еще больше я хочу просто смотреть на это чудо. Словно зубная паста из тюбика вытекает глина из-под пальцев Михалыча! Еще немного. Еще совсем чуть-чуть! И вот уже на верхнем круге стоит готовый кувшин.

Столько раз я видел волшебников в сказках. Я знаю, они умеют исполнять желания. Я столько лет мечтал встретиться с одним из них! И знаю, чего бы попросил. Чтобы меня начали понимать. И

любить. И чтобы люди вокруг меня стали чаще улыбаться. Перестали вечно куда-то бежать. Это же так здорово: уметь радоваться.

Я помню, тогда шел дождь. Все вокруг было хмурым. Дома, машины, люди. Все куда-то бежали. Или прятались от дождя. Мы с мамой стояли под аркой.

Мы тоже прятались. Мы тоже не хотели промокнуть. Тогда я увидел этот цветок. Он вырос сквозь асфальт! Голубой, как кусочек неба! Тогда мне стало хорошо. Тогда мне стало все равно, что на улице дождь. Все равно, что небо хмурое. Я просто обрадовался.

Я понял, что такие цветы приносят радость. А еще понял, что радость людям не нужна. Все пробегали мимо. Никто этот цветок не замечал. Почему-то всем больше нравилось спешить. А Михалычу больше нравится радоваться. Еще ни разу не видел его сердитым. Еще ни разу не видел, чтобы он куда-то бежал.

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Я уже долго в деревне. С весны. А сейчас – осень. За это время у меня появилось много друзей: Михалыч, баба Валя, соседи. Мне они нравятся. Такие добрые! У каждого всегда найдется гостинец для меня. У каждого есть время поговорить с бабушкой.

Каждому надо с кем-то разговаривать. Бабушка разговаривает с соседями, Михалыч – со мной. Мама разговаривала только со мной. Потом появилась Оля, и мама разговаривала с ней.

Папа и Сережа разговаривали с мамой и Олей. Но мне кажется, что папины и Сережины разговоры маме не нравились. Каждый вечер слушать про Сергеева и про работу? Наверное, это очень скучно. Очень. Маме хотелось просто поговорить! Как с Олей. О погоде, обо мне, об одежде. Но папа и Сережа так не умели. Им так было не интересно.

Здесь все видят друг друга каждый день. Несколько раз в день. И всегда они разговаривают друг с другом. Останавливаются и начинают говорить. И ни разу я не слышал ни про Сергеева, ни про

Фирсова, ни про мистера-дристера! Как жаль, здесь нет мамы! Как бы ей было здесь хорошо! Здесь столько людей, которые умеют просто разговаривать! О чем угодно.

Но даже без нее мне здесь нравится. Здесь здорово! А еще я знаю: мама сейчас на небе. Она видит, что мне хорошо. И радуется вместе со мной. Наверное, она бы радовалась еще больше, если бы здесь был папа с Сережей. Думаю, им бы тоже понравилось! Правда! Вот только о чем они здесь будут говорить?

Здесь не говорят о работе. Зачем? Гораздо интересней пойти на рыбалку. Так здорово сидеть на этом мостике и ловить рыбу! Интересно, разговаривал бы папа здесь о Сергееве и мистере-дристере? Я долго думал над этим. Наверное – нет. Мистера-дристера здесь просто не знают.

О работе хочется говорить только тогда, когда нечем заняться. Как дома. Вечером папа всегда говорил про работу. Только про нее. А потом садился и смотрел свои картинки. Вечером Сережа всегда говорил об институте. Потом садился за компьютер. Оля же о работе не говорила никогда. Наверное, у нее были дела поинтересней. Ей всегда было что делать. Как здесь, в деревне.

В деревне всегда есть чем заняться. Можно сидеть на завалинке и греться на солнышке. Можно собирать яблоки. Они такие тяжелые, что не удерживаются на ветке. Они падают вниз и пытаются спрятаться в траве. Это значит – яблоко готово. Можно ходить за грибами и ягодами. А еще можно просто любоваться закатом. Или играть на губной гармошке.

Михалыч обожает слушать меня. Он смотрит на солнце и молчит. Никогда меня не останавливает. Ему нравится моя музыка. Правда! Наверное, ему жаль, что он не умеет так же. Он пробовал. Много раз. Но у него ничего не получалось. Потому играю только я. Михалыч просто слушает.

– Душевно, страсть как, – вздыхает Михалыч. – Аж слеза пробила. Нинку-то вспомнил по молодости. Мы с ней часто тогда сбегали – в лес, на опушку. Там и сидели до утра. Хорошо было. Но ты не подумай. Ничего такого не было! Потому как нельзя до свадьбы. Потому как порядок такой.

А я слушаю. Слушаю про грозу и молнию, которая расколола огромный дуб на две части. Но как? Молния такая тоненькая! А дуб толстый. Очень. Он такой огромный, что мне не обхватить его руками! Про то, как в лесу они заблудились. Да много про что! Потом Михалыч смотрит на солнце и говорит:

– Ну что, хлопчик, пойдем? Надежда, наверное, заждалась. Нельзя, чтобы она беспокоилась. Не положено потому как.

Мы садимся в рыжий мотоцикл Михалыча и едем. А Михалыч опять что-то рассказывает. Как всегда. Сегодня про то, как он ездил за тракторами в Минск. Я не знаю, где это. Знаю только, что где-то очень далеко. Дальше, чем наш дом. Там, в Москве.

– Тогда и говорят мне: ты и поедешь, потому как лучший тракторист. Уважали меня тогда страсть как. Ну, сказали – значит, надо ехать. Потому как иначе нельзя. Порядок такой. А до Минска далеко! Как до луны!

Я слушаю Михалыча. Пытаюсь понять. Почему, как до луны? Она же совсем близко! Ее хорошо видно. Иногда, кажется, что можно дотянуться рукой. Стоит только забраться повыше. Значит, Минск тоже близко. Но я здесь не видел ничего такого. Совсем ничего. Значит, Михалыч что-то путает? Но ему можно. Он старенький. Да мне и все равно. Мне просто хорошо оттого, что у меня

есть такой замечательный друг! А Михалыч все рассказывает и рассказывает. Я закрываю глаза. Теперь я лечу. Лечу над этим загадочным городом – Минском.

Несколько дней Михалыч что-то колотил у себя в сарае. Я помогал ему. Правда! Я держал доски, подавал инструменты. Я забивал гвозди! Это так сложно! Гвоздь так и норовит изогнуться под молотком. Наверное, ему не хочется забиваться в доску. Михалыч говорит, что надо его придерживать. Но я боюсь. Однажды я уже попал себе по пальцам молотком. Это было очень больно. У меня была даже кровь! А еще я играл на губной гармошке, чтобы Михалычу было веселее.

Каждое утро приезжал он за мной к бабушке. Мы завтракали, садились в его рыжий мотоцикл и ехали к Михалычу. Возвращались поздно вечером. И так – несколько дней. Мы хорошо работали. Правда! И у нас получился деревянный плот! А еще – настоящий парус к нему!

Я часто мечтал управлять кораблем. Нет, не в ванной! И не пультом управления. Настоящим! Таким, как на картине у Сережи в комнате. Белый-белый парусник с алыми парусами плывет по морю.

Люди в полосатых рубашках на его борту. Это – матросы. А дальше, рядом с рулем, стоит мужчина в белом костюме и фуражке. Он смотрит в бинокль. Это – капитан. Так мне рассказывал Сережа. Капитан решает – куда поплывет этот красивый корабль. С тех пор я мечтал стать капитаном этого парусника. Иногда даже больше, чем схватить Оранжевый Мячик.

Теперь моя мечта сбылась. Михалыч исполнил ее.

Хорошо, что погода солнечная. Наверное, это Хозяин Оранжевого Мячика говорил мне: «С мамой все в порядке, Костик. Она в мире, где всем хорошо». Наверное, он хочет напомнить мне про мячик. Я не вспоминал про него с самого приезда сюда. Мне это не было нужно. Совсем! Ведь здесь я еще ни разу не был один!

Мы закончили строить плот в обед. Мне так хотелось сразу же испытать его. Михалычу – тоже. Он тоже хотел побыть капитаном!

– Ну что, Константин Борисыч, испытаем наш плот? – спросил он у меня.

– Конечно! – обрадовался я. – Конечно, испытаем, Михалыч.

Мы дотащили его до озера и спустили в воду. Ура! Он поплыл. Мы с Михалычем запрыгнули на его деревянную спину. Подняли парус. Мы поплыли! Как на самом настоящем корабле. Правда! Я никогда до этого не плавал на кораблях. Никогда. Я даже не представлял, что это так здорово. И пусть его раскачивает из стороны в сторону.

Пусть вода протекает в щели. Главное, у нас с Михалычем теперь есть свой собственный корабль! И мы теперь его капитаны. Мы решаем, куда он поплывет.

– Мы с сыном когда-то такой же делали, – опускает ноги в воду Михалыч. – Намаялись тогда страсть как. Два раза переделывали помню. Первый большущий получился. Так мы его не дотащили до озера-то. Тяжелый получился. Тогда переделами. Поменьше сделали. На воду

спустили; ничего, плавает вроде. На него спустились сами, чуть от берега отплыли, так он и развалился. Страсть сколько смеху тогда было.

Почему плот решили делать? Потому, что сын на Новый год желание загадал: капитаном корабля стать. Никак нельзя было отказать. Потому как порядок такой: загадал кто на Новый год подарок какой, изволь исполнить. В третий раз уже по науке все сделали. Славный плот получился тогда! Уж как ему тогда мальчишки соседские обзавидовались. А Славка такой важный посреди них ходил. Страсть! Потому как капитан. Потому как порядок такой.

Вот и ты у нас, Константин Борисыч, капитан теперь. Только фуражки тебе не хватает. Так то мы сейчас быстро поправим. Потому как никак нельзя капитану без фуражки. Порядок потому как такой.

Михалыч достает газету. Складывает ее, что-то мастерит. Наверное, это очередной его волшебный фокус. Я смотрю на него. Стараюсь запомнить каждое движение. Я даже не успел понять, как из газеты получилась кепка! Самая настоящая!

– Ну вот, Константин Борисыч, тебе и фуражка капитанская, – протягивает он мне ее. Здорово! Теперь я – самый настоящий капитан корабля!

– Никак не думал я, что еще раз доведется плот мастерить, – бормочет Михалыч.

Я рад за него. Ему хорошо! Правда! И мне хорошо. Очень-очень! Я достаю из кармана губную гармошку и начинаю играть. Потом закрываю глаза. Мне кажется, что я на море. В Бердянске. Там, куда ездил Михалыч. Там, где так здорово. Там, откуда он привез эту замечательную фотографию! Я капитан корабля, который плывет по настоящему морю!

С бабушкой я тоже провожу много времени. С ней, конечно, не так здорово, как с Михалычем. Бабушка не умеет катать меня на мотоцикле. Она не любит ловить рыбу, не возит меня на тракторе. Но все равно мне интересно. Особенно, когда мы идем в лес! Мы собираем там грибы и ягоды. А еще – кедровые орешки.

Я люблю собирать грибы. Правда! Это так интересно. Грибы хитрые. Они прячутся под деревьями. В кустах и за камнями. Наверное, они не хотят попасть на сковородку. Я бы тоже не хотел. Но меня никто не собирает. Поэтому я и не прячусь.

Прячутся только хорошие грибы. Плохие наоборот. Они специально растут на видных местах.

Они так и хотят, чтобы их кто-то сорвал. То тут, то здесь я вижу их красные шапки. Но я их не собираю. Я знаю, что они плохие. Им меня не обмануть.

Потом мы возвращаемся домой. Мы моем, чистим, жарим, варим и сушим грибы. То, что получается, – закатываем в банки. И прячем их в погреб.

Я вспоминаю Сережу с папой. Они очень любят грибы. Очень! Вот бы они обрадовались, если бы увидели, что мы насобирали. Но они далеко. Они не увидят. Мне становится жаль их. А еще я понимаю, что скучаю по ним обоим. Очень. Интересно, скучают они по мне или нет?

В эту ночь я долго не засыпаю. Не могу. Бабушка видит это. Она встает. Начинает рассказывать мне сказку:

– Далеко-далеко на Западе, в краях, где и человек-то толком не бывал, есть необычная Долина. Она отгорожена от всего мира высокими – превысокими горами, которые со всех сторон закрывают ее от нежданных гостей, чтобы никто не отвлекал обитательниц от очень важного дела. В Долине живут добрые феи, которые из прозрачных нитей ткут тончайшие ткани. На них наносят удивительной красоты узоры и превращают их в сладкие детские сны. Здесь никогда не бывает ночи, только ясный день. День переходит в теплый вечер и свежее утро. Жизнь в Долине не останавливается ни на минуту.

Я представляю себе эту волшебную Долину. Закрываю глаза и вижу, как феи собирают капельки росы. Когда ведерко наполнено, они летят к королевскому замку. Там феи постарше делают из росы тоненькие-тоненькие ниточки. Тоньше волоска! Нити идут к ткачихам. Из них делают ткани. Их покрывают узорами и превращают в сладкие сны.

– Когда все работы окончены, – продолжает бабушка, – маленькие феи берут готовые покрывала. Они и доставляют каждое из них ребенку. Каждому по одному. Но это не значит, что маленьких фей много. Нет! Просто каждая должна доставить сны нескольким ребятам. Эта работа непростая. Ведь всегда кто-то из детишек может запросто закапризничать. Как сейчас Костик. Он может не хотеть засыпать вовремя. В этом случае фее придется сидеть рядом и ждать. Пока маленький шалун или шалунья наконец не утихомирится. Но, чтобы никого не оставить без снов, кому-то из подруг феи придется взять на себя еще больше работы и лететь, звеня своими прозрачными крылышками, за еще одним покрывалом в Долину. А это не такая уж и простая задача. Поэтому, если ты в следующий раз решишь покапризничать перед сном, подумай о маленьких девочках, которым придется еще раз лететь в Долину, и о том, кого ты оставляешь без сладкого ночного сна.

Я закрываю глаза. Сейчас я засну! Я не хочу, чтобы из-за меня какой-нибудь ребенок остался без сладкого сна. Я не хочу заставлять фею ждать. Правда. Но, если честно, я очень хочу увидеть ее, маленькую фею. Ну ничего. Как-нибудь я лягу пораньше.

Я притворюсь, что заснул, но сам буду ждать, когда появится фея. Тогда я попрошу, чтобы она принесла мне сон про маму!

Наверное, фея меня услышала. Мне приснилась мама. Правда-правда! Она была королевой волшебной Долины, про которую рассказывала бабушка. У нее родился я – первый мальчик за всю историю королевства! Мама защитила меня и не дала выгнать из Долины. Мама всегда меня защищала! Теперь, когда ее нет, меня защищает бабушка. Мама мамы. Меня назвали Феем. Просто маленьким Феем.

В эту ночь я пережил много чудесных приключений! Столько, сколько не переживал за всю жизнь! Я подружился с тремя огромными псами и стариком Мирекомом. Я освободил Горгуля и Старое Привидение. Вернул корону старику-троллю и освободил Долину от злых сил. Наверное, все это мне рассказывала бабушка. Я не помню. Помню только этот сон, как свою собственную историю.

Наверное, этот же сон приснился и папе с Сережей. Иначе, как объяснить, что они вдруг приехали к нам? Они прилетели самолетом, потом сели в такси и приехали в деревню. Никто не ждал их: ни я, ни бабушка, ни Михалыч. Но все равно мы обрадовались. Наверное, они просто устали говорить о работе. Или соскучились по нам. Или и то и другое.

Я просто смотрю на них. Они оба уставшие. Нет, не с дороги. Они просто устали от всего. Им надо отдохнуть. Не думать о работе. Хотя бы чуть-чуть!

Здорово! Значит, мы все поедем на рыбалку с Михалычем! Он научит Сережу и папу ловить рыбу и ездить на мотоцикле. Я – играть на губной гармошке. А еще Михалыч покажет им свой фокус со спичкой и волшебство с глиной. Нам всем будет хорошо. Правда. Побудьте здесь подольше! Мне очень вас не хватало!

Сереже с папой здесь все непривычно. Даже больше, чем мне. Они не могут понять, как это: ехать в магазин в соседнюю деревню. Или ходить за водой к колодцу. Или не ополоснуться с дороги. Но ничего. Им все равно стало легче. Я вижу это. Правда! А чтобы им стало еще легче, я достал губную гармошку. Я решил сыграть им любимую песню Михалыча.

Папа

Прошло всего три месяца, а я почувствовал, что начинаю сходить с ума. Все покатилось в пропасть! Нет, не так, как это происходит в фильмах: мучительно долго. С возможностью десять раз обдумать каждое свое следующее действие. Нет! Разом. В одночасье. Жена, сын, другой сын.

Странно, но я раньше не обращал на Костика никакого внимания. Совсем. Мне он был не нужен. Зачем? У меня был старший сын – Сергей. Моя надежда и гордость. Жена. Моя опора. Теперь нет и их. Жена умерла. С Сергеем на ножах. Разве о таком я мечтал, когда дети еще в сад ходили? Да за что мне все это?!

Надоело все. До смерти. Работа, дом, Сергей. Пошел, билеты на самолет взял до Красноярска. Себе и ему. Захочет, полетит со мной. Не захочет – сдам его в кассу. Я и сам отдохну, развеюсь.

Сначала ходил, фыркал: «Какого хрена я там забыл, в деревне этой? У меня и тут дел хватает». Потом гляжу, тоже сумку собирает. Видать, и ему надоело все это не меньше, чем мне. Ну что же, значит, все не так плохо. До аэропорта, правда, поодиночке добирались. И в самолете в разных местах сидели. Я – над крылом. Он – куда-то в хвост забрался. Ну да и ладно. Мне все равно лучше стало. Легче как-то.

В такси даже заговорили друг с другом. Так, по работе. Впрочем, на эту тему не хотелось говорить. Особенно здесь: деревья, зелень, тишина. Да ну ее на хрен, работу эту. Дайте отдохнуть, как человеку. Сережка, смотрю, тоже как-то не горит желанием ни отвечать про это, ни расспрашивать. В общем, перекинулись парой слов. Таксист, наверное, решил, что мы так, знакомые. Вот бы удивился, узнай, что мы – отец и сын.

В деревню приехали – тишина. Ни машин, ни вывесок, ни шума, ни беготни этой вечной! Боже мой, да где такое еще увидишь? Душа, правда, нет, но и черт с ним. Не для того я столько километров отмахал, чтобы о таких мелочах беспокоиться. На Сережку поглядываю, ему тоже непривычно. Но ничего. Держится.

Вот и Костик. Только теперь я понял, как мне его не хватало! Это же мой сын! Сын, от которого я отказался еще девятнадцать лет назад. Стыдно стало, хоть ты сквозь землю провались! На него

поглядываю, как он, отца-то признает? А он рад, чертенок. Рад, по-настоящему рад отцу своему непутевому. Вы понимаете это? Он мне рад! Как же я пожалел, что не взял игру его любимую. Хоккей этот настольный. Он обожает его. А еще он наш семейный чемпион. Никто его еще не обыграл.

А еще он умеет слушать. Он понимает, что мне надо выговориться. Как тогда. С Сережкой особо не поговоришь. Он себе на уме. Своих проблем у него хватает. Так и разругались.

Вот мы и сидели, пока Надежда Владимировна накрывала на стол. Думали о чем-то своем. И тут вдруг Костик заиграл на гармонике. Не просто задудел, как это обычно дети делают. Нет! Он заиграл. И все продолжал играть. А я сидел и клял себя на чем свет стоит.

Сережа

Как Костяна в деревню увезли, мы с отцом с тех пор и не разговариваем толком. Даже ужин с завтраком каждый сам себе готовит. По очереди. Закончил на кухне возиться – освободи помещение. Дай место следующему. А сам изволь в свою комнату удалиться. Как через границу жили, короче. Тогда нормально это казалось. Сейчас вроде разговаривать начали с ним.

Тут хорошо. Тут нет работы. Не надо о чем-то думать. И можно поговорить хоть с кем-то. Бабушка, хоть и старая, а понимает все. Рассказал я ей и про то, как с отцом тяжело. Про работу свою тоже немного. Хоть выговорился. Есть на свете хоть один человек, которому я не по фигу. Не то что отец. Дома пыжится. Крутой. А здесь, смотрю, момент улучил, сам к бабе побежал. Про своих баранов рассказывать. А она уши-то и развесила. В диковину ей это все. Вот и слушает. По мне – и слава богу. Меня грузить не будет.

Я тогда даже удивился, когда мне отец про билет сказал. Уже когда, казалось, до ручки докатились, отец вдруг билеты на Красноярск взял. Себе и мне. Вот не думал, что мне такое перепадет.

Ну понятное дело, сначала понты я погнул: типа, не полечу. Потом стыдно стало: да что я, ребенок малый в конце-то концов! Да, признаться, Костяна повидать захотелось. Соскучился я по нему, что ли? Уже за день перед вылетом по магазинам бегал. Кому сказать, не поверит: мячик оранжевый искал. Такой же, как у него был. Захотелось брату подарок сделать.

Интересно, а где это он на гармонике так здорово играть научился? И почему он не берет мячик? Он как будто боится его. Или нет, он боится меня. Ну да. Помнит, как я побил его тогда. Но ты же сам виноват, Костян. Не надо было выключать телик. Ладно, оставлю его здесь где-нибудь. Захочет – возьмет. Нет – ну и фиг бы с ним. Черт, все настроение испортилось. Это же надо как глупо получилось.

Бабушка

Вот уж не думала, что приедут. Прости, Господи, грешную, думала, что совсем в них человеческого не осталось ничего. Ан нет. Ошибалась, выходит. Ну и славно. Ну и хорошо. Уж как снег на голову. А у меня и дома порядка нет, и гостям на стол поставить нечего. Стыдно, конечно, да что поделать.

Ношусь по дому туда-сюда, а сама приглядываю на ними. Вдруг чего случится. Да ничего. Сидят. Уставшие. В пол оба смотрят. Видать, совесть-то грызет. Уж я в церковь свожу их обоих. Может, полегчает им.

Им действительно вроде полегче стало. Выговорились они. Дома-то, смотрю, не разговаривают совсем. Ну так я послушаю их. Поддержу как сумею. Они, как нашли с кем поговорить, так прямо на глазах переменились. Легче им стало. Ну и слава богу.

Вот, Костик, тоже рад гостям. Уж что они с ним делали дома, а он – ничего. Чувствует родную кровь. Как увидел их, давай руками махать. Бежит к ним, кричит чего-то. Радуется. Ребенок он, честное слово. Откуда же в нем доброты столько?

Михалыч

Я-то чуть не поперхнулся, как услышал, что Константина Борисыча отец с братом приехали. Мать честная, у меня и баня-то даже не топлена! Гостей пригласить и то некуда. Срам один. Я, понятное дело, – в сарай. Удочки там проверить, плот наш с Константином Борисычем, дрова для бани. Потом на мотоцикл – и к Надежде.

Приехал, а там уже и гости сидят. Надежда хлопочет, понятное дело. Тоже гостей не ждала. Да не переживай, Надежда, устроим гостей твоих, развлечем, как положено!

Костик

Я так обрадовался, когда Михалыч приехал. Бабушка не ждала гостей. Сейчас она ходит туда-сюда по дому. То достает из погреба грибы, то еще что-то. Она хочет, чтобы все было хорошо. Но почему она думает, что все плохо? Сережа и папа едят грибы. Они их так любят. Правда! Но бабушка не может успокоиться. Она варит пельмени, что-то жарит. Думает, что папа с Сережей

обидятся, если узнают, что их не ждали. Но им хорошо. Так хорошо, как давно не было дома. Мне хочется успокоить бабушку. Я хочу, чтобы она перестала бояться: бабушка, все будет в порядке! Жаль, она слишком занята и не слышит меня. Как было бы здорово, если бы к нам пришел Михалыч! Он бы разом нашел, чем занять папу и Сережу.

Но Михалыч – волшебник. Правда. Я только подумал о нем, и он появился. Он понял, что нам нужна помощь! Михалыч пришел, и бабушка успокоилась. Теперь ей не придется думать, чем бы занять гостей. Теперь этим займется Михалыч. Нам будет хорошо.

Вот только почему Сережа подарил мне оранжевый мячик? С тех пор как я отдал свой Пантелеичу, я ни разу не был один. Ни разу. Я видел свой Мячик только во сне. Но странно. Теперь я не хотел его ловить. Зачем? Я не хочу что-то менять! У меня появились друзья. Я больше не один. Так почему Сережа дарит его мне? Он хочет, чтобы мне было одиноко? Но почему?

Наверное, он просто не знает моей тайны. Он хотел, чтобы я радовался. Он знает, что оранжевый мячик – моя любимая игрушка. Но это было дома! Здесь нет. Наверное, это Хозяин Задверного мира. Он до сих пор сердится на меня за то, что я не отдал ему маму.

Но я не хочу быть один! Мне здесь хорошо. Зачем мне оранжевый мячик? Я не буду его брать. Пусть Сережа заберет его с собой!

Папа

Подумать только: мы сейчас поедем рыбачить! Бог ты мой, как давно я не держал в руках удочку! Я еще с самого нашего приезда понял, как много потерял, когда так долго отказывал себе в этой поездке. Мы забрались в мотоцикл и поехали. Как же здорово!

Михалыч – человек удивительный. Дед, а приглядеться – ребенок. Ей-богу, ребенок. Неудивительно, что так сдружились они с Костиком. Михалыч все уши уже прожужжал: мы с Константином Борисычем и туда, и сюда, и то, и это. Константин Борисович! Я мечтал, чтобы мои дети были успешными руководителями. Бзик, конечно, но всегда хотелось, чтобы их называли по имени-отчеству. Солидно, черт возьми! Но Сергей так и остался Сергеем, а Костик превратился в Константина Борисовича. Что это – шутка судьбы? Ее злая усмешка? Впрочем, какая теперь разница? Что есть, то есть – и с этим ничего не поделать.

Таких выходных у меня не было уже лет десять! Не меньше. Мы вытащили из сарая плот. Огромный такой, с парусом! Заплыли на самую середину озера. Ловили рыбу, ныряли с него. Да просто валялись на грубо сбитых досках и смотрели в небо. Я и Сергей. Ну чем не семейная идиллия?

Потом Костик и Михалыч протопили баню. Настоящую, русскую. К тому времени мы вдоволь набарахтались в озере. Даже поймали кое-чего. Мелочь в основном, но и пара карасиков с ладонь попалась. Приятно, черт подери! Умею еще что-то.

Потом парились в бане! Милое дело с дороги-то. Из парилки бегом на мостик и в озеро! Красота! Спасибо, Михалыч, вернул к жизни.

А как у вас, тут, Михалыч с ценами на жилье? Ну так, чтобы дом купить с землей? Нет, строить ничего не хочу. Отдыхать. Приезжать сюда хотя бы иногда. А до райцентра добираетесь как? А цены какие? Михалыч что-то отвечал, а я все спрашивал и спрашивал. И так мало-помалу я снова начал чувствовать себя человеком. Я Борис Прокофьевич – директор по развитию российского филиала крупной иностранной фирмы. Я главный. Я. Я, а не этот мистер Люмер со своим любимчиком.

Жаль только, что прилетели на пару дней. Ну да ничего. Скоро праздники. Дни нерабочие будут. Обязательно сорвусь сюда. Тут уж отдохну, так отдохну.

Уже в аэропорту я вдруг вспомнил про Костика. Я ведь совсем забыл про него! Хотя он, смотрю, и не обиделся. Ладно, простите, если что не так. Костик, не переживай. В следующий раз прилечу, привезу тебе твой любимый хоккей.

Михалыч, спасибо за информацию. Баня была просто изумительной, рыбалка – тоже. Надежда Владимировна, до встречи!

Костик

Я был прав. Я снова остаюсь один. Папа с Сережей приехали совсем на чуть-чуть. Но они не соскучились по мне. Нисколько. Они просто хотели отдохнуть. Сначала они мне обрадовались. Правда! Потом забыли про меня. Прямо как дома. Но почему? Наверное, мне просто нет места в их жизни.

Я помню эту старушку. Я видел ее, когда мы везли маму в аэропорт. Она переходила дорогу. Вернее, она стояла посередине между двумя дорогами: туда и обратно. Машины летели. Они не желали остановиться и пропустить ее. Я помню, тогда папа рассмеялся: «Вот занесло старушку-то. И как угораздило старую? Не место ей здесь». Я смотрел на нее в заднее стекло. Я пытался понять: как же она попала сюда? Ведь здесь ей не место.

Наверное, это очередная проделка Хозяина Задверного мира. Он просто перенес ее сюда, чтобы посмеяться. Наверное, когда ему надоест, он перенесет ее обратно. Но когда это случится? Меня он тоже принес сюда. К папе и Сереже. Туда, где мне не место. Совсем. Наверное, Хозяину Задверного мира когда-нибудь надоест и эта игра. Он заберет меня. Перенесет туда, где мне есть место. Вернее, он уже это сделал. Он перенес меня в деревню. К бабушке. К Михалычу. Но Хозяин Задверного мира хочет чего-то еще. Он не наигрался со мной. Что ж, я подожду. Я привык ждать.

Хорошо, что Сережа не стал оставлять мячик. Он понял, что я не хочу его. Совсем. Понял и забрал с собой. Но зачем он ему? Неужели он хочет быть один? Неужели ему нравится, когда Оля больше не приходит к нему в гости?

Сережа

Мы классно провели эти два дня: рыбачили, гоняли на мотоцикле с Михалычем, ходили в его баню. Потом, набегавшись, возвращались к бабушке есть пельмени, грибы и пить чай с вареньем. Хорошо, что бабушка успокоилась. Она больше не грузит нас, как в Москве. Никаких тебе наездов типа «мать в могилу загнали» и прочей лабудени. Оклемалась чуток. Бывает, что поделать. Короче, хорошо отдохнули. Фотик только, жаль, не взял.

Если бы еще этот черт поменьше по мозгам ездил – Михалыч – леший древний, вообще малина была бы. В диковинку ему, видать, с людьми нормальными общаться, вот и конопатил мозги все два дня. Достал, дальше некуда. Но что поделать, хозяин. Не денешься никуда от него. И не пошлешь.

Константин Борисыч – это Костян. Круто. Совсем одичал дед, я посмотрю. Уже с дауном подружился. Я, признаться, думал, опять будет Костян чудить. Но нет, где-то там с Михалычем терся все два дня. Я и не видел-то его толком. Запомнил, значит, урок мой. Ну и хорошо.

Взлетаем. Шесть часов страха – и мы дома. Надо будет сгонять сюда еще раз. Может, Ольку попробовать вытащить. Она, видите ли, дуется на меня до сих пор. Даже в аське не отвечает. Приглашу попробую как-нибудь сюда. Может, согласится. Любит она такие приключения. А то и в баньку к Михалычу затащить удастся. Главное, чтобы он сам с нами не поперся. И чтобы братец не полез с нами.

Бабушка

Ну что за люди? Только о себе и думают! Как только приехали, решила я – одумались. Унылые такие оба, понурые. Я уже и так их и сяк поддерживаю. Уж и выплакаться каждому дала в жилетку-то свою. Выслушала обоих: живется им тяжело сейчас. Не ладят друг с другом совсем. На работе трудно. Утешила, подсказала как смогла.

Страшно слушать их было. Не потому, что плохо все так. Нет! Все у них вокруг плохие выходят, одни они хорошие. Только и слышала от обоих: я, мне, меня, мое. Уж тяжело было, да слушала, головой кивала. Думала, выговорятся, лучше им станет. Выговорились. Выплакались. Смотрю, уже и головы подняли, носы задрали. Все. Хозяева мира. Расхорохорились. Это им подай, то принеси. Да разве можно так? В гости приехали, так и ведите себя по-человечески! Да нет – как дома. Все

только для них. Все ради них. Два дня только и знали, что отдыхали. Хоть бы сделали что. Спасибо сказали. Да нет, не приучены.

Да не жаль мне для них ничего. Ничегошеньки. Жаль их обоих. Это я пока жива, есть кому в жилетку выплакаться. Есть кому поддержать их. А не станет меня, что делать будете? Глотки друг другу перегрызете. Да грызите на здоровье! Не вас жаль – Костика. Как к Михалычу поехали, вы и думать-то про него забыли. Что же за люди вы такие? Что за люди?

Михалыч

Не приму их у себя больше. Потому как нельзя вести себя так. Ишь, королями тут ходили. Посмотришь – страсть одна. Константина Борисыча так вообще не замечали. Родственники. А важные страсть. А землю купить? А строить ничего не хочу. А еще раз приехать с друзьями? Небось, и друзья такие, как сами.

Обидно мне стало страсть как. Не за себя. Не за них. За Константина Борисыча. За что ему родственники такие?

Эх, годы наши старые! Пока гостили эти двое у меня, мы с Константином Борисычем в баню-то так ни разу и не сходили. Непорядок. Не положено потому как в неделю ни разу в баньке не пропариться. Люблю я это дело страсть как! И Константин Борисыч любит. Вот вдвоем и сходим. Не все же королям этим!

Костик

Папа с Сережей улетели. Мы снова остались одни. Нет, мы не одни. Мы – вместе. От этого нам веселее и лучше. Мы снова начали ходить на рыбалку, плавать на плоту, собирать грибы и ягоды. Все стало так же, как и раньше. Только почему-то мне начал сниться мой Оранжевый Мячик. И я снова стал чувствовать себя одиноко. Но почему? Что такое произошло? Наверное, потому, что у меня нет семьи. Совсем. У всех есть, у меня нет. Наверное, поэтому мы и встретились: я, бабушка и Михалыч. У них тоже нет семей. Они тоже одни.

Но теперь все изменилось. Правда. Мы нашли друг друга. Теперь мы все – одна семья. А иначе не может быть. Нельзя, чтобы кто-то был один. Это неправильно!

Я пытался заснуть, но у меня ничего не выходило. Я поворачивался то на один бок, то на другой. Бабушка рассказывала мне сказку. Теперь про то, как Фей отправился делать мир лучше. На своем

пути он встречал много-много существ. Многие из них – нехорошие. Но Фей смог сделать их лучше, добрее. Может, он встретит моего папу и Сережу. Может, он их тоже сделает добрее.

Я слушал, но не засыпал. Интересно, сколько детишек осталось сегодня без сладких снов из-за меня?

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Я не хочу просыпаться. Мне страшно.

Обычно я люблю смотреть, как поднимается солнце. В это время все становится красивым. Красивым и немножко загадочным. Как в сказке. Еще ни разу, с тех пор как я здесь, я не пропускал рассвет. Но сегодня – не хочу. Я не хочу, чтобы наступал сегодняшний день.

Я слышу, как бабушка проснулась и начала заниматься по хозяйству. Она никогда не будит меня по утрам. Делает все как можно тише. Так, чтобы не потревожить меня. Но сегодня все по-другому. Нет, бабушка все так же старается не разбудить меня. Просто я сегодня чувствую все намного сильнее и гораздо острее. Как будто сегодня что-то произойдет. Что-то такое, что снова изменит мою жизнь. Ведь не случайно я вчера нашел оранжевый мячик. Тот самый, что привез Сережа. Тогда я не захотел его брать. Я не хотел снова быть один. Я думал, Сережа заберет его с собой.

Но он не стал этого делать. Он оставил его на подоконнике. Он устал быть один. Наверное, он просто соскучился по Оле. Но почему один все время должен быть я?

Я смотрю на бабушку. Я удивляюсь, словно вижу ее впервые. Я только что заметил родинку у нее на шее. Точно такую же, как у мамы. Бабушкина любимая брошь. Она похожа на листик. Ее платье в горошек. Ее фартук, старые тапочки – все это я видел уже много раз. Очень много, но только сейчас я начал замечать много нового. Я больше не хочу спать. Я встал. Я смотрю на бабушку. Я стараюсь запомнить ее.

Бабушка

Костик сегодня рано проснулся. Еще и петухи-то не кричали. Обычно он под одеялом подольше понежиться любит. Поспать как следует, сил поднабраться. Силы ему ох как нужны! Много сил. Чудак Михалыч, но он – единственный друг Костика. То на рыбалку заберет ребенка, то в баню, то в поле, то еще куда. И углядеть-то не успеваешь.

Долго я думала над этим. Ох, как долго. Думала сначала, деду жаль мальчугана просто, вот и возится с ним днями целыми. По Славке своему соскучился, а тут тебе и отрада на старость годов-то. Да не так это все просто, оказывается. Михалыч и Костя – друзья. А там, где дружба, там и места-то нет жалости.

Грешна, завидую им временами. Они могут дружить. Видят они друг в друге что-то такое, чего другим-то и не понять никак. Для меня даже, старухи древней, и то загадка это все. Уж и так, и сяк. Я вот, например, уж и к себе Костика забрала, уж и вожусь с ним, а все одно – не дружим мы. Казалось бы: отдать его, как отец хотел, в интернат или куда там еще. И мороки тебе никакой, и живи спокойно. Ан нет, к себе в деревню взяла на старости лет. Вот почему так, кто ответит? Я как ответ нашла, так и заснуть не могу теперь. Стыдно стало перед Костиком-то. Да чего там? Перед самой собой стыдно страсть как, перед дочерью! Перед Господом!

Сегодня не так что-то. Костик с меня и глаз-то не сводит. Смотрит себе и смотрит. По мне – так ради Христа. Всему рада, не грустил лишь бы внучок. Да все равно мурашки по коже бегут. Странный он, Костик-то. Ей-богу, странный! Смотрю на него и вижу: чувствует он все. Что было, что есть, что будет. Почувствовал же тогда, что с матерью беда приключилась! От мысли одной страшно как-то становится. Да не за себя, за него. За душу его чистую.

Смотрит он на меня так, словно в последний раз видит.

Уж сколько лет прошло – как сейчас помню. В день тот на отца так же точно и смотрела-то. Чувствовала ведь, что день последний живет он. Да только объяснить не смогла. Как забрали его, с тех пор и не видели мы с матерью его уже никогда. Вот так точно и Костик смотрит на меня. Словно последний раз видит. Мне-то что? Отжила свое старуха-то. Вон уж и седьмой десяток к концу подходит. Да за внука душа тревожится. Как ему без меня?

Михалыч

Уж никак не хотел мотоцикл заводиться сегодня. И так я его, и эдак! Завел-таки. Не забалуешь у меня! Надежду сегодня в Центр отвезти обещался. А вот тебе и незадача – мотоцикл-то не заводится!

Вот беда-то! Молодой был когда, так за такое и под трибунал отправляли. Сашка-то этот, как его… Водитель замполитовский. Ну, рыжий-то, этот. Газик с утра свой не завел. Так его живо под трибунал. Вредитель! А как иначе-то? Замполиту в Центр ехать, а тут на тебе, машины-то и нет! Под трибунал! Потому как порядок такой. Раньше с этим того, строго было страсть как!

А я-то сейчас, как назло, в костюме своем парадном. С медалями. Нельзя ведь в Центр как ни попадя ехать. Тут дело такое: при параде при полном должно быть. Иначе никак! Порядок потому как такой. Так и вещь такую портить не будешь-то! А и времени осталось всего-то и ничего. Надежде в восемь обещал прибыть. Вот тебе незадача-то.

И так его, и сяк! Завелся-таки. Смотри, у меня не забалуешь. Надежду отвезти в Центр, все одно что замполита. Тут важность нужна особая. Благонадежность. Она с кем ни попадя не поедет. Вот и вчера так спрашивает: «Не отвезешь ли, Михалыч, меня в город?» Я помочь рад страсть как. Согласился, конечно. Откажешь разве, если Надежда просит. А тут – на тебе, мотоцикл-то не заводится.

Всю дорогу так и норовил заглохнуть. Уж и эдак я его, и так. Доехали-таки. На часы посмотрел: восемь ноль-ноль. Как штык. Иначе – никак! Сейчас Костику гостинцев передать надо. Надежде, вот, тоже почтение засвидетельствовать. Потому как порядок такой! Она у нас в колхозе председателем последние лет десять была. Как старый-то спился совсем, так и взяла на себя она руководство. Уважаю! Работали ведь!

Константин Борисыч! Даже ты меня встречаешь сегодня с утра ранехонько. Словно знал, что проблемы с техникой, вот и решил проверить: как, мол, Михалыч с обязанностями своими справляется. А я так и отвечу: «Справляемся! Техника, конечно, барахлит, ну так и мы не лыком сшиты! У нас не забалуешь!» Понимает, значит, в Центр ехать – не шутки шутить. Тут все должно быть в порядке полном. И никаких тебе «но-но».

Костик

Михалыч! Сегодня он везет бабушку в город. Для него это целый обряд. Он даже надел свой костюм со значками. Наверное, он одел его, чтобы не потеряться. Чтобы бабушка его везде могла заметить. Хотя зачем? Михалыча не потерять из виду нипочем. Он такой громадный! А еще – лохматый. Как медведь из сказок. Такой смешной в этом костюме!

Мы завтракаем. Михалыч важно рассказывает, как в последний раз был в Центре.

– Лет двадцать как был там в последний-то раз. Никак не меньше. Славку в институт провожал. Народищу там я вам скажу! И все при пиджаках. Все аккуратные такие. Потому как нельзя в Центр

потрепанным ехать. Не положено. Порядок потому как такой. Так я тогда, помню, на киносеанс попал даже. Ситро, значит, купил – и в зал. Так ведь не пускают! Нельзя, потому как с ситро, в кинозал.

Я слушаю Михалыча. Представляю себе эти чистые улицы. Этих людей в пиджаках. Я вместе с Михалычем сижу в кинотеатре и смотрю фильм. Я пытаюсь представить себе, как это: сидеть в огромном зале и смотреть на стене кино. Я никогда раньше не был в кинозале. Никогда. Я слушаю Михалыча. Не пропускаю ни одного его слова. Я хочу поехать вместе с ними.

– Бабушка, Михалыч, возьмите меня с собой! – прошу я их. – Я тоже хочу попасть в Центр! Я хочу в кино!

– А что Константину Борисычу делать здесь одному весь день-то навылет? Пусть бы с нами поехал. Посмотрел бы, что это такое – Центр, – понял меня Михалыч.

Бабушка не ждала такого. Почему-то она ничего не ответила. Ей сегодня неспокойно. Она чего-то ждет. Чего-то нехорошего.

– Пусть побудет дома. А то я уже и Аркадьевну попросила к себе взять его. У нее внуки приехали, пусть поиграют чуть. А то ведь и неудобно перед человеком получится. Договорилась же.

Бабушка говорит не то, что думает. Мне это непонятно. Зачем? Хотя. Мне кажется, я понимаю, отчего это. И теперь я знаю, что иногда хорошо так поступать.

Аркадьевна оказалась полной женщиной с уставшим лицом. Они долго о чем-то разговаривали с бабушкой. Как будто не видели друг друга очень давно. Хотя на самом деле встречались они только вчера вечером. Потом бабушка села в коляску мотоцикла, и они с Михалычем уехали.

– Меня зовут баба Катя. Пойдем! Ко мне внуки приехали погостить: Маша и Паша. Ты с ними подружишься. Потом приедет Надежда и заберет тебя домой.

И она взяла меня за руку.

Втроем мы здорово провели время. Сначала играли в мячик. Как когда-то давно с теми ребятами во дворе. Маша и Паша кидали мяч друг другу, а я ловил. Они хоть и меньше меня, но такие хитрые! Они постоянно меня обманывали. Они показывают, что собираются бросить мяч в одну сторону. Я бегу туда. Хочу поймать его. Но они вдруг кидают его в другую сторону. Совсем. Но я не обижаюсь на них. Это игра. Они должны обхитрить меня. Иначе будет неинтересно. Им эта игра очень понравилась. Очень! Мне тоже.

Потом я играл для них на своей гармошке. Сначала им понравилось. Очень! Потом они устали. Они больше не захотели слушать мою музыку. И пошли в дом. Я пошел за ними. Там они достали большую картонную коробку. Внутри оказалась мозаика. Я обожаю собирать эти штуки! Много-много кусочков целой картинки! Их надо собрать. Точь-в-точь как на листиках в коробке. Мама часто покупала мне такие. Она тоже любила собирать их со мной.

Мне было всегда интересно: что будет, если собрать их по-другому. Не так, как они подходят друг к другу. Что получится тогда? Я часто пытался сделать это. Но у меня ничего не получалось. Они как заколдованные. Собираются только так, как хотят они сами.

После мозаики мы пошли к реке. Я еще ни разу не был здесь. С тех пор как живу в деревне, Михалыч часто возит меня к себе на озеро. Но про эту речку я не знал. Хотя она совсем рядом. Там, где начинается лес.

Мне здесь не понравилось. Совсем. Было сыро. А еще мелко и узко. Река должна быть широкой. Она должна быть глубокой. Там должны быть пляжи с желтым песком. А еще там обязательно должен быть мост. Большой! Чтобы могли ездить машины. Здесь ничего этого не было. Только крутые берега и много-много мусора: пакеты, пустые бутылки, пачки от сигарет. Здесь грязно и совсем нет песка. Наверное, это не настоящая река. Совсем. Но одна вещь мне очень понравилась – навесной мост.

Этот мост – волшебный. Иначе, как объяснить, что он висит между берегами на канатах? Мост собран из досок. И он – живой! Он чувствует, что по нему идут. Он раскачивается из стороны в сторону. Качается, когда на него наступаешь. Наверное, ему щекотно.

Я прошел по нему несколько раз: туда-сюда. Я хотел обхитрить его. Сделать так, чтобы он не почувствовал меня. Напрасно! Даже тогда, когда я шагал очень осторожно, мост меня видел. Когда я шагал аккуратно, он чуть-чуть раскачивался. Туда-сюда. Я останавливался, и он тоже. Потом я делал шаг, и он снова начинал качаться. Нам было здорово вместе! Ему только не понравилось, когда я попытался пробежать по нему. Он начал так сильно раскачиваться, что чуть не сбросил меня вниз. Наверное, это очень больно, когда по тебе бегают. Я больше так не буду.

А еще здорово слушать, что он шепчет. Для этого надо просто не шевелиться. Надо, чтобы мост забыл, что на его спине кто-то есть. Тогда можно расслышать его тихий шепот. Скрип-скрип. Это он разговаривает сам с собой. Или, может, с речкой. Они разговаривают друг с другом! Мост что-то шепчет, а река смеется в ответ. Наверное, она не понимает, что мост говорит. Совсем. А еще мост старый и грустный, а река – молодая и веселая. Наверное, река просто смеется над мостом. Она не понимает, что ему очень одиноко. Бежит себе куда-то. Она видит далекие страны. А мост просто висит здесь. Он ничего не видит, кроме берегов и реки. Наверное, именно поэтому он так радуется, когда по нему кто-то идет.

Маша и Паша купаются в реке. Я и не заметил, так здорово играл с мостом. Они плещутся в прозрачной воде. Поднимают тучи брызг. Они смеются. Я тоже люблю плескаться в ванне. Но мама никогда не разрешала мне делать столько брызг. Я хочу присоединиться к ребятам. Я нашел тропинку, по которой они спустились к воде. Вот она, я ее вижу. Я спускаюсь по ней. Вбегаю в воду. Она такая холодная! Не то, что в ванне или в бане. Я хочу выскочить назад, на берег, хочу, чтобы мне стало тепло, но ничего не выходит. Ребятам, наверное, тоже очень холодно. Я смотрю на них, но им нравится. Они смотрят на меня. И вдруг начинают смеяться. Я не могу понять, в чем дело. Я смотрю на них и вдруг понимаю. На них нет одежды. Только трусы и какая-то штука на Маше. А я в штанах и рубашке. Это их рассмешило. А мне стало сыро и очень холодно.

Паша

Баба Катя привела к нам соседского мальчишку. Костю. Она хотела, чтобы мы взяли его к себе поиграть, пока соседка уехала на мотоцикле в город с этим лешим. Михалыч – чучело огородное. Мы иногда любим его подразнить. Но только иногда. Он добрый. Очень. Он часто помогает и нашей бабушке. Недавно шифер на крыше заменил. Он катает нас на мотоцикле. Так здорово лететь по проселочной дороге в коляске его «ижака». В городе таких уже не увидеть, а тут – пожалуйста, даже прокатят.

Мы с Машкой смотрели на Костю и не знали, что делать. Нет, играть – это всегда пожалуйста. Но как играть с ним? Он же даун!

Пока мы думали, он сам подсказал, что делать. Схватил мячик и бросил его нам. Раз он сам так хочет, значит, будем играть в собачку. Никогда бы не подумал, что это так здорово: играть в собачку с дауном. Его так легко обхитрить. Он верит во что угодно! Было так весело.

Еще он умеет собирать пазлы. У нас есть один новый. Баба купила нам его в городе. Она до сих пор думает, что мы очень любим этим заниматься. Жаль, что она забывает: мы уже взрослые. В седьмом классе! Хотя иногда можно и пособирать их. Интересно даже. Особенно сейчас, когда с нами даун.

Ну и ловко же у него это получается! Мы с Машкой только-только соображали, что к чему, а он уже вовсю собирает картинку. Даже как-то не интересно. А еще этот чудак все норовит как-то по-другому картинку собрать. Не так, как положено это. Даже ухитряется что-то сложить.

Мы пообедали и пошли на речку. Тут, рядом с деревней. Мы очень любим это место: тихое, безлюдное. Река не глубокая, и вода в ней теплая, как молоко! Мы плескались в воде, а даун что-то делал на мосту. Вот смешной! То подолгу замирал на нем, то начинал красться, словно кого-то боялся спугнуть. А раз этот дурачок попытался пробежать по навесному мосту. Он так его раскачал, что едва не свалился вниз. Кто же по навесным мостам бегает-то, балда? Даун, одним словом. Ну что с него взять?

Закончился день плохо. Этот дурак решил искупаться. Ну посмотри сначала, как это другие делают, а потом лезь в реку! Так ведь нет. Бухнулся в воду прямо в одежде. Нам с Машкой сначала смешно стало. Это же надо было догадаться: в реку – в одежде. А он скулить начал, пришлось одеваться и вести его домой, чтобы высушить. От бабы влетело, конечно. Не уследили, мол. Почему на речку без спроса? Но мы уже взрослые. Почему мы не можем сходить на речку без спроса?

С трудом избавились мы от него. Еле-еле баба отпустила нас на речку снова. В конце концов, почему нам должно быть плохо из-за дауна этого?

Ему надо высохнуть до приезда соседки. Вот пусть и сушится здесь. Все равно даже на улицу не пойдет теперь. А нам теперь что, вместе с ним сидеть? Мы пойдем искупаемся, а через час вернемся. Как раз просохнет он. Тогда и подумаем, что с ним делать.

А без него даже лучше. Машка мне в карты проиграла. На желания играли. Теперь, когда дауна нет, я загадаю свое. Давно хотел уже подсмотреть. А теперь и повод есть: проиграла же Машка в карты. Теперь она голая купаться будет. А что? Сюда народ только в выходные ходит. Или вечером поздно.

Андрюха

Чего я сюда поперся? Голова трещит, самого мутит. Еще и не ложились со вчерашнего. Как к Тощему в баню забурились, как и не просыхали. Тоже мне, банщики, блин. Парилка-то знатная у него, да вот только не зашли мы туда ни разу за вечер. А когда? Только отвлекся, тебе уже по новой налили. Перебрал, конечно. На лирику потянуло. Друганам про мечту свою и рассказал. Типа, «ижак» хочу себе древний. С детства мечта моя.

Все сидели и кивали. А что им? Все равно бухие. И чего Макс этот влез. На дух его не переношу. Шуганный какой-то. Все хочет ко мне в бизнес подписаться. Типа партнером. Типа капиталом помочь. Да видал я твой капитал! И так он, и сяк ко мне. А тут – на тебе, и повод подкатил. Вот и решил подстелиться.

«Я, – говорит, – знаю. Тут у черта одного „ижак" есть. Как раз такой, о котором ты говоришь.

Типа поехали. Я знаю, как к нему проехать. Рядом совсем. Подарок тебе сделаю. Мечту осуществлю».

Гудвин хренов. Тоже мне, исполнитель желаний! Трах-тибидох-тибидох, явись «ижак» новый! Ладно, он кретин. Я-то чего повелся? Бухой был, понятное дело. Вот меня и переклинило: «Поехали покупать „ижак"».

Третий час колесим уже. Знает он. Конечно. Сначала туда, потом сюда. Потом вообще отключился. Козел. Выкинуть бы его здесь из машины, да останавливаться западло. Хотя ему полезно было бы разочек. В следующий раз думать башкой будет, прежде чем рисоваться. Хотя ему и думать-то нечем. Мозги пропил да прокурил давно уже. Козел!

Костя

Ребята почему-то больше не хотят со мной играть. Я снова остался один. Меня раздели и посадили греться возле печки. Нет, тетя Катя глядит за мной, даже разговаривает. Но она не умеет понимать меня, как Михалыч. А еще она не умеет играть в мячик.

Она занимается на кухне: что-то готовит. Ей просто не до меня. Я сижу на скамейке возле печки. Один. Мне надо просохнуть, иначе бабушка расстроится. Потом придут ребята, и мы снова будем играть в наши игры. Или вернется бабушка. Она придумает что-нибудь интересное.

Уже солнце начало прятаться за горизонт. Уже вернулись Паша с Машей. Они поужинали и легли спать. Уже ночь. Баба Катя чем-то страшно озабочена. Она ходит по дому и ворчит:

– Владимировна к обеду собиралась вернуться, уже вечер, а ее все нет. Уж не случилось ли чего, – все не утихает она.

Баба Катя надевает пальто и куда-то уходит. Может, она пошла искать бабушку с Михалычем? Она боится, что они забыли про меня? Вряд ли.

Я остался один. Первый раз с тех пор, как я здесь, мне одиноко. Первый раз я вызываю своего друга – Оранжевого Мячика. Он пришел не сразу. Он не хотел играть со мной. Он обиделся. Ему было одиноко все это время. Но вот наконец он появляется. Как всегда, из воздуха. Из света. Я уже отвык от этого. Мне все ново. Все в диковинку. Странно. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что сейчас он стал ближе. Намного. Кажется, стоит вытянуть руку – и я схвачу его. Никогда он не был так близко ко мне. Я осторожно вытягиваю руку. Пытаюсь дотянуться. Еще чуть-чуть! Самую малость! Я уже чувствую тепло его поверхности.

Михалыч

Я больше никогда не поеду сюда. Никакого уважения! Стыд и срам сплошной! Хоть и глаза не открывай! Девки-то полуголые ходят. Годов пятнадцать едва есть, а уже с куревом! Помадой измазаны. Будь моей дочерью такая, уж я дурь-то из нее всю эту повыбивал бы. Бестолочь бы всю из башки разом! И никаких тебе «но-но». Порядок потому как такой. Не положено, и все тут, срам на улице разводить!

А они-то, бестии, никакого почтения! Это же надо так! Я терпел-то срам весть этот и так, и эдак. Не выдержал. «Кто тебе, – кричу, – пигалица, сигарету-то дал? Она же тебя-то больше! Домой бы шла, мамке помогла бы. Толку хоть было бы. Кто же научил тебя по улицам ходишь чуть прикрытой?» А она мне в ответ: «Вали, дед, назад в свой Мухосранск, коров своих учи жизни! Чего дома не сидится, хрен старый!»

Это она мне-то! Мне! Да она мне во внучки годится, а разговаривает как!

Да я ради таких, как она, в колхозе пахал что проклятый! Пять утра – уже на ногах! И впроголодь жили, лишь бы детям нашим пожить как человекам-то белым. Пигалица! Уж я тебе уши-то надеру! Будешь знать у меня, как со старшими разговаривать. Научу уважению и порядку.

Уже и вскочил я, так меня Надежда за руку схватила. «Пойдем, – говорит, – Михалыч, внутрь. Нечего тебе здесь на улице делать!»

Я-то не стал перечить. Чего там, дых гонять на бестолковок этих? Уж лучше внутри посидеть, чем здесь. Тьфу, пропасть! Противно, аж страсть как!

А они-то, девки те, как увидали все это, так и давай ржать! «Эй, кочерга! Тут муженек-то твой клеится до нас. Ты бы давала ему почаще, не стал бы к молодухам клеиться. Только свет выключай! А то испугаешь».

Ничего не понял с говору их. Одно только ясно: насмехались они над ней. Срам один, в общем. Тьфу на них всех: и пигалиц этих, и конторских этих! Хрен редьки не слаще.

Еще и в кинозал не попал. Хоть одна радость была бы за день! А тут на тебе, универсам из него сделали. Эх!

И не заметил-то я за мыслями своими мрачными, как сбоку машина выскочила. Уже только бампер-то и увидал. Мне бы чуть раньше голову повернуть. Да расстроили старика городские эти. Так расстроили, что окромя обиды своей и думать ни о чем не мог. Аж дых перехватило, страсть как! Это уже когда он совсем близко подъехал, обернулся я. Мне бы чуть раньше. Эх, пигалицы, пигалицы. Уж я бы управу на вас отыскал. Потому как нельзя так. Порядок потому как такой.

Вот ведь, незадача, и номера запомнить не успел. Разве что наклейку эту на стекле на лобовом «Андрюха». Дурацкая такая.

А машина-то хорошая. Большая. Колеса, что у трактора. Огромнющие! Такую бы мне! И зимой и летом на ней хоть куда. Хошь в лес по ягоды, хошь по дрова. Блестит только чересчур. Как бы не оцарапать.

Бабушка

Я уже ни о чем не думала. Стыдно было перед Михалычем. Зря я его попросила. Знала, ведь, что не откажет! Для него город – Центр. Для него поездка такая, что праздник. Он и приоделся, как на парад. Медали вон даже не забыл. В кино сходить собрался, в кафе. Думал, ничего не изменилось, с тех пор как он последний раз там был! А был он там лет пятнадцать, не меньше. Всю дорогу рассказывал, что в кафетерий обязательно зайдет. На киносеанс.

– Давно, – говорит, – на киносеанс не ходил. Еще со Славкой-то, когда тот совсем мелким был.

Уж как он ждал этого! Я-то, старая, о чем думала! И кафе закрыто давно, и кинотеатр. И люди в пиджаках давно не ходят.

Сидела себе в коляске и ни о чем не думала. Стыдно было. Даже и не почувствовала ничего. Тряхнуло только сильно, да почему-то земля перед глазами завертелась.

Андрюха

Твою налево! Разъездились тут! Сука! Будь моя воля, так я таких, как они, через одного – и к стенке. Нехрен тут на «ижаках» раздолбанных по дорогам мотыляться.

Я-то всего на пару секунд отключился. Уж сильно меня сморило от езды этой по буеракам. Укачало. Вот и задремал. От удара в себя и пришел. Смотрю, мотоцикл кувыркается. Все, приехали, мать вашу! Радуйся, Макс, нашел я «ижак». Спасибо за помощь, мудила.

В детстве мечта моя была – ИЖ «Планета». Соседу завидовал до зубной боли. Сам здесь жил. Неподалеку. Через дом от тракториста местного. Михалыч или как там звали его. Первый на деревне «ижака» себе взял. Пацанву катал по вечерам после работы.

Новенький, блестящий. Цвета такого же, как этот. Только этот потрепанный, а тот новехонький был! Блестящий, как рояль! Так я с пацанами по ночам в сарай к нему лазил, посидеть на седушке, попялиться вблизи на «ижака». Наизусть выучил, где и что у мотика этого. Хоть с закрытыми глазами нарисовать мог. С тех пор «ижак» – моя мечта. И с Максом этим поперся куда-то такой покупать. Вот и нашел по дороге. Сука!

На этот смотреть противно. Искореженный весь. Эти двое – в мясо. Что же за непруха такая сегодня! Кенгурин на свалку теперь. Ладно, хоть морду не поцарапал.

Макс, конечно, тоже в себя пришел. Из машины выпал, на меня, как ужаленный, смотрит. Только и бормочет: «Что делать будем, Андрюха? Что делать?» Паникер хренов! А еще в партнеры по бизнесу метит.

– Прокопу звони! Ща подъедет, оформит ДТП как положено, и все будет пучком. Сука, кенгурина жаль!

Костик

Баба Катя вернулась, и я понял: что-то случилось. Что-то плохое. Иначе почему она вся в слезах? Как бабушка, когда хоронили маму.

И не говорит ничего. Только шепчет:

– Надежда, Надежда!..

А еще меня обнимает:

– Как же ты, Костик, дальше-то будешь? Как же тебе, милый, жить-то дальше? Не переживай, к себе заберу тебя. Уж я пригляжу за тобой. Не хуже, чем Надежда-то.

Я понял. Бабушку тоже забирает к себе Хозяин Оранжевого Мячика. И Михалыча. Но почему он оставляет меня? Почему он так хочет, чтобы я был один? Неужели ему больше не с кем играть?

Баба Катя куда-то снова убежала. Я опять остался один. Мне грустно. Я один. Но почему? Что я такого сделал? Мама, Оля, бабушка, Михалыч. Может, про меня узнает Пантелеич? Может, он приедет? И станет моим другом?

Наверное, Мячику не понравилось, что я забыл про него. Наверное, это я виноват, что не стало бабушки. И Михалыча. Но я же не специально! Я не хотел никого обидеть. Совсем. Я просто хотел, чтобы у меня было много настоящих друзей. Как Михалыч. Но Мячик хотел, чтобы он был моим единственным другом. Почему?

Ко мне снова пришел мой Мячик. Он снова куда-то скачет, но я не решил, что буду делать. Не хочу его ловить. Боюсь. Но еще больше я боюсь обидеть его. Вдруг ему не понравится, что я не хочу играть с ним? Вдруг он что-то сделает с бабой Катей или еще с кем-то? Я не хочу, но должен поймать его. Иначе Хозяин Оранжевого Мячика обидится еще сильнее. И опять случится какая-нибудь беда.

Папа

Ну прямо полегчало мне после поездки этой. Отпустило. Надо иногда все-таки отвлекаться. Пока в самолете летели, все на свои места встало.

Пара дней – и подстава готова. Знал я, поведется он на такой шанс. Перед Люмером-то ему сейчас козырнуть ох как надо. Словеса, конечно, словесами, да только продажи от них не растут нисколько. Вот мистер-дристер коситься на него начал. За что, мол, молодой человек, зарплату получаете у нас на предприятии?

Подставу я ему организовал – залюбуешься. Аж гордость взяла за себя. Ни сучка, ни задоринки. Осталось только, чтобы он шею в петлю засунул.

Засунул. Такой шанс упустить! Он-то думать не умеет, прикидывать – что и как. И ко мне не подошел, конечно. Типа как посоветоваться. Уж очень ему козырнуть перед Люмером надо было! Знать надо молокосос, с кем стоит считаться. А еще место свое.

Короче, просрал тогда он сделку нехилую. Ту, что я почти полгода готовил. В два дня слил все. Высоковата цена, конечно, получилась, но да нервы дороже. Я, конечно, потом сразу же в Сочи полетел. Улаживать дела. Я же не кретин полный. Когда ловушку готовил, предусмотрел все. Оставил лазеек сколько надо. Подстраховался, понятное дело. За ниточки, где надо, подергал. Две недели беготни – и все в порядке. Из командировки вернулся, Сергеева уже и нет. Выгнали в три шеи.

Жаль, Юли нет. Уж она бы обрадовалась за меня! Проучил молокососа. Катком по нему прошелся. В следующий раз думать будет. И язык придерживать. Особенно, где не спрашивают его. Юля всегда меня слушала. Только говорил я в основном про фигню всякую. А тут – такая новость!

Оттого, что и рассказать некому, как-то настроение смазалось. Радость не та. Победа великая, да только не узнает про нее никто. Досадно.

Сергей так вообще уехал. Где-то в Финляндии работу нашел себе. Менеджером простым. Дурак! Я на тебя так надеялся. Тоже молодец. Настроение испортил. Ладно, куплю пива, пиццу, отмечу в одиночестве. Хотя секретарша у нас смазливая. Может, и не в одиночестве. Может, и не с пивом.

Интересно, что это Фирсов так оживился? Больничный даже закрыл раньше положенного? Не похоже на него это. Просек, наверное, фишку. Он хоть и хлюпик, но не дурак. Понимает, что Сергееву помогли в лужу сесть. Почувствовал, что доиграется у меня.

Нет, точно сегодня с ней вечер проведу.

Сережа

И что отец взвелся, когда я ему про Финляндию рассказал? Не понравилось ему, конечно. Видите ли, менеджером рядовым пошел. Тебе-то какая разница, где я рядовым менеджером буду: здесь или там. Только там я до ночи пахать не собираюсь. Отец, типа, за меня решил, что я такой крутой работяга. Домой позже, чем он, прихожу. Да лучше так, чем грузиться твоими рассказами. Хочешь, вон в Красноярск лети. Там баба тебя послушает с удовольствием.

Половины, конечно, не поймет; куда ей там, деревне. Но хоть головой покачает. Как же мне осточертело здесь все! Была бы Ольга, съездили бы куда-нибудь. Телик надоел. Друзья разлетелись кто куда: ни на дискач не сходишь, ни по сетке не порежешься. А что еще по вечерам делать? А тут тебе шанс такой подвернулся. Что я, дурак совсем, такое упускать?

* * *

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Но у меня ничего не выходит. Я знаю: когда-нибудь у меня это получится. Тогда изменится все. Но сейчас не время. Я почувствую, когда придет пора.

Тишина и пустота. Я даже не помню, как пришла баба Катя. Я не помню, что было на следующий день. Я не помню, как появился папа: расстроенный и серый. Все, что я помню, – это утренний иней. Как зимой! Все в инее. Все белое-белое. И холодное. Больше ничего. Но это хорошо. Потому что я не хочу помнить ничего другого. Правда. Я чувствую пустоту. А еще я чувствую, что что-то вот-вот изменится.

Папа

Тот звонок выбил меня из колеи. Только-только в себя приходить начал и тут – на тебе, посреди ночи! Ну за что мне все это? За что? Я и рад был, когда Константина в деревню отправил. Ни тебе мороки, ни тебе забот. Хочет возиться с ним Надежда Владимировна – ей и карты в руки. Мне-то и боли головной меньше в разы. Полгода прошло с тех пор – и тут на тебе, звонок этот проклятый.

Сначала не поверил. Думал, шутка чья-то идиотская. Да кому шутить-то так хочется? На следующий день, понятно, отгул на работе взял, за город поехал. Взял машину и покатился. В никуда. Куда глаза глядят. Лишь бы подальше ото всех. Видеть никого не хочу!

Поначалу на взводе, само-собой. А как первую сотню проехал, так и понял. Это же мне теперь с сыном возиться: интернат искать ему, что-то там еще делать. Нет, с ним здорово после работы выговориться. Отдохнуть, в хоккей поиграть, в конце-то концов. Но днем-то что с ним делать? Не на работу же брать с собой.

И Сергея нет. Позавчера улетел в Хельсинки. Я даже провожать не стал. Не оправдал ты доверия отца, сын! Я на тебя так рассчитывал!

Только сейчас я понял по-настоящему, что произошло. Аж пот прошиб. Остановиться пришлось, чтобы отдышаться. Твою мать, испариной покрылся!

В детстве мечта была: кабриолет. Обязательно американский, обязательно громадный и обязательно красный. Потом повзрослел, из головы дурь, понятно, вышла, машину нормальную взял. А вот сейчас пожалел. Откинул спинку и долго так на обшивку пялился. А так бы открыл верх и в небо смотрел.

Никогда еще так тоскливо не было. Даже когда Юля умерла. Растерянность какая-то, страх. Но не тоска. Тогда-то я еще не был один. Я думал, что у меня Серега есть. В деревню к Надежде Владимировне сгонял, там до меня людям тоже не все равно. Вон, даже Костик мне радовался. А теперь? Теперь я один. Совсем один.

А еще Фирсов этот, мудак. Чего я не разглядел вовремя, что он с Люмером этим снюхался? Я ему услугу-то оказал: Сергеева убрал. Думал, выскочке этому подставу делаю. Оказалось – сам себе. Правильно, этот мудак к Люмеру бегом сразу же. Мол, не умеет директор с людьми работать. Вот и молодой сотрудник облажался. Фирме чуть миллионные убытки не принес. А все могло быть иначе. Кадры воспитывать надо. Взращивать! Это промах директора, что людей толковых нет.

Понятное дело, про сына припомнил: мол, родню устраивал на работу. Все белье, сука, перетряхнул. Добился своего. Теперь вот место мое занял. Козел он! Я доверял ему, а он.

Завтра в Красноярск. А сегодня. Дашка тоже обломала. Я не в ее вкусе, видите ли! И вообще, замужем она. Знаем мы вас. Поняла, что место подо мной горит. Что тогда со мной возиться? Если покатился вниз, уже не остановишься. Знает она и это. Для нее я – бесперспективный. Я – бесперспективный. Отчаяние! Страх! Пустота и одиночество!

Боже мой, как мне нужен хоть кто-то! Мне так надо кому-то выговориться!

Сережа

Меньше всего на свете хотел я этого звонка. Как раз под вечер, когда отцу кого-то погрузить охота. Еще трубу думал не брать. Смотрел на телефон, а он все гудел и гудел. Стряслось у отца, может, что-то? Если хотел бы просто поговорить, так не терзал бы телефон.

Сначала не понял ни фига: «Я один, я остался один. У меня нет теперь никого». Блин, отец, нормально объясни, что ты от меня хочешь! Кое-как вытащил из него несколько слов.

Бабки больше нет. Что-то произошло там, в деревне. Первым делом, конечно, бросить все хотел.

Сорваться в Красноярск. Потом, конечно, дошло: я – тут, они – там. И что я сделаю? Работу брошу? Так не поймут финны: первый день на работе и тут же какие-то проблемы. Тут же домой летит. Такими темпами я кубарем полечу отсюда. И потом, чем я помогу? Деньгами? Туго у меня, отец, с ними. Я пока не директор. Организовать что-то? Но что? Я там никого и не знаю, кроме лешего этого Михалыча. Что? Оба разбились? Тем более от меня проку не будет. Постоять типа рядом с могилой? Это можно и позже сделать. Как окно появится.

Долго-долго объяснял я отцу все эти вещи. Бесполезно. Знай себе, бормочет: «Я один, мне помощь нужна, поддержка. Мне нужен кто-то. Фирсов, козел!»

А я что, не один? Думаешь, помощь мне не нужна? Еще как нужна. А Фирсов у тебя всегда козел. И это еще не повод меня срывать. Или не Фирсов? Или Сергеев? Да какая разница! У тебя все козлы.

Короче, час, наверное, мы с ним так разговаривали. Я ему одно, он и не слушает меня. Ну как тебе еще объяснить, что не приеду я? Батарея у него по ходу разрядилась. Или деньги на счету закончились. Оборвался, короче, разговор. И не звонит больше. Ну и ладно. Признаться, новость ошарашила. Потом весь вечер тупо с канала на канал переключался по телику. Да что же происходит такое, мать вашу? А потом я заснул. Мне приснилось, что я в бане, пялюсь на голого Михалыча. Тьфу ты черт!

Костик

Папу я не сразу узнал. Мой папа был грозный. Всегда аккуратно причесан и выбрит. Этот – растрепанный, небритый, растерянный и старый. Нет, он не похож на Михалыча. Михалыч старый потому, что ему много лет. Папа же просто старый: уставший, растерянный и напуганный. Мне стало жаль его. Он не смог победить свои обряды. А еще он остался один. Наверное, поэтому он стал таким… слабым. Раньше у него была мама. Теперь у него нет никого. Даже Оранжевого Мячика.

Я тоже один. Но теперь у меня есть баба Катя. А папа один. Совсем один.

Папа с бабой Катей о чем-то долго разговаривают. О чем? Папа жалуется. Ему плохо. Но он сильный. Он не должен жаловаться. Он должен кричать и размахивать руками. Как это было, когда он был с мамой. Он должен ругать нехорошими словами Фирсова, Сергеева и мистера-дристера. Но он не кричит. Он плачет. Как я, когда меня сильно обижают. Получается, они обидели папу. Но как? Как у них это получилось? Я долго смотрю на него. Я ничего не понимаю. Совсем. Я хочу разобраться, что происходит. Потом я устаю.

Я встаю и выхожу на улицу.

Баба Катя

Уж так жаль его стало! Тяжело ему одному-то. Сколько всего навалилось! Сын поперву, жена, потом другой сын. Теперь вот Надежда с Михалычем. Как же тут переживешь такое? Еще и на работе беда какая-то. Уж не поняла толком, в общем, теряет он место свое. Нехорошо это, поди ты сейчас работу найди. Вон у нас либо к фермеру за копейки иди, либо в огороде копайся.

Я, признаться, не любила его раньше. К Надежде раз в год приедет, уже хорошо. Да и то, приедут с семьей, что в санаторий. По участку бродят себе, яблоки да сливы обрывают. А Надежда знай себе носится. Хоть бы раз помогли! А последние шесть лет так и носа не казали. Вот, спасибо, месяц назад приехали. С утра уезжали куда-то, так и не видать их было до вечера до самого. И хоть бы палец о палец ударили! Хоть бы спросили, помочь, может, чем, Надежда Владимировна?

Уезжали, так Надежда им с собой надавала всего: грибы, ягоды, варенья, соленья! А знали они, сколько здоровья Надежда положила, пока все это собирала, варила, солила? Да откуда им! У них, вон, все в универмагах растет! На полках. Всех забот, что приди да затарься. В общем, не любила я его.

А вот теперь жалко стало. По-человечески. Куда холеность его подевалась, важность вся? Ссутулился, небритый. Лет на двадцать сразу-то и постарел. И не умолкает. Все плачется мне и

плачется. Слезы-то вон ручьями текут! Жизнь она штука вон какая сложная. Сегодня король, завтра ревешь в жилетку.

Костик

Папа с бабой Катей все говорили и говорили. А я сидел и сидел рядом с домом. Я люблю прислониться к нему. Он теплый. Особенно вечером, когда приходит холод. От него можно греться, когда начинаешь мерзнуть.

Я сидел и ждал. А еще смотрел, как поднимается туман. Такой плотный, словно одеяло. Я никогда еще не видел такого!

А потом пришла ночь. Она прогнала туман, и его не стало. Странно, чего они не поделили? Я не люблю ночь. Не люблю, когда темно. Ночью страшно. А еще холодно. И чем дальше, тем холоднее. Я понял это только сейчас, когда остался один на улице.

Холодно. Надо идти в дом, иначе простудишься. Или покроешься инеем. Как трава утром.

Я не люблю простуду. Очень. Когда ты простужен, это значит, что ты должен принимать горькие лекарства, терпеть эти противные горчичники и дышать над картошкой. Лучше не простужаться. Никогда. Но у меня так не получается.

Я встаю и собираюсь войти в дом. Но в этот момент я вижу полную луну. Круглая, как мой Мячик, она поднималась из-за леса. Я остановился и долго смотрел на нее. Я всегда смотрю на луну. Я жду: вдруг появится Хозяин Оранжевого Мячика? Вдруг он согласится забрать меня с собой?

Мне показалось: я что-то увидел. Правда. На луне что-то зашевелилось! Я забыл про холод. Я стоял и смотрел. Луна поднялась из-за леса. Потом повисла высоко-высоко на небе, а потом начала опускаться за горы. Я смотрел и видел: на луне кто-то есть. Наверное, это и есть Хозяин Оранжевого Мячика. Я стоял. Я смотрел. Я верил!

Темно. Одиноко и страшно. Даже ночью в комнате больше света, чем здесь.

Я знаю это место. Оно разное. Светлое или темное. Я люблю его, когда светло. Когда темно – боюсь. Мой друг тоже. Он приходит, когда светло. Темнота пугает его. Она холодная. Она прячет что-то страшное.

Свет!

Я слышу, он близко. Он скачет. Я не дышу. Я жду.

Много раз я видел, как он появляется. Прямо из воздуха. Он скачет, отскакивая от него. У моего друга нет тени. У всех есть, а у него нет.

Я хочу достать его. Я бегу. Я тянусь. Я знаю: тогда изменится все. Я чувствую, время пришло. Я делаю последнее усилие – и вот Мячик у меня в руках. Мне легко и радостно. Я взлетаю. Я растворяюсь в этом свете. Я знаю: наконец я дома! Мама, я иду к тебе!